

Алексей Федотов

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМ IV.**

**СЕМИРАМИДА
АННУШКА
НА ГРАНИЦЕ МИРОВ**

**ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ АНГЛИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.**

*Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного Фонда
Святителя Николая Чудотворца
в год литературы в России*

Иваново

2015

ББК 84.5

Ф34

Федотов А. А.

Ф34 Собрание сочинений: в 4 т./ А.А. Федотов. – Иваново: Издательство МИК, 2015.

ISBN 978-5-89222-155-9

Том IV. Семирамида. Аннушка. На границе миров. Духовные поиски английских писателей рубежа XIX-XX вв. – 2015. – 376 с.

ISBN 978-5-89222-159-7

В четвертый том собрания сочинений А.А. Федотова вошли повести «Семирамида» (2014), «Аннушка» (2015), рассказ «Никитушка» (2015), пьеса «На границе миров» (2015), и монография «Духовные поиски английских писателей на рубеже XIX-XX веков в контексте формирования глобального мира» (2015). Проблемы добра и зла, свободы воли, выбора и его последствий, поиска человеком своего места в мире являются центральными темами творчества автора.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-89222-159-7 (т. 4)

ISBN 978-5-89222-155-9

© Федотов А. А., 2015

© Журавлев В.С.,

иллюстрации, 2015

«Милость к падшим»

Нужно всегда помнить простую вещь: то, что мы делаем другим людям — делаем себе самим. Те, кого сегодня мы считаем «падшими» завтра могут встать, мы же, если будем их осуждать, а себя считать нравственно безупречными можем оказаться на их месте...

Очень простая, небольшая повесть православного писателя Алексея Федотова «Семирамида», посвященная трагической женской судьбе, задела сердца очень многих людей, ее прочитавших. Написал автор книгу на основе записей реальной женщины, в настоящее время усопшей, которая сделала их по моей просьбе. Ее рассказ о своей судьбе настолько поразил меня, что я попросил хоть кратко описать историю своей жизни, увидев, что эта жизнь может быть уроком для многих. Федотов, которому я предложил сделать на их основе литературное произведение, справился с поставленной перед ним задачей. Я был первым читателем этой повести, написавшим первый пространный отклик, который автор посчитал необходимым включить в книгу «вместо послесловия». Вот этот текст:

«Дорогой Алексей Александрович, конечно, ее история меня очень тронула, но главный лейтмотив постоянно звучал в ее словах: «Я всегда молилась Николушке». Даже дойдя до состояния божжей, она имела крепкую веру. Не знаю, кто был тот мужчина, но он вселил и поддерживал в ней фантастическую веру. Они дошли до самого дна: бабушка, мать и внучка спали вместе с собаками, чтобы зимой было теплее. Стекол в доме почти не было, и вместо них была наклеена мутноватая полиэтиленовая пленка.

Это была морозная зима, когда я встретил на дороге бабулечку. Мы ехали быстро, так надо было проехать с Кубани в Калмыкию, и попутчиков не брали. Собственно, так мы пролетели и мимо бабушки, одиноко стоящей и даже не голосующей. Вероятно, потеряла всякую надежду на помощь. Не знаю, что заставило меня остановиться, просто я сказал водителю: притормози, разворачиваемся, поможем бабулечке. Потом добавил: "Что-то здесь не то!" Вид у бабушки был соответствующий, но какой-то аккуратный. По пути разговорились – сказала, что едет в Ростов к кому-то на похороны и, может, раздобудет денежку, так как она и ее близкие полностью нищие.

На трассе Ростов-Ставрополь мы расстались. Отдали ей все наши вкусняшки – жареные пирожки с разными начинками, деньги из тех, что называются загашником. К чести бабушки, она не потратила ни копейки и все принесла домой. Потом раздали небольшие накопившиеся долги. Спросил, как ее звать. Остановил такси, очень убедительно попросил молодого парня довезти бабулечку как собственную. Парень тоже оказался молодцом, в Ростове не оставил ее и все сделал как положено.

Прошло примерно полмесяца, мороз крепчал, температура непривычно низкая для Кубани – около - 25. Начала болеть душа о бабушке. Где она, что с ней. Куда ехать – толком не знаю, адреса не знаю, только имя и фамилию, а сердце не дает покоя. Вопросов много: откуда она вышла на дорогу или перебивалась на перекладных и т.д. Набираю продукты: каши, колбасы, сыры, масло, чай, сахар, кофе, сухари, спички, два мешка картошки – и отправляю водителей Дмитрия и Сергея: попробуйте найти бабушку с семьей. Если на то будет воля Божия -

найдете. Промучились, но нашли. Ребята сами загорелись помощью. Я напутствовал: постарайтесь, мы тут жируем, а люди с голоду и от холода умирают. Они нашли их: деревня брошенная, люди боятся выходить из домов, дорог нет, дощатые настилы. Местных жителей очень смущали машины, и люди не хотели идти на контакт, думая, что это какие-то бандиты, но, если не ошибаюсь, тот мужчина, который напутствовал их в вере, он и указал адрес. Живут в деревне инвалиды, люди с уродствами и старики. Жуть даже их проняла. Вернулись, потрясенные увиденным.

Решил не оставлять эту семью, найти и купить хоть какой-то домик с пропиской. Промыслительно удалось купить нормальный домик, и даже с участком земли. Накупили угля, дров. Приехали за ними, забрали и перевезли. В комиссиинке взяли неплохую мебель. Дом к их приезду был готов. Помогали добрые христианки из грекоармян. Бабулечка и дочка с благодарностью вспоминают мужчину, который настойчиво говорил о вере и святителе Николае. Удивительно было то, что, чем ниже они опускались и жили уже так несколько лет, тем более укреплялась их вера и надежда. Потрясающая сила духа. Сама автор рассказа только улыбалась, говоря об этом, твердила: я всегда-всегда-всегда верила в Николушку. Сейчас обеих молитвенниц нет в живых, сказались жесточайшие невзгоды жизни, но внучка – молодец, работает при храме в одной из кубанских станиц с той же горячей верой в Святителя Николая.

Может, и пригодится вам для развития сюжета, как пишут в книгах, все излагаемые события построены на реальных фактах.

С глубокой благодарностью и. М.»

Книга вызвала много разных откликов, заслуживающих внимания.

Митрополит Красноярский и Ачинский Пантелеимон, прочитав эту книгу за один присест, глубоко задумавшись, сказал, что подобных бедных женщин десятки тысяч стоит на рынках, вероятно с такими поломанными судьбами. Нельзя ни к кому оставаться равнодушными. Эта книга обо всех нас и потому очень полезна к прочтению.

Доктор филологических наук Д.Л. Шукуров заострил внимание на том, что «„Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее...”(1 Кор. 1:27-28) – повесть А. А. Федотова об этом. Книга написана простым и ясным слогом, чутким к человеческим бедам писателем».

Сделавшая перевод повести на грузинский язык, Тинатин Гогочашвили писала: «Святые „испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли” (Евр. 11:35-38). И на фоне всего этого, кто же такая Семирамида? Что она сделала? Чем угодила Богу? По своей ли воле претерпела испытания? А если и так, то во имя ли Господа она вынесла всё это? Конечно же, нет! Тогда почему же её история так взволновала наши души, так глубоко проникла в сердце её наивная любовь и доверие к тому великому святому, которому поклоняется весь мир? В первую очередь, навер-

ное, потому, что каждый читатель этой истории видит в Семирамиде самого себя».

О том же писал и протоиерей Дмитрий Сазонов: «Сюжет невыдуманной повести Федотова актуален сегодня как раз именно тем, что Семирамид много в окружающем нас мире. Да, мы стараемся быстрее пройти мимо них, просящих подаяния с потухшими на изможденных лицах глазами. Проехать в своем авто, выбрать маршрут мимо неудобных нам просящих и опустившихся людей, маршрут, который никак нас не заденет, не затронет, и не замарает наше душевное спокойствие. Маршрут мимо человеческого страдания...О «том» мире мы предпочитаем смотреть сюжеты новостных программ и «мыльные оперы» на экранах телевидения, часто полагая, что нас судьбы киношных героев никак не затронут. Иногда, в тайные минуты нашего разговора с самим собой в нас закрадывается страшная мысль о том, что все чего мы боимся, может произойти и с нами. И мы, перебрав в памяти всех своих родственников, друзей и знакомых, вряд ли найдем того, кто нам поможет».

Протоиерей Андрей Ефанов обратил внимание на то, что «Повесть замечательна яркими персонажами, реалистическими диалогами и весьма индивидуальным, совершенно неподражаемым стилем автора, который сумел в очередной раз, спустившись в отвратительный мир человеческих страстей, отыскать среди низменных страстей драгоценную жемчужину. Эта жемчужина - искорка веры, которая тлеет в сердце каждого, нуждаясь лишь в том, чтобы из нее раздули пламя Божественной любви».

Психолог, кандидат медицинских наук Е.В. Шелкопляс дал такую характеристику произведению: «Небольшая повесть «Семирамида» мне, представителю гу-

манитарной науки и практикующему более тридцати лет психологу, видится такой новой художественной прозой, где речь идет о глубочайшей психологии смыслов жизни, отражении древнейших пластов культуры народов в жизни наших современников, и даже об архетипах восходящих ко времени создания Мира и человека».

В некоторых школах Кубани учителя разбирают эту книгу с девочками школьницами, так как повесть в ненавязчивой форме дает понимание того, какие последствия может повлечь за собой поступок, которому незрелая личность не придает особого значения.

Но были и другие отклики на книгу, например, такой: «вынуждена признать, литературной ценности она не представляет совершенно, невероятно неудобоваримый, дурно структурированный, нелогичный и графоманский текст, путанный сюжет, неуместные физиологические подробности. Это, извините, больше напоминает синопсис дешевого сериала, чем проповедь или претензию на художественность. Использовать в качестве объединительного контекста историю женщины, у которой было множество мужчин, и все разных национальностей - это как-то неправильно». Автор рассказывал, что на одной из презентаций пожилая женщина интеллигентного вида все интересовалась - а в чем тут духовность, если книга про пьяницу? Когда ей объяснили, она ответила: но тогда ведь и все получается про духовность. И не лучше ли написать книгу про непьющих работников библиотек?..

Что тут сказать... Если бы жизнь наша была безупречно красивой, а вот как увидеть красоту там, где ее невозможно увидеть, но Бог видит ее, как найти в себе силы для сострадания к падшему человеку - вот что важ-

но. «Женщины, у которой было множество мужчин» - три это все-таки не «множество», и «все разных национальностей» - а какое это имеет значение? «Про непьющих работников библиотек», наверное, можно писать, возможно, это творческая задача той, кто эту идею выдвинула.

Классика непонимания сути произведения! Это отголоски мировосприятия, сформированного социалистической системой образования, где за высокопарными внешними словами об искусстве ничего не стоит. Печально, конечно. Многие из нас не замечают искру Божию, которая жила в этом человека, и с помощью Господа, через людей она не погасла. Силы веры Семирамиды хватило бы на десяток жеманно-брезгливых критиков. Осталась до сих пор фарисейская закваска в людях, вот такие бы критики точно бы к Христу не подошли, ибо Он с самарянкой общался, с грешниками пил и ел, в дома их входил. Не говоря уже о том, что падшей женщине просто сказал - иди и не греши.

А ведь Семирамида, при всей ее тяжелой судьбе, все-таки оставалась чистой душой, настолько, насколько она могла выживать а этом мире. Она не стала проституткой. Она, как и все женщины, хотели обычного бабского счастья, хорошей женской доли. Не получалось, а она мечтала и ждала и пахала! Вряд ли кто из брезгливо кривящихся от рассказа о ее жизни испытали хоть сотую часть того, что испытала она и все таки верила, что Святитель Николай — Николушка, как она его называла - ей поможет.

Смущает натурализм, так это жизнь, ничего сверхъестественного не написано. Мы ведь не крутим носом читая почти о подобном в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского. Наши киношники снимаю гораздо

более грязные фильмы, ничего не смущаясь. Обливают Россию помоями, вот это страшно! А смакования сцен насилия, крови, секса? Но странно - никто брезгливо не закрывает носика, не морщится, наоборот, обсуждают насколько режиссеру удалось показать правду жизни и восхищаются этим.

Книга прекрасная, читать ее надо не через розовые очки собственной лжедуховности, а радоваться, что есть в людях искра Божия и не гаснет ни при каких условиях жизни сатанинского мира.

И нужно понимать, что Семирамида не была падшей женщиной. Да, порой она безвольно шла по течению жизни, абсолютно далека была от Церкви, она пыталась выживать, она прощала предательства, она боролась за собственное счастье, как умела. Но она была в Промысле Божиим. Это наша реальная жизнь; тысячи таких женщин стоят на рынках, но не все выдерживают испытания жизнью. У девушки жизнь пошла сразу наперекосяк, когда она согрешила по любви, точнее не по любви, а по отсутствию веры в того, кого полюбила, когда подумала, что он ее бросил, и под давлением матери пошла на искусственные роды. И это ее надломило, но у нее ведь несколько раз в жизни были моменты, когда она могла начать все сначала: и во втором браке муж ее любил, но она не захотела бороться за него, когда он стал игроманом, а наоборот искала в этом оправдание своему развивающемуся алкоголизму. И еще был момент, когда она достигла материального благополучия, но очень легковесно распорядилась тем, что ей было дано. Т.е. шансы начать все сначала у нее были как минимум три раза, и частично она все эти шансы использовала. И ведь она последнее отдала своему бывшему мужу, когда была угроза для его жизни; она многим помогала,

и все к ней возвращалось. В отличие от многих современных людей, рыночного стиля мышления она помогала тем, кому могла не помогать в любых ситуациях, даже в прямой вред себе. Многие ли способны нынче на такое. Трагедия России сейчас в народной психологии «рынка». Это не наша психология: брат за деньги убивает брата, сестра уничтожает сестру или брата, не брезгуя помощи киллеров. Дети выбрасывают старых родителей на улицу из квартир - с ними не комфортно и постариковски воняют. Наша духовность погрязла в рынках, мы уже достаточно «нарынковались» (это мой термин, но он как никогда актуален). Вот о чем надо стучать во все двери! Надо верить в Божию любовь, полагаться только на Него и выстоять так как выстояла Семирамида. Ныне она упокоилась, ее отпели, похоронили на деревенском кладбище.

Нынешняя «белая кость» вряд ли Царство Небесное наследует. Книга стала простым, но честным мерилom нашей собственной сути и совести. И если мы отвернулись от Семирамиды, чем мы лучше распявших Христа фарисеев. Стоит и о себе задуматься, уж не наша ли гордынька шепчет о неприятии подобных. Как тут не согласиться с митрополитом Пантелеимоном о неравнодушии к падшим. В заповедях блаженства Господь нас призывает быть милосердным, именно поэтому думается, что книга Федотова своеобразный призыв к нашему сердцу о милосердии, сердечности. Хватит - нарынковались!

Работа в теплом престижном месте, еще не повод к презрительному отношению к тем людям, которые вынуждены работать в непрестижных и грязных местах. Но именно их работа и позволяет нам жить в чистоте, комфорте и не прикрывать носики кисейными платочками

от бытовой вони. Хотя это вонь скорее наших земных грехов. Будем же милосердными.

Как написал мне недавно автор: «Я заметил, что книга не нравится тем, кто ищет какой-то "стерильной" духовности, где "розовые цветочки" и все такие милые и добрые и все такое. А вот тем, кто видел бездну падения человека, кто познал боль и страдание, книга нравится. Мне уже не раз говорили, что книга дает надежду. И вчера одна женщина после встречи опять за это благодарила...»

Иеромонах Михаил (Чепель)

СЕМИРАМИДА

Повесть

*Посвящается иеромонаху Михаилу (Чепелю),
без которого не было бы этой книги*

*...посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.*

Лк. 1, 78–79

*Святитель Николай жил в конце III —
начале IV века. Нас отделяет от него почти 1700 лет, и
в течение всех этих веков его память бережно
сохраняется в Церкви, потому что он прожил
удивительную жизнь, стяжав огромную силу духа, и
горячей верой своей приблизился к Богу настолько, что
Бог сообщил ему особую силу — силу совершать чудеса.*

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

*Когда я хорошо отношусь к человеку,
я могу скорбеть о его грехах,
но на моё отношение к нему это не влияет.*

Уильям Сомерсет Моэм

...Иеромонах Михаил (Чепель), человек необыкновенной судьбы, посвятивший все свои силы служению Церкви, прославлению Святителя Николая Чудотворца, в честь которого им вместе с Андреем Юрьевичем Быковым был создан Благотворительный фонд. В настоящее время служит в представительстве Русской Православной Церкви в Королевстве Таиланд. Наверное, сложно даже просто сосчитать людей, которым помог отец Михаил, всегда скромно говорящий в ответ на слова благодарности: «Я тут ни при чем. Это все Святитель Николай!» При нашей последней встрече батюшка передал мне кучу исписанных от руки листков и сказал: «Здесь очень сложная, изломанная жизнь женщины, которая, будучи даже за краем пропасти, нашла в себе силы обращаться за помощью к Богу, к Святителю Николаю, и чудесным образом её получила. Конец её земного пути был мирным и благополучным, насколько это возможно в её ситуации, умерла она в мире с Богом и людьми». По просьбе отца Михаила женщина, которой он смог помочь так, что она, разочаровавшаяся в людях, увидела в нем земного ангела, на листках без прикрас, как публичную исповедь, описала всю свою жизнь, которая может кому-то послужить в чем-то уроком. Батюшка предложил мне переработать эти рукописные материалы в повесть, изменив имена, что я и пробую делать.

Огонь первой любви

Жизнь кажется такой прекрасной и многообещающей юной девушке, если она красива! Даже

если её первые детские воспоминания печальны: смерть отца, оставившего её, четырехлетнюю, на попечении матери, у которой была ещё одна дочь от первого брака; жизнь в полуподвале, в котором из удобств был только свет. Однако уже с одиннадцати лет у Семирамиды — родившейся в Советском Союзе ассирийки — появились золотые украшения. Её сестра по матери Лилита, которая была старше на пять лет, тогда казалась ей близким человеком. Их мать Вардия воспитывала дочерей одна, разрывалась на нескольких работах, чтобы дети ни в чем не имели нужды. Жили они тогда в Ростове-на-Дону, в районе Нахичевани.

Мать в детстве рассказывала ей о загадочной восточной царице, именем которой назвала дочь, и названных в честь этой властительницы висячих садах, появившихся намного позже и признанных одним из чудес света. Неизвестно, жила ли волшебная владычица на самом деле, но история, о которой говорила Вардия, впечатлила девочку.

Согласно легенде будущая царица была дочерью ассирийской богини Деркетто — рыбы с человеческой головой и обычного мужчины, любовью к которому по какой-то причине богиня любви Афродита наказала Деркетто. После рождения дочери необычная мать девочки подумала, что унизила себя связью со смертным и убила его, сама кинулась в озеро, а дочь бросила в пустыне. Но ребёнок не погиб: сначала её кормили голуби, а потом нашли пастухи, которые принесли её смотрителю царских садов Симу; им она и была воспитана. С годами девушка становилась все прекрасней. В то время владыкой Ассирии был царь Нин, прославленный воин, завоеватель, за семнадцать лет своего царствования ставший повелителем владений

от Средиземного моря до Индии. Им была построена столица Ассирии Ниневия, называемая многими самым прекрасным городом в мире. Один из его приближённых Оанн полюбил юную Семирамиду с первого взгляда и взял её себе в жены, привёз в Ниневию, где она родила ему двух сыновей. Он настолько привязался к ней, что дня не мог без неё прожить, взял с собой на войну, в которой участвовал вместе с царём.

Семирамида помогла хитростью завоевать столицу Бактрии, вот тогда её и заметил царь Нин. Он тоже влюбился в эту женщину нечеловеческой красоты и потребовал от Оанна, чтобы тот отдал ему жену, а сам женился на его дочери. Тот же не представлял себе жизни без той, которая стала её смыслом, и покончил с собой.

По одной из версий легенды, став ассирийской царицей, Семирамида родила Нину сына и стала его добрым другом и советчиком. Перед смертью Нин назначил Семирамиду своей преемницей. По другой версии, она, став его наложницей, попросила его назначить её на один день владычицей страны. Тому это показалось забавным, и он исполнил прихоть той, от которой был без ума. А она воспользовалась этим, чтобы отдать приказ о его казни... Так или иначе — Семирамида стала царицей Ассирии. Она продолжала политику Нина — основала Вавилон, вела завоевательные войны. Но их сын Нинос захотел убить царицу и сам править страной. По одной версии, ему это сделать удалось, по другой — мать сама отдала ему бразды правления и покинула этот мир, превратившись в голубку...

О царице Ассирии ходило много и других рассказов, которыми благоразумная мать не засоряла сознание юной неиспорченной девочки. Сказочное имя царицы обещало и её тёжке сказочную жизнь; то, что жизнь этой властительницы даже по легенде была не сладкой, её не страшило. Несмотря на то, что жили они всё в том же подвале, девочке казалось, что жизнь становится все более похожей на сказку.

Себя она помнила с момента, когда они въехали на грузовой машине в какой-то двор, и её мама открыла ключом дверь, ведущую в полуподвал, в котором ей

суждено было прожить много лет. Помнила и похороны отца с её фотографией в руках.

Гроб стоял во дворе их дома на двух табуретках. Вокруг него было много каких-то людей. Плакала Вардия, хоронившая уже второго мужа. Семирамида плохо понимала, что происходит: она была ещё слишком мала. «Ты была для него дороже всех!» — запомнились ей слова матери, обращённые к ней. И слова кого-то из родственников, поправивших Вардию: «Нет, дороже всего была ты! А в дочери он любил тебя!»

Смерть отца не наложила тяжёлого отпечатка на жизнь девочки. Ей все легко давалось. У неё были две подруги, жившие в соседнем доме, одна русская — Нина, другая армянка — Карине. Она пела и танцевала в двух ансамблях — русском и армянском. Окончила курсы кройки и шитья, после школы выучилась на дамского мастера-парикмахера. У неё и Лилиты были дорогие вещи, новейшая аппаратура. Со стороны можно было подумать, что это дочери богатых родителей, а между тем их мать во всем себе отказывала ради детей. Она нравилась мужчинам, свидетельством чему было количество браков, в которые она вступала в течение своей жизни. От первого родилась Лилита, от второго — Семирамида. То ли дочери были для Вардии важнее, чем мужчины, то ли слишком тяжело она пережила смерть двух мужей, каждого из которых любила, но лишь когда девочки выросли, она вышла замуж третий раз.

Чем старше становилась Семирамида, тем больше расцветала её красота, — так говорили на ассирийских праздниках и свадьбах, да и все вокруг. Впрочем, девушка и сама себе нравилась, замечала, как смотрят на неё мальчики. Со многими из них она встречалась, но встречи были невинны.

А однажды Семирамида познакомилась с Тиграном, который был на двенадцать лет её старше.

У него была семья в Ереване, из которой он ушёл, все оставив жене и сыну. В Ростове-на-Дону снимал дом, работал водителем-экспедитором, развозя по магазинам колбасные продукты.

Высокий, голубоглазый, он пленил сердце юной ассирийки, от которой ничего не скрывал, в том числе и то, что вскоре у него должен состояться суд, где он будет выступать в качестве обвиняемого из-за какой-то драки.

Молоденькая девочка не придавала тогда значения этим рассказам, о чем горько потом сожалела. Ей запомнились совсем другие слова...

— Моя сказочная царица, никому тебя не отдам!

Семнадцатилетняя Семирамида насмешливо смотрела на взрослого уже мужчину, потерявшего голову от любви к ней, и ей это льстило.

— А ты не бросишь меня, как свою жену? — как можно более строго спросила она.

— Нет, что ты! Это была ошибка, за которую я ещё долго буду расплачиваться.

— А может, и я — ошибка?

Тигран с интересом посмотрел на девочку, рассуждавшую так, как будто за плечами её был уже большой опыт.

— Нет, ты не ошибка, ты моя первая любовь, — твёрдо сказал он и так посмотрел девушке в глаза, что она поняла, что это правда.

— А ты — моя... — только и сказала она.

Тогда Тигран и стал первым мужчиной Семирамиды. Ни разу за свою жизнь она, жалеющая о многом, об этом не пожалела. Солнце было таким ярким в эти весенние дни и совсем не жгло. Воздух был свеж, прохладный ветерок нежно трепал волосы влюблённых.

Тигран просил Семирамиду познакомить его с её матерью, но Вардии он не понравился. Она запретила им встречаться, а дочь её не послушалась. Тайные встречи придавали остроты отношениям. Влюблённые садились в машину, уезжали куда-то; мать иногда это видела; однако скандалы их не останавливали. Они ждали её совершеннолетия, чтобы расписаться, так как Вардия категорически отказывалась дать согласие на их брак до совершеннолетия. Но однажды Тигран не пришёл на условленное место, не пришёл он и в последующие дни... Лишь много времени спустя, когда ничего уже было не вернуть, Семирамида узнала, что это произошло не потому, что он её разлюбил, а потому, что потерял свободу... А тогда в её жизни все перевернулось. Она подумала, что любимый бросил её, и все оказались правы, говоря, что он с ней играет... Не плакала, не билась в истериках, не показывала, как ей больно, обидно и страшно. Как все девочки, ещё верила тогда подругам, делилась с ними своими тайнами.

Самой близкой подругой была Карине — девочка-армянка, с которой Семирамида дружила с детства. Ей она взахлёб рассказывала о своих секретах:

— Представляешь, Тигран такой замечательный, он такой красивый, какие у него глаза, а как он меня любит!

— А ты уверена? — сдержанно отвечала Карине, ей самой нравился Тигран, но она боялась выдать себя перед подругой.

— Ну, ещё бы не уверена! Мне никто таких слов никогда не говорил! А как он смотрит мне в глаза!

Змей ревности в этот момент впивался в сердце молодой армянки, хотя она не только никаких прав на Тиграна не имела, но даже и знала-то его едва. Но счастье подруги было таким лучезарным, что хотелось иметь такое же, даже если для этого понадобилось бы его у неё отнять.

— Мужчины — они такие непростые, — говорила Карине вслух, — почему он бросил жену? И дети для него, похоже, не значат вовсе ничего! А ты и сама ещё как ребёнок — такая наивная! Поиграет он с тобой, как с интересной игрушкой, и бросит!

— Что ты такое говоришь! — счастливо и беззаботно смеялась Семирамида. — Он говорит, что я для него дороже жизни!

— Мужчины много чего говорят, пока не получают, что им надо. А как получают, так и не нужна им больше девушка!

— Он все уже получил, — зардевшись, сказала юная ассирийка.

— Да ты что! — воскликнула подруга, сразу её возненавидевшая. И тут же с едва скрываемой надеждой в голосе спросила: — И что? Он теперь избегает тебя, прячется? Они всегда так делают в таких случаях!

— Нет, — засмеялась Семирамида. — Он больше всего на свете хочет на мне жениться! Только мама пока против... Но мне скоро восемнадцать, её можно будет не спрашивать...

«Нужно будет обязательно поговорить с тётёй Вардией», — задумчиво сказала сама себе Карине, а вслух прошептала: «Как же я счастлива за тебя! Как

будто это моя радость!» А про себя подумала: «Конечно, моей она и будет — вместе с Тиграном!»

Вардия, которой Карине все рассказала, повела дочь к гинекологу. Срок беременности был уже четыре с половиной месяца; делать аборт было поздно. Мать договорилась, чтобы вызвали искусственные роды. Дочери об этом она рассказала уже потом, когда все было обговорено. Семирамиде очень хотелось оставить и выносить этого ребёнка, отца которого она так любила. Но девочка сама была так молода! Вардия плакала, боялась позора и осуждения ассирийцев. Сердце Семирамиды горело, изнутри себя она слышала крик: «Оставьте меня, это моя жизнь!» Но внешне никак этого не показывала. Как во сне прошли искусственные роды в какой-то комнате. Молодая мать не понимала: с ней ли вообще все это происходит? Родился мёртвый мальчик с ладошку величиной. Та, которая всего через несколько месяцев могла бы нормально родить его, с ужасом смотрела на сына и думала: как же можно решать за других, жить им или нет?

Молодая ассирийка завернула сына в тряпочку, положила в карман, в котором несколько дней везде носила его с собой. Её сознание было замутнено. Она то и дело доставала тряпочку из кармана, смотрела на тельце, что-то говорила... Её фантазии рисовали совсем не то, что она видела: вот они с Тиграном вместе в большой просторной комнате, а с ними их сын, вот она поёт ему колыбельные песни, вот он ползает, пытается делать первые шаги, а вот она учит его говорить, вот он уже говорит первые слова, вот он уже пошёл в школу. В счастливых глазах Тиграна гордость за сына... И тут сознание возвращалось. И вновь перед ней крошечный трупик, который всего через несколько месяцев мог бы

стать её любимым мальчиком. Слезы наворачивались на глаза, но от внутренней боли, сжигающей все внутри, девочка, внезапно ставшая взрослой, не могла даже плакать. Она носила с собой везде крошечного мёртвого ребёнка и жила в мире грёз, пока он не начал разлагаться, и юная мать не поняла, что нужно его похоронить. Семирамида вымыла его, выкопала ямку, в которой и похоронила своего сына.

Казалось, сама природа хочет увеличить силу её мучений. Палящее солнце слепило, духота не давала дышать, слепни кружились вокруг неё роем и нещадно жалили. Но несчастная не чувствовала боли.

Так закончились её первая любовь и первое материнство; их боль она пронесла через всю жизнь.

Лишь годы спустя она узнала, что её любимый, отбыв наказание — шесть месяцев — искал её, спрашивал про неё у Карине. А той самой хотелось бы его заполучить себе. Она наговорила ему, что Семирамида любит другого, он ей не нужен... В итоге Тигран уехал, а та, для кого он стал первым мужчиной, так и мечтала о нем всю жизнь, которая могла быть совсем иной, если бы остался жить их сын, да просто будь они вместе. Разве не дождалась бы она его каких-то шесть месяцев, если бы только знала? Да сколько угодно можно было ждать! Но... когда Семирамида узнала о вероломстве подруги, уже слишком многое изменилось, а, главное, изменилась она сама, и у неё не было сил искать того, кто навсегда остался в её сердце.

Новые испытания

Между тем дядя нашёл ей в Москве жениха, скоро они должны были приехать. Но среди ассирийцев

считалось позором, если невеста не девственница, поэтому Семирамида решила срочно выйти замуж за любого человека другой нации. «Красивая всем нужна, да и мама легче все перенесёт!» — думала она. Найти мужа действительно оказалось нетрудно. Нахичеванский армянин Роберт, на четыре года старше невесты, которой восемнадцать исполнялось через два месяца, быстро сделал ей предложение, на что его подтолкнула её новая беременность (как он думал, первая). Состоялись свадьба и венчание, на которые приехали более трехсот человек родни из разных мест. Все веселились, танцевали, пили, лишь невеста была грустна — плакала, но слезы текли как бы внутрь неё: внешне девушка казалась спокойной. Ей было непонятно, почему тот, кого она всем сердцем любила, не подходил в качестве мужа, а это подошёл...

Началась семейная жизнь, принёсшая новые испытания. Прописана Семирамида была в том же подвале, где родилась, а жила у мужа с его родителями. Свёкор и свекровь оказались золотыми, а вот супруг — вором-карманником. Брак был скоротечен и закончился, едва начавшись.

«Я не декабристка ездить за ним по тюрьмам и ссылкам!» — заявила молодая жена и решила уйти к матери. А та сумела из этого извлечь определённую выгоду для семьи.

Новый муж Вардии был болен, а тут ещё беременная Семирамида вернулась к ней. Все это помогло ей добиться трехкомнатной квартиры, хотя в Москву не раз пришлось съездить и стучаться в самые разные кабинеты.

Внук Вардии Вардгес родился уже в новой квартире. Когда ему исполнилось полтора месяца, его мать и отец

развелись. Семирамида не работала и сидела с сыном дома. У них была большая библиотека, молодая ассирийка почти всю её прочла.

Иногда ей нравилось гадать на книгах: она брала первую попавшуюся, открывала наугад и, начав оттуда, куда падал взгляд, читала почти целую страницу, примеряя её содержание на своё будущее. В глубине души женщина чувствовала, что делает что-то не то; что даже такая невинная попытка приоткрыть завесу тайны над тем, что произойдёт с ней, является чем-то недозволенным, что может привести к плохим последствиям; но нереализованное религиозное чувство требовало хоть такого выхода. До какого-то времени те строки, которые она читала, тешили её воображение, так как сулили что-то хорошее. Обычно любопытство заставляло её посмотреть и кто автор, и название книги, и год издания. Однажды Семирамида открыла наугад первый том двухтомника Оскара Уайльда 1961 года выпуска. И в одной из сказок этого английского писателя в конце триста пятьдесят седьмой — начале триста пятьдесят восьмой страницы прочитала вот что:

«И она сказала молодому Рыбаку:

— Я говорила тебе о радостях мира сего, но не слышало меня ухо твоё. Дозволь мне теперь рассказать тебе о скорбях человеческой жизни, и, может быть, ты услышишь меня. Ибо поистине Скорбь есть владычица этого мира, и нет ни одного человека, кто избег бы её сетей. Есть такие, у которых нет одежды, и такие, у которых нет хлеба. В пурпур одеты иные вдовицы, а иные одеты в рубище. Прокажённые бродят по болотам, и они жестоки друг к другу. По большим дорогам скитаются нищие, и сумы их пусты. В городах по улицам гуляет Голод, и Чума сидит у городских ворот».

...Семирамида вздрогнула. «Доигралась!» — подумала она, и предчувствие чего-то плохого железным обручем стянуло её сердце. «Может, просто не ту книгу я взяла?» — подумала она и наугад сняла с полки другую книгу. Это был «Человек, который смеётся» Виктора Гюго 1969 года издания. На пятьсот семьдесят шестой странице Семирамида прочла: «Если бы вы только знали, что пришлось мне видеть! Какие страдания — там, внизу! Род человеческий заключён в темницу. Сколько в нем осуждённых, ни в чем не повинных! Они лишены света, лишены воздуха, они лишены мужества; у них нет даже надежды; но ужаснее всего то, что они все-таки ждут чего-то. Отдайте себе отчёт во всех этих бедствиях. Есть существа, чья жизнь — та же смерть».

После этого Семирамиде стало совсем плохо. Ведь шёл спокойный период её жизни. Казалось, что все плохое осталось в прошлом; где-то там осталось и хорошее — Тигран и возможное счастье с ним, но среди сытой и беззаботной жизни это казалось чем-то как будто и не с ней происшедшим, а взятым из прочитанных за последнее время книг... Откуда берутся деньги у её матери и отчима, молодая женщина не задумывалась. Они постоянно с кем-то встречались, что-то покупали, все казалось таким цивилизным и приличным — совсем не таким, как у карманника Роберта, которому всё сходило с рук. А вот приличного болезненного отчима арестовали и быстро осудили, через некоторое время арестовали и мать. А они и всего-то плохого сделали: умели жить, в другое время и другом месте уважаемыми людьми были бы, а вот в Советском Союзе пошли под суд.

Лилита вышла замуж за абхазца. Следствие по делу Вардии тянулось целых полтора года. И все это время

нужны были деньги на адвокатов, родня не помогала — наоборот, стремилась по дешёвке скупить то золото, которое у них было. В итоге Вардию осудили на десять лет и отправили в Мордовию. В это же время Лилита родила сына Илью. Отношения сестёр изменились. Семирамида была уже лишней в квартире, где её старшая сестра считала себя хозяйкой.

Скандалы возникали постоянно. Младшая сестра не имела уже возможности не думать о деньгах и проводить время, читая книги. Она устроилась работать в детский сад няней, помогала там и поварихе, за что та давала ей больше еды, которую молодая женщина приносила домой. Семирамида вообще любила детей. В каждом малыше она видела своего первенца, которому не суждено оказалось жить. Делая что-то хорошее для чужих детей, женщина думала, что хоть немного искупает свою вину перед ним. Воспитатели уходили, и дети оставались с няней, которая для каждого находила хорошие слова, могла успокоить, когда он плакал.

Родители любили заботливую нянечку, воспитателей удивило, когда на 8 Марта им подарили по два-три подарка, а ей в каждой группе по двадцать восемь... Любви коллег ей это не прибавило.

В итоге, когда заболел Вардгес, и Семирамида была месяц на больничном, по возвращении её обвинили в краже кружек и тарелок и чего-то там ещё... Она оскорбилась, выплатила все и ушла.

Отношения с Лилитой становились все сложнее. Когда старшая сестра ссорилась с мужем так, что тот на какое-то время от неё уходил, а младшая носила ей деньги и еду, то была нужна. Но стоило отношениям Лилиты и её супруга наладиться, как сводная сестра вновь становилась ей неудобна.

Семирамида устроилась на деревообрабатывающий завод. Днём сбивала ящики, ночью перебирала гвозди. Привыкла и к такой работе. Вардгес часто болел, Лилита сидеть с ним отказывалась, и матери приходилось брать его с собой на завод, где он спал прямо на железном столе... Материнское сердце обливалось кровью при виде того, в каких условиях находится её сын. Пришлось с завода уйти. Ассирийка не знала, у кого просить помощи; она обращалась к кому-то, неизвестному ей, который почему-то представал перед ней в образе седого благообразного мужчины с небольшой бородой, в каких-то необычных одеждах. Она не знала, как его зовут, но просила его. Просила, чтобы помог ей, её сыну, её маме... Но, как казалось женщине, никто её не слышал... У неё появились обида и ропот на жизнь, на судьбу.

Путь на дно

С деньгами становилось все хуже. В доме было много книг; когда-то Семирамида их читала, теперь они сослужили другую службу: она брала их тайком и сдавала в магазин. Когда молодая ассирийка появилась там с тридцатитомником Диккенса, сострадательная продавщица посоветовала ей продать их на барахолке, где эти книги стоили много дороже. Там женщина с именем восточной царицы научилась торговать...

С сестрой все разладилось окончательно, когда та чуть не ударила Вардгеса утюгом. Мать закрыла его собой, между сёстрами произошла стычка. Она потом вспоминала об этом так: «Зло настолько затуманило ей разум... Я закрыла сына собой, но когда поднялась, то зверь перед моими глазами и твёрдая рука... не младшая

сестра, а взбесившаяся львица... все это на время её успокоило. Но я решила уйти из дома и не подвергать сына опасности. Это был необдуманный поступок с моей стороны. Но я устала от скандалов. Долго злиться я не умею, и жить с ней в одной квартире больше не могла. Ну, куда я могла уйти, кроме моей родной Нахичевани? Я всех знала, вся молодёжь ходила на танцы в «Мелодию». Да и многие люди знали мою маму...» Семирамида решила уйти ради безопасности сына, и не к родным, хотя те её звали, а к цыганам. Вардия крестила у них детей, и они приняли её дочь как родную.

— Хочешь, научу тебя гадать? — озорно улыбаясь, спросила её молодая цыганка Настя.

— Нет уж, спасибо, нагадалась я на всю жизнь! — ответила Семирамида.

— Да ты что! А как ты гадала? — заинтересовалась девушка.

Пришлось рассказать ей про книги. Та рассмеялась:

— Все в голове, как говорит бабушка Эсмеральда. Будет то, во что ты веришь!

Гадать Семирамида категорически не хотела, но чем-то ей нужно было заниматься: ведь при всем добром отношении цыгане не могли бесконечно содержать её и Вардгеса. Молодая ассирийка научилась варить жвачку, а торговать она уже умела.

Через некоторое время она ушла от цыган к подруге детства, которая жила со старшим братом. На нахичеванском рынке Семирамида все более осваивалась. Сначала ей давали товар на реализацию, затем она и сама стала перекупать вещи. Как она вспоминала, «так научилась, что из одного рубля могла сделать сто».

Южный рынок — это он сегодня такой же, как и в Центральной России. А тогда это был особый мир со своим неповторимым колоритом. Стоит шум, идут диалоги торгующихся продавцов и покупателей. Каждый из них доказывает своё, а в результате все довольны: покупатель — тем, что смог настолько снизить цену, продавец — тем, что сумел её так поднять... На этом рынке большую роль играл криминал, здесь царили свои законы, отличавшиеся от советских.

Семирамида чувствовала себя на рынке как рыба в воде. Её мать была очень предприимчива, за что и поплатилась. Видимо, у дочери эта торговая жилка была наследственной, хотя, как потом она поняла, до Вардии ей было все же далеко.

Новые проблемы пришли с неожиданной стороны. Подруга и её брат выпивали. Постоялица сначала отказывалась, потому что с ней был сын, но со временем начала выпивать, сначала понемногу, но все чаще. На рынке — кофе с коньяком, дома — рюмка водки. «Это же совсем немного, — думала она. — Только, чтобы взбодриться». Но в кофе постепенно стала добавлять не тридцать, а сорок граммов коньяка, рюмка же водки из сорокаграммовой незаметно превратилась в стограммовую.

Однажды встретила свою русскую подругу Нину, с которой дружила с четырёх лет.

— Семирамида, ты ли это? — окликнула она её на рынке.

— Ниночка! — обрадовалась ассирийка.

— Как ты живёшь?

— Да вот торгую... Вардгес! — вдруг окликнула она сына и, виновато улыбнувшись, сказала подруге: — Ходит со мной на рынок, все его здесь любят, норвят

сунуть пирожок, так он так объедается, что живот болит... А как ты?

— У меня все хорошо.

— Хочешь кофе? — предложила Семирамида.

— Нет, спасибо.

— А я выпью полчашки, — Семирамида достала термос, налила себе кофе, капнула в него что-то из фляжки.

— Это что? — спросила Нина.

— Коньяк. Очень хорошо с кофе, я раньше даже и не знала. Ты не пробовала?

— Нет, — чуть поморщившись, ответила подруга. — А где же вы живёте с Вардгесом?

— Да у моей знакомой, — ответила не заметившая презрительной гримаски ассирийка.

— А как же ваша квартира, которую получила тётя Вардия?

— Там Лилита живёт с семьёй. Думаю вот, не разменять ли её?

— А почему бы и нет? Чем твоя сестра лучше тебя? Ты должна по чужим людям мотаться, а она жить барыней!

— Ты только не говори пока ничего никому!

— Что за разговор! Конечно, не скажу!

Пообещав молчать, Нина в тот же день позвонила Лилите и сказала, что её сестра хочет разменять квартиру, а деньги пропить. Да и сына нужно у неё забрать: он голодный, пирожки выпрашивает у людей...

Лилита написала Вардии; та прислала Семирамиде письмо с просьбой не менять квартиру, дать ей возможность иметь пристанище, когда она освободится, и отдать сына сестре, чтобы у той не забрали излишки

жилплощади. И та послушалась мать, о чем потом жалела.

На закате жизни она вспоминала об этом так: «Наверное, любовь к маме замутила мой разум. Я очень любила маму, и если бы она попросила мою жизнь, я отдала бы, не задумываясь. Я слышала, что благими намерениями устлана дорога в ад. Как мог мой сын вырасти добрым и ласковым, если он с детства слышал: «твоя бабка тюремщица, а мать алкашка»... Семирамида отдала сына сестре, Вардгес вырос хитрым, не любящим никого, только деньги.

Семирамида стала много пить. И на рынке, и дома. Она чувствовала себя никчёмной, никому не нужной. Иногда женщина могла не пить, но тогда наутро её глаза были опухшими от слез, выплаканных за бессонную ночь. Мир представлялся ей жестоким и злым настолько, что на него просто невозможно смотреть трезвыми глазами. О своём состоянии женщина потом написала так: «Однажды, чтобы скрыть боль, человек надевает маску падшего, но если носить её постоянно, то она прирастёт к нему. Он станет тем, за чьей маской прячется». Как все алкоголики, она считала, что во всех её бедах был виноват кто угодно, только не она сама.

Новый брак

Однажды на рынке Семирамиду, погруженную в невесёлые мысли о жизни, кто-то окликнул:

— Здравствуй, красавица!

Она удивлённо подняла глаза, бросила на говорившего быстрый взгляд. Давно к ней никто так не обращался. Перед ней стоял достаточно симпатичный

молодой человек, судя по внешности — её соплеменник. «Интересно, я правда ещё красива?» — подумала ассирийка, но вслух сказала резко:

— Красавица, да не про твою честь!

Обычно случайные ухажёры, видя агрессию, оставляли её в покое, но этот лишь немного смущённо заглянул ей в глаза и тихо спросил:

— Почему же не про мою? У тебя есть муж?

— Нет у меня никакого мужа, да и не нужен мне никто! — ещё резче ответила женщина.

Другой бы точно отстал, а этот спокойно так говорит:

— А может, я буду твоим мужем, кто знает?

— Ты!!? — Семирамида расхохоталась, но посмотрела на него пристальнее и вдруг осеклась.

— Почему нет? — глядя прямо ей в глаза, спросил мужчина.

— Муж — объелся груш! — проворчала ассирийка и уже более спокойно спросила: — Тебя хоть как звать-то?

— Закхей. А тебя?

— Семирамида.

— Я сразу понял, что ты царица!

— Уж царица, — смущённо пробормотала женщина.

— А ты кто по нации?

— Ассириец. А тебя и спрашивать не буду: твоё имя и твои глаза говорят все сами.

— И что же они говорят?

— Что ты дочь того же народа, что и царица, чьё имя носишь.

— Красиво поешь! Но умные люди на первой встрече о браке всерьёз не говорят. Посмеяться надо мной решил?

Её лицо опять стало грозным, но Закхей видел, что суровость эта напускная.

— Давай сходим куда-нибудь сегодня после твоей работы, — предложил он.

— И вот делать мне больше нечего, только шляться где-то со случайными знакомыми! — всплеснула руками Семирамида. — Да ты, может, за гулящую меня принял?

— Нет, конечно, — засмеялся молодой человек, и его смех её обезоружил.

— Ну, если нет, то знаешь, где я стою, придёшь, если сильно надо будет. А нет — так мне же лучше! — заявила женщина.

Она думала, что больше никогда не увидит этого случайного ухажёра, но он подошёл на следующий же день. Зачем-то начал рассказывать о себе. Что он из Украины, где жил с матерью в городе Иловайске. В Ростов-на-Дону приехал на заработки, чинил швейные машинки. В эти жаркие летние дни, сулившие, по ощущениям ассирийки, перемены к лучшему, у них было несколько ни к чему не обязывающих встреч на рынке, после которых он неожиданно сделал предложение выйти за него замуж и уехать на Украину.

Семирамида согласилась: ей надоело жить среди пьяниц, а Закхей не пил даже пиво. Она дала согласие уехать с ним в другую республику, даже ни разу не поцеловавшись. Уже на Украине, когда они впервые остались на ночь вдвоём, Семирамида спросила:

— Ладно, я дура, решила уехать на край света из болота, в котором тонула. Но ты-то ведь уже не сопьяк. Как ты решился связать свою жизнь с женщиной, до которой не дотронулся?

А тот серьёзно ей ответил:

— Бывают разные женщины. Есть такие, что взглянул ей в глаза, и взгляд этот дороже, чем тысяча ночей с другой!

— Тысяча и одна, — довольно усмехнулась ассирийка. — Читала я эти сказки когда-то. Но там она мужа не только сказками кормила — и детей ведь ему нарожала?

— И ты мне нарожаешь! — вдруг уверенно сказал Закхей, схватил её, поцеловал...

Через девять месяцев у них родилась дочка, год спустя — вторая.

Ассирийка надеялась, что если все пойдёт хорошо, то она сможет забрать Вардгеса. Сразу взять его она не решилась: все же Закхей хотя и говорил ей, что готов заботиться о её сыне, был для неё человеком неизвестным. Вдруг у него Вардгесу будет хуже, чем у Лилиты? Даже начав пить, Семирамида не стала гулящей, продолжала переживать за своего ребёнка. Новый муж со временем ещё сильнее полюбил её, а она так и не смогла его полюбить.

Отношения со свекровью не сложились с первой же встречи. Мать Закхея, несмотря на его заверения, что Семирамида ей обязательно понравится, встретила его избранницу недружелюбно.

— И кого это ты нашёл? — завопила она прямо посреди улицы, даже не пригласив их войти в дом. — И на какой барахолке ты эту шлюху откопал, которой цена копейка в базарный день, да и то никто не даст! Я всегда знала, что сын мой идиот, который разобьёт моё сердце. Допускала, что женится на шлюхе, но не на такой же! Она ведь и пьющая поди: вон на роже все написано! На ней и пробы ставить негде! Что зенки свои вылупила бесстыжие?

Закхей растерялся и не находил, что сказать. Семирамида вспоминала потом: «Когда мы приехали к нему домой, то его мама встретила нас такими словами и проклятиями, что даже я, базарная торговка, опешила, но лишь на какую-то долю секунды». А потом также пронзительно закричала:

— Наверное это ты сама старая дура и шлюха, потому что чего в себе нет, того и в другом не увидишь. Знала я, что нечего мне на Украину тащиться, нет здесь ничего хорошего, но вот поверила твоему сыну, что он меня полюбил. Бросила родимые места, родню, друзей, пошла за ним, все оставив. Так что же, пусть он решает. Кто тебе нужен, Закхей, я или твоя мать?

Тот неожиданно не колеблясь выбрал Семирамиду. Это так потрясло его мать, что она осыпала их уже обоих ещё кучей проклятий, между делом заметив будущей снохе:

— А тебе не кажется, что ты должна обращаться ко мне на вы?

— Извините, — мягко улыбнулась Семирамида и самым ласковым голосом, каким могла, сказала: — Вы старая дура и шлюха, которая своему сыну даже не нужна, не имеее ни ума, ни такта, заставляете других терять и то и другое. Не обещаю, что полюблю вас, но «на вы» называть обещаю!

И улыбнулась на прощание ещё раз своей обезоруживающей улыбкой, которую называла «голливудской».

— Зачем ты так с ней? — спросил Закхей, когда они отошли.

— А зачем она? — тут же вскипела его избранница. — Или ты думал привезти меня сюда ей для

развлечения, чтобы она надо мной изгалялась, как хотела?

— Нет, успокойся, — мягко ответил он ей. — Сейчас найдём, где переночевать, а завтра снимем жильё.

На следующий день они сняли домик, вскоре расписались. Когда у них родились две дочки, им дали квартиру.

Вышла на свободу Вардия; отчим Семирамиды к тому времени уже умер. У Лилиты в квартире не нашлось места и для матери. Вардия все ещё пользовалась успехом у мужчин, несмотря на все прошедшие годы испытаний; она вышла в очередной раз замуж и стала жить у мужа.

А Семирамида все чаще скандалила со свекровью, хотя и жила отдельно от неё. Начала опять выпивать, но при этом много работала: шила детскую одежду и сама её продавала. Заставила мужа сделать сапожный ларёк, чтобы ему не нужно было ездить на заработки. А он вскоре увлёкся игрой. Сначала это были билеты лотереи «Спринт», «Спортлото». Семирамида решила перебраться из Украины обратно в Ростов-на-Дону. Нашла обмен на дом из трёх комнат. Вардия в то время тоже работала в сапожном ларьке, помогла получить такой же и Закхею. Но его страсть к игре прогрессировала — он начал играть на скачках. Жена его не выдержала и начала пить... Муж стал ей не нужен.

Потом, многие годы спустя, она писала: «Чтобы спасти себя и избавиться от плохого, надо вспомнить себя, бежать туда, где потеряла своё детство. Я забыла, кто я. Я злилась на других и звала ту, которую не могла вспомнить. Ту непьющую и уверенную. Я старалась в

детях найти себя, хотя заведомо знала, что дети — это другое. А может, я искала повод, чтобы выпить...»

Семирамида продолжала пить; игра мужа была оправданием её пьянству. Он всем её раздражал, даже тем, что звал её «Сима» — «Что я тебе — кошка что ли?» — возмущённо вспыхивала гордая своим царским именем Семирамида, не слушая объяснений мужа, что так называют в России и тех девушек, которые носят не просто царское, а высшее ангельское имя Серафима... «Ты ещё Симкой меня назови!» — ругалась она. Недавно у неё появился жутко дорогой по тому времени мобильный телефон, симкой называлась «штука, которая в него вставлялась». «Раздражил ты меня, ну, как с тобой не выпить!» — заявляла ассирийка. А до этого поводом было то, что рядом с ней нет мамы и сына. Поводы всегда были... Вскоре она и вовсе выгнала Закхея из дома, они развелись. Играть он продолжал, теперь в автоматы на вокзале. Их дочерям было семь и шесть лет.

Испытание богатством

У Вардии умер её очередной муж. «Уж не чёрная ли я вдова? — горько смеялась она. — Приношу несчастье мужчинам, которые меня любят». А любили её в жизни многие, и каждый раз она выходила замуж. «Но уже хватит, пора старой ассирийке думать не о мужчинах, а о дочерях и внуках», — решила Вардия и переехала к младшей дочери, которая только что рассталась с Закхеем. «Лилите я не нужна, а тебе я многое напортила в жизни, а сейчас помогу!» — сказала она Семирамиде. Та уже успела забыть про времена, когда мать выбила в

Москве квартиру, позволяла ей сидеть дома с ребёнком, не работая и не думая, откуда что берётся. Сейчас в её восприятии она была несчастной больной женщиной, которая сама нуждается в помощи. Однако очень скоро дочь поняла, что она, со всем её опытом рыночной торговли и умением «из рубля сделать сто», всего лишь ребёнок перед своей матерью.

Конец восьмидесятых годов двадцатого века позволил многим предприимчивым людям в Советском Союзе заняться бизнесом. Правил никаких не было, риск был велик. Состояния внезапно появлялись и так же стремительно и бесследно исчезали. Но мать и дочь начали общий бизнес: стали возить краску для волос из Польши. В это время они быстро разбогатели. Торговля шла бойко, и вскоре они возили фурами не только краску, но и другие товары.

Купили несколько домов. Ездили с личными водителями. Жили на широкую ногу, брали долги под проценты, хотя могли бы где-то сэкономить. У Семирамиды стали появляться барские замашки, а мать её одёргивала:

— Нет, дочка, поверь моему жизненному опыту: богатство приходит и уходит. Легче тем, у кого жизнь ровная, без взлётов, нет у них и очень уж болезненных падений!

— Так она же скучная, такая жизнь! — смеясь отвечала Семирамида, которую богатство, неожиданно свалившееся ей на голову, пьянило не хуже вина.

— Я бы предпочла поскучать, чем веселиться в Мордовии, — грустно сказала Вардия.

— Ну, к чему такие мысли! Все будет хорошо, жизнь коротка, нам нужно успеть повеселиться! — возражала ей дочь.

— Не надо слишком веселиться, а то не пришлось бы слишком горько потом плакать! — покачала головой мать, зная, что её слова пока не будут услышаны.

А между тем родственники, раньше не желавшие о них и слышать, стали все чаще появляться, говоря о том, как любят их. Даже Вардгес, который раньше не хотел их знать, стал к ним приходить все чаще. Первый раз, придя, он обнял мать и бабушку, заплакал, сказал, что просит у них прощения за то, что избегал общения с ними.

— Мне нет оправдания! — сказал он. — Простите меня!

И Вардия, и Семирамида, которым он целовал руки, тут же растаяли. Они были уже опытными женщинами, и, конечно, чувствовали фальшь, но ведь верить всегда хочется в то, во что хочется. А им хотелось верить, что их мальчик нашёл в себе силы преодолеть то, что внушала ему Лилита. Он приходил со смиренным видом, кротко глядя в глаза то Вардии, то Семирамиде, говорил, что тётя Лилита описывала ему их совсем не такими, какие они на самом деле.

— Я горжусь, что я твой сын, — говорил он матери, а бабушке цветасто объяснял, какой гордостью его сердце переполняется от сознания, что он её внук.

На его глазах были слезы: как ему не верить, что он искренен в своих словах? Лишь через несколько встреч Вардгес начал рассказывать о своих жизненных трудностях, которые его преследуют; как ужасно тяжело с ними бороться.

— Но я же не могу просить у женщин, зарабатывающих все своим трудом! — заявлял он так уверенно, что усомниться в его искренности казалось кощунством. — Вы для меня пример того, как нужно

жить и работать, глядя на который я и сам смогу сделать многое: ведь я мужчина, значит, должен уметь больше. Если только трудности, которые сейчас меня преследуют, не погубят меня совсем; ведь, как говорил Ницше, все, что нас не убивает — делает нас сильнее.

Так что он ничего не просил, а женщины, чувствовавшие свою вину перед ним, сами стремились что-то ему дать. Сначала немного, потом больше, а затем он и сам стал просить, после и требовать, забыв свои недавние слова о том, что всего добьётся сам... Лёгкие деньги не пошли Вардгесу впрок — он пристрастился к наркотикам. В итоге влип в историю, ему грозило от шести до пятнадцати лет заключения. Опытная в таких делах Вардия кому надо дала взятку — приговорили к трём годам. И она три года содержала целый лагерь, чтобы внуку её там было комфортно... Вардгеса выпустили, мать и дочь подумали, что теперь у них все наладится. И тут подскочил доллар, а многие долги были в долларах. Отдавать пришлось уже совсем другую сумму. В это же самое время Вардия, несмотря на трудности, дала займы без процентов три тысячи долларов одному приезжему молодому ассирийцу. Когда же пришло время отдавать долг, он исчез... Во времена расцвета семейного бизнеса мать с дочерью купили несколько домов и коммуналку. Чтобы отдать долги, пришлось дома продать, осталась одна коммуналка. И в этот момент после долгого отсутствия появился Закхей. Он сказал, что проигрался в автоматах, его убьют, если он не отдаст долг. Семирамида с горечью посмотрела на того, кто совсем ещё недавно так её любил, что она была готова ответить ему взаимностью. Теперь перед ней был больной человек, которому игра была дороже женщины,

которую он любил больше всего на свете, дороже их дочерей.

— Я помогу тебе, — сказала Семирамида. — Но ты должен понимать, что я отдаю тебе все, что у меня есть, в память о том, как ты меня любил. У нас вместе ничего уже не получится. Но ты сам для себя, в память о той любви, которая когда-то жила в твоём сердце, найди, наконец, в себе силы измениться и стать человеком, а не игроманом!

Она продала последнюю коммуналку, отдала ему деньги, чтобы его не убили. Он долги отдал, опять проигрался и уехал на Украину. Но Семирамида все же не жалела, что отдала последнее, что у неё было, человеку, который её когда-то любил. Вардия тоже её не ругала. «Может ты и права, — грустно сказала она. — Но вот как мы с тобой будем теперь жить? И главное — как будут жить твои бедняжки дочки?»

Возвращение в подвал

Мать и дочь, оставшись ни с чем, сняли домик неподалёку от нахичеванского рынка. Стали торговать бижутерией. Резкая смена социального статуса привела к тому, что они быстро стали опускаться все ниже. Родня от них отвернулась, а первый — Вардгес: без денег они были ему не нужны. Он не испытывал ни малейшей благодарности за то, что бабушка и мать сделали для него. Более того, он обвинил их в том, что попал в заключение, заявив, что это их несправедно нажитые деньги и дурная наследственность оказали на него такое разрушительное влияние.

Семирамида пила все больше: на рынке — кофе с коньяком, в котором кофе уже почти не было, а дома — водку перед зеркалом. Отражение давало иллюзию, что она пьёт не одна, а, значит, не алкоголичка.

Она не знала, как поправить своё положение. Ассирийка и так была большой фантазёркой, а алкоголь придавал её фантазиям болезненный характер. Где-то она услышала, что можно продать свою почку. Недолго думая, дала объявление в несколько газет о том, что хочет произвести такую сделку. «Ну, что ты за дура! — ругала её мать. — Как ты будешь жить без почки? Да и кому твоя пропитая почка нужна?»

— Нет, — хитро улыбаясь, ответила ей дочь. В одной руке у неё был налитый по рубчик гранёный стакан с водкой, в другой — долька лимона. Она смотрелась в зеркало, находя, что очень недурна...

— Что нет?

— Ты не права! Её купят, и мы поправим наши дела! И никакая она не пропитая! У нас все получится, мы опять заживём!

— Глупенькая ты моя, — заплакала Вардия и обняла дочь. — До чего же ты дошла!

Покупателей не нашлось, а вот репортёры начали приходить вереницей. Сначала статьи были в местной прессе, потом и в московской. Лишь некоторое время спустя Семирамида поняла, что над ней смеются...

Они ещё недавно были богатыми, а сейчас стали бомжами. Только у Вардии был паспорт с пропиской — её фиктивно прописала одна пожалевшая её малознакомая женщина, чтобы она могла получать пенсию.

Семирамида заявила матери:

— Мы очень многим с тобой помогли. Поэтому помогут и нам!

— Кто — родственники, которые и знать с нами не хотят? — горько усмехнулась Вардия.

— Нет, не родственники! — хитро улыбнулась дочь и залпом выпила полстакана водки. — Сейчас появился интернет, я напишу там обращение, и мы очень скоро не будем знать, куда девать деньги!

Сначала она обратилась к ассирийцам всего мира с просьбой помочь, но никто не прислал даже рубля. Затем было обращение к людям всего мира с тем же результатом. Над тем, где именно размещено её обращение, сколько людей его прочитало, посещает ли кто-то вообще этот сайт, женщина не задумывалась. Она считала, что раз в интернете написано, то, значит, все люди мира об их беде знают. «Никому мы не нужны!» — с горечью заявила она матери.

Вардия, мыслившая более реально, чем её дочь, обратилась к главе ассирийской диаспоры Ростова-на-Дону. Он дал семьсот рублей из своих личных средств, но положения это спасти не могло. «Мне стыдно за мой народ, мне стыдно, что я ассирийка!» — пронзительно кричала Семирамида, узнав о том, каким оказался итог хлопот её матери. «Ладно, хоть это дал!» — грустно усмехнулась та, не питавшая, в отличие от дочери, никаких иллюзий по отношению к жизни. Нечем было платить за съёмный дом, пришлось идти в подвал, в котором они когда-то жили. Тридцать лет уже прошло, как мать и дочь покинули его, а теперь в нем пришлось жить и дочерям Семирамиды, которая все больше пила и все меньше верила кому бы то ни было. Подвал был пустой, сырой и холодный.

Ростов-на-Дону — большой южный город всего в ста километрах от Украины. В нем всегда много приезжих, среди местных жителей — люди разных национальностей. В самом центре Ростова, в родной для Семирамиды Нахичевани, бывшей когда-то самостоятельным городом, на месте, где стояла статуя императрицы Екатерины, теперь возвышается памятник Карлу Марксу. По замыслу устанавливавших его творцов новой социалистической реальности, создатель марксистского учения должен был осенять собой город, являясь своего рода религиозным символом отказавшейся от религии страны.

В Нахичевани и сейчас много старых домов, признанных памятниками архитектуры. Некоторые из них стоят пустыми с заколоченными окнами.

Сегодня бытовые условия, в которых живут люди в России, в основном изменились в лучшую сторону по сравнению с концом прошлого века. Уже сложно представить себе, что целую семью может обрадовать возможность жить в полуподвальчике. Но есть такие семьи и сегодня, а что говорить про рубеж второго и третьего тысячелетий, когда в России много людей из-за своей наивности и неумения жить в условиях дикого капитализма потеряли права на жильё!

...Заселились они в него самовольно, не спросив ни у кого разрешения. Семирамида рассудила так, что раз они в нем раньше жили, а сейчас там никто не живёт, то у них все законные права на него. А Вардия, усмехаясь наивности дочери, думала, что если спросить, то не разрешат, а так хоть можно будет пожить, пока не выгонят.

Осень в этом году была промозгла. Дождь лил постоянно, холодный ветер пронизывал насквозь. Старое жильё ассириек не спасало от холода; они со страхом думали, как будут жить там зимой.

Продавец часов

На рынке, где торговала ассирийка, недалеко от её места, работал мужчина, который продавал часы. Они познакомились и иногда подолгу беседовали. Он был верующим и рассказывал о вещах, которые Семирамиде были тогда непонятны. Говорил о том, что если попросить о чем-то Господа с верой, то Он, пусть не сразу, но обязательно поможет. Это казалось ей чем-то, никак с ней не связанным. Она пила уже до потери сознания. Ей надоело бороться, будущее страшило. А новый друг продолжал рассказывать. Говорил о святых и их подвигах, и что Бог не гнушается падшими людьми, что все происходящее случается не без Его воли; говорил о свободе выбора, определяющем судьбу человека.

— Если попросить Господа с верой, то Он поможет, обязательно поможет! — уверенно говорил мужчина.

— Кому здесь можно помочь! — горько воскликнула пьяная ассирийка. — Её нет, той, кому помочь было можно! То, что есть...

Она заплакала, и сквозь слезы пробормотала:

— В детстве я все мечтала о сказочной царице, имя которой ношу, что буду такой же прекрасной, как она... И вот во что превратилась...

— Перед Богом ты так же прекрасна, как прекрасна в твоих глазах сказочная царица, имя которой ты

носишь, и даже ещё прекраснее, — ответил ей продавец часов.

Семирамида горько усмехнулась и спросила:

— Скажи, я вот не пойму: кому может понравиться пьяная женщина? Да никому! Но ты бросаешь свой товар, садишься со мной рядом и говоришь о Боге. Зачем это нужно тебе?

— Ничего в этом мире не происходит случайно. Наверное, эти разговоры необходимы.

— Кому? Я же сама гублю себя! — со слезами на глазах воскликнула женщина. — Наверное, и Богу противно на меня смотреть!

— Нет. Он же знает, что просто так никто себя не губит. Обратись к Нему с верой, и ты получишь помощь!

— Как поверить в то, что не видишь? Как говорить с Тем, Кто не осязаем?

Ответа на эти вопросы женщина не захотела услышать; разговор и так отнял у неё очень много сил.

Но ответ на эти вопросы неожиданно пришёл. У Семирамиды появилась ещё одна знакомая — живущая в миру монахиня. Она тоже много с ней разговаривала, приносила духовную литературу.

— В твоих книгах очень много и понятно написано, какой Господь и что Он сделал для нашего спасения, — сказала ей как-то ассирийка. — Продавец часов не смог мне это объяснить...

— Зато он заставил тебя задуматься над этими вопросами.

Однажды монахиня принесла толстую старинную книгу. «Житие и чудеса Св. Николая Чудотворца и слава его в России», — прочитала Семирамида на обложке и по привычке взглянула на год издания: 1899.

— Я когда-то любила читать, — сказала она. — Но это очень большая книга, всю мне её не осилить. Знаешь, у меня раньше была дурная привычка: открыть книгу и примерить на своё будущее то, что откроется.

— Действительно, дурная! — воскликнула подруга. — Это до добра не доводит!

— Как видишь, не довело уже, хотя не думаю, что это главное, из-за чего я стала такой, — с горькой усмешкой сказала ассирийка.

— Но ты, надеюсь, не хочешь на святой книге гадать?

— Нет, я просто прочитаю страничку для душевной пользы, — ответила Семирамида, и было непонятно, что же она думает на самом деле.

Она начала читать на пятьсот девяносто девятой странице, затем прочитала и то, что было на шестисотой. Хотя дореволюционная орфография немного её сбивала, содержание прочитанного показалось очень интересным:

«Сын Томского жителя Ивана Момотова, ещё отрок, Василий в течение трёх месяцев так страдал «от мученья бесовского», что лишился ума, памяти и всей телесной крепости, не был в состоянии ни двигаться, ни владеть своими членами и лежал совершенно расслабленный. Сколько ни призывал отец врачей к сыну, ни один из них не помог больному в этих его муках, пока, наконец, не посетил страдающего чудесный помощник — Святитель Николай. Лежал однажды этот отрок полуживой от болезни, и вот явился ему наяву муж благолепный, в архиерейской одежде, с белой сияющей бородой, подошёл к постели больного и сказал ему: «встань». — «Не могу, господи мой, встать, отвечал отрок, потому что совершенно не имею крепости

телесной.» Тогда старец взял его за руку и поднял, говоря: «Мною, рабом Своим, повелевает тебе Владыка мой Христос встать с этого одра и быть здоровым». В полном уже сознании в ответ на это отрок воскликнул: «Какую благодарность я воздам тебе, господи мой, за такое твоё милостивое посещение меня?!» Старец сказал ему: «Сейчас встань, иди в соборную церковь и пой благодарственный молебен за своё исцеление Богу, в Троице славимому, Пресвятой Богородице и Святителю Николаю Чудотворцу, пред его образом, что в соборной церкви, на правой стороне, в приделе его, где обыкновенно стоят воеводы, и попроси священников освятить воду; воды же этой возьми из колодезя, что у рва глубокого. Если все это исполнишь, то благодатию Христовой от болезни совершенно освободишься». Тотчас отрок отправился к отцу и рассказал ему о всем явлении. Услышав обо всем и увидевши сына неожиданно вставшим и почти здоровым, отец немедленно поспешил с сыном в церковь — исполнить все повеленное Чудотворцем, и с радостью и хвалой милостивому Угоднику возвратился домой с отроком, совершенно разумным и здоровым».

— Наверное, это очень важная книга, но у меня сейчас нет сил читать дальше, — сказала она, закончив чтение...

Они с монахиней часто вместе ездили в Иверский монастырь. Семирамида не раз пыталась бросить пить, обращалась и к экстрасенсам, теперь же решила молиться.

Однажды на службе в Иверском монастыре она закрыла глаза и оказалась на каком-то пустыре. Вокруг было все бело; она что-то кому-то говорила, просила обо всех родных. Потом открыла глаза — вокруг опять

служба, все поют, молятся... То, что случилось на службе, беспокоило ассирийку, и она решила рассказать об этом своему верующему другу. Но тот, хотя читал духовную литературу, не знал о том, что такое алкогольные психозы.

— Это Матерь Божия допустила тебя рассказать Ей о том, что гнетёт твою душу, — сказал он.

— А как рассказать?

— Если не знаешь молитв, то говори своими словами то, что хочешь сказать, о чем хочешь попросить. Это и есть сердечная молитва. Она идёт от сердца, а не от разума. Если ты будешь верить, что тебе помогут, то тебе обязательно помогут, а если не верить, то лучше и не начинать просить. По вере и даётся...

Это был период, в который она или пила, или молилась... Днём пила кофе с коньяком, а ночью садилась на постели и своими словами обращалась ко всем, о ком рассказывали ей монахиня и продавец часов, а потом и к умершим родственникам, чтобы и они ей помогли...

Однажды на рынке Семирамида случайно заметила Карине. Обида на подругу, которая её предала, тут же пронзила все её существо. Ассирийка залпом выпила чашку кофе с коньяком, в которой коньяка было в три раза больше, чем кофе, и пронзительно закричала:

— Ах ты, лживая ослица с сердцем крысы! Как носит тебя земля, отродье змеи!

Карине вздрогнула, присмотрелась и, узнав свою бывшую подругу, с деланой любезностью сказала:

— Семирамида, что с тобой, дорогая? Я чуть было не подумала, что это какая-то котиха здесь кричит!

— Котиха? Ах ты падаль! Да, выпила я немного кофе с коньяком! — закричала ассирийка, которая

выпила в этот день в общей сложности уже почти бутылку коньяка и чашку кофе, но считавшая, что она не пьяница, потому что пьёт кофе, в который просто добавляет немного коньяка, чтобы укрепить силы.

— Да, время оказалось жестоко к тебе, — с притворной грустью сказала Карине, с удовольствием отметив про себя, что она-то сохранилась очень даже ничего.

— Сейчас я к тебе окажусь жестокой, — злобно сказала Семирамида, глаза которой налились кровью.

Армянка не на шутку испугалась. Но тут подоспел продавец часов, он всегда умел успокоить ассирийку, и Карине удалось уйти.

— Зачем ты меня остановил? — горько спросила своего друга больная женщина.

— А что изменилось бы, если бы ты что-то плохое ей сейчас сделала? Тебе бы стало легче?

— Наверное, ты прав, — горько сказала несчастная, силы у которой сразу ушли. — Ничего нельзя вернуть, все пропало...

— А вот так нельзя думать! Проси у Бога, Он поможет тебе!

— Поможет... — беззвучно прошептала ассирийка. Глаза её закрылись, и она едва слышно прошептала: — Это вряд ли... Ненавижу её! Будь она проклята!

— А вот так нельзя говорить! — по-доброму, но твёрдо поправил её друг.

— У тебя что ни возьми — это нельзя, то нельзя, — горько усмехнулась женщина. — Почему?

— Проклятие нечестивого возвращается на его главу, так сказано в Библии!

— Так я нечестивая?! — начала было заводиться торговка, но почему-то на продавца часов злиться у неё

не получалось. И уже спокойно сказала: — Ну, нечестивая, а дальше что?

— А дальше то, что ты это проклятие обращаешь на себя и своих детей. Это тебе нужно?

— Я и так уже проклятая... И бедные мои девочки тоже... А про мальчиков и говорить не хочу... Ты рассказывал, что нельзя воздавать злом за зло. Почему?

— Дело в том, что тот, кто совершает зло, несёт себе наказание уже в самом этом поступке. Перестав жить по законам Бога, он начинает жить по законам мира зла. А это жестокий и страшный мир, попасть в который — нет ничего хуже. И чем больше совершает зла человек, тем больше страданий и скорбей ему придётся перенести самому; владыки мира тьмы проследят, чтобы за все плохое, совершённое им, он полностью расплатился. А тот, кто воздаёт злом за зло, и сам начинает жить по законам этого мира. Нужно уметь отдать суд Богу...

— В надежде, что Он покарает так, что самому бы обиженному и в голову не пришло? — хитро спросила ассирийка.

— Бог никого не карает. Он просто перестаёт иногда некоторых защищать!

— Ладно, — вдруг спокойно сказала женщина. — Я представила, что мне хотелось бы сделать с Карине за то, что она не дала мне тогда соединиться с Тиграном; так если ты говоришь, что ей предстоит нечто худшее этого, то мне её просто жалко!

И она горько рассмеялась.

...Младшая дочь Семирамиды сумела вырваться из кошмара, в котором жила семья, вышла замуж и уехала к мужу, а старшая так и осталась с матерью, хотя многие к ней сватались. Семирамида не вмешивалась в жизнь дочерей. Так она поступала не потому, что ей было не до

них, но она боялась обид с их стороны, если её советы окажутся неверными. Старшая была так психологически зависима от неё, что не было необходимости ей что-то ещё говорить, а младшая — настолько независима, что было ясно: что бы ей ни говорили, она поступит по-своему. Она любила мать, но воспользовалась первой же возможностью жить отдельно от неё.

Болезнь как надежда

Однажды, когда Семирамида шла из монастыря после вечерней службы, увидела в небе трёх мужчин с бородами. Они были такими большими, что женщина со страху отвела глаза, а когда посмотрела опять, их уже не было.

Иногда ей удавалось долго не пить. Первый день всегда был очень тяжёлым. Она не могла встать, её выворачивало наизнанку, сердце стучало как сумасшедшее, простреливало под плечом, голова разрывалась, в глазах плавали тёмные круги, все тело трясло, а руки — так, что невозможно было удержать даже чашку с водой... К ночи приходил страх, а вместе с ним и бессонница. Иногда она слышала какие-то звуки, перед глазами возникали образы, но все это было таким расплывчатым, что женщина не обращала на этом внимания. Единственным желанием было дожить поскорее до утра — уйти из этого дома туда, где люди, да, на рынок, где людей много... И намного раньше, чем этого требовали интересы торговли, Семирамида шла на рынок, в течение дня ей удавалось немного отвлечься, и к вечеру она с трудом приходила в себя. Через неделю ей казалось, что вот теперь можно и никогда не пить; в её

голове появлялись фантазии, как же она заживёт, если выпивки в её жизни больше не будет. Но потом, обычно не позднее, чем ещё через неделю, приходила мысль, что рюмку-то можно, и все начиналось по новой...

Однажды Семирамида не пила больше двух недель. Она пришла с рынка, села на диван — и вдруг перестала понимать, что происходит вокруг.

Вардия что-то говорила внучке, телевизор показывал какую-то программу, а в голове её пел мужской хор. Она подумала, что у неё белая горячка. Пели без музыки и одно и то же: «Господи, помоги ей!» — и так с полшестого вечера до полуночи.

На рынке Семирамида подошла к продавцу часов, которого называла теперь своим братом, и рассказала о том, что с ней произошло.

— Что это было?

— Я привезу тебе сейчас одну книгу, — задумчиво сказал он.

В книге было написано, что такое случается иногда на могилах святых, но даётся услышать и простым людям. С алкоголем видения ассирийки её друг не увязывал. Он познакомил её ещё с бабушкой из деревни, которая привозила на рынок молоко. Когда эта старушка была в паломнической поездке, то, проходя мимо двух монастырей, слышала хор мужчин, а другие паломники ничего не слышали.

Ассирийка немного успокоилась, но вечером в это же время опять слышала мужской хор. Через пару часов к нему прибавился женский, а затем и детский. Все они пели какую-то песню. Что-то о Матери Божией, но слов Семирамида не могла разобрать, ей показалось, что это что-то хвалебное. Потом мужской хор перестал петь, затем женский, а детский все пел, но слушать его мешал

саксофон. Женщина пыталась его «убрать», но от этого усилилась головная боль, появилось ощущение, что горел и поднялся верх головы. И тут пришла мысль, что нужно прочесть молитву «Отче наш». А Семирамида и знала лишь два слова из неё — «Отче наш». До двенадцати оставался ещё час; за этот час она прочитала молитву, которую раньше не знала, будто кто-то ей подсказывал. С последними словами молитвы саксофон замолчал, дети пели прекрасно, и несчастная больная уснула. Проснувшись, она знала «Отче наш» наизусть.

На следующий день она рассказала обо всем своему верующему другу.

— Не понимаю, почему ты это до сих пор слышишь... — удивился он.

— Может быть, кому-то ещё это рассказать?

— Что ты! Никто не поверит, потому что сами такого не слышали. А тебя, чего доброго, объявят сумасшедшей!

Она рассказала ему и про книгу о Святителе Николае, которую ей предложила прочитать монахиня.

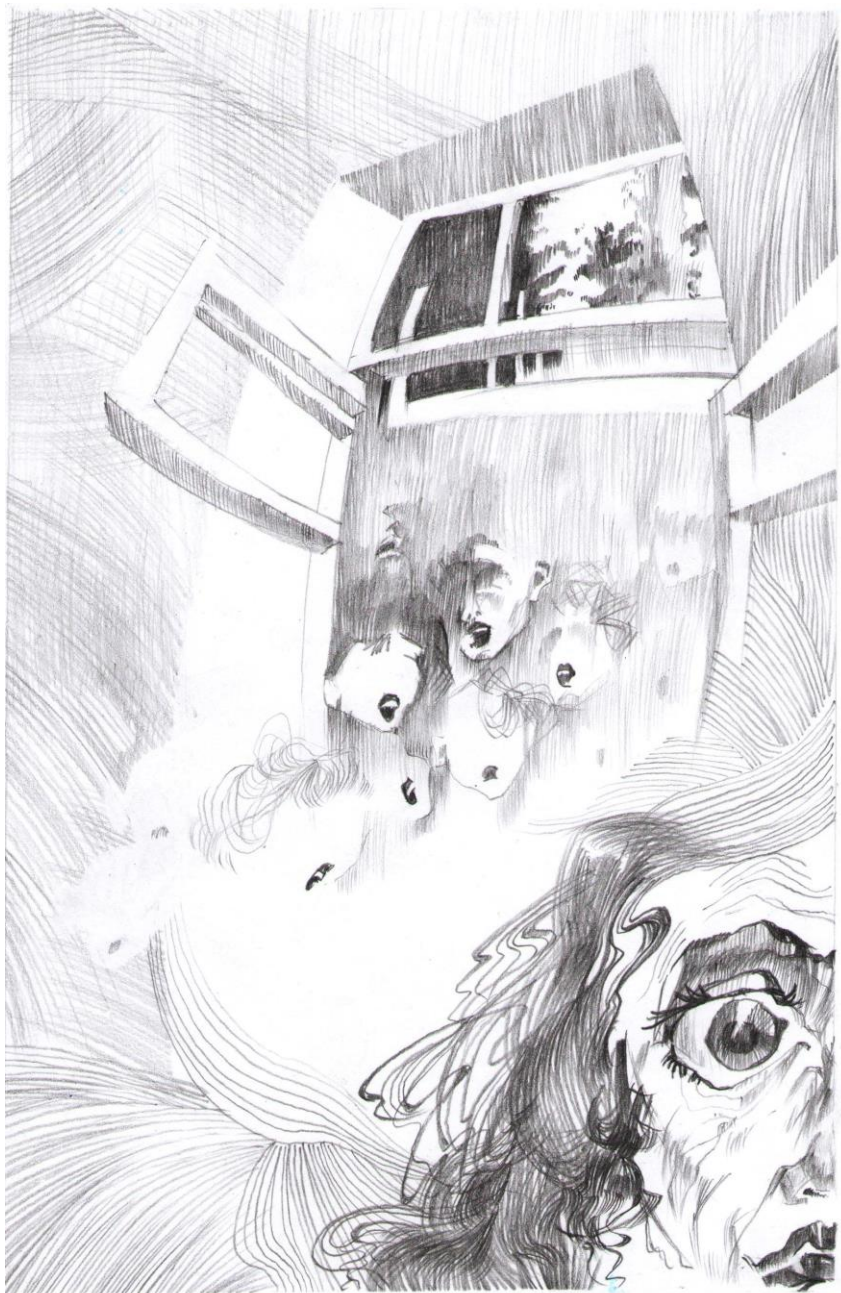
— Это великий святой! — серьёзно сказал ей продавец часов. — Молись ему, он тебе поможет.

И он достал из кармана самодельную тетрадь в поллиста, которую, как оказалось, всегда носил с собой. В ней были от руки переписаны акафист Святителю Николаю и его житие. Он начал читать житие, написанное ещё в десятом веке Симеоном Метафрастом: «Вследствие своих природных дарований и остроты ума в краткое время Николай превзошёл большинство наук; всяческую же суету презирал и сторонился недостойных сборищ и бесед, уклонялся вступать в разговор с женщинами и даже не смотрел на них, заботясь лишь об истинно разумном. Он простился с мирскими делами и

все время проводил в домах Божиих, приуготовляя себя к тому, чтобы стать достойным домом Господним. Так как святой много потрудился для ведения Святого писания и разумения божественных догматов, был украшен множеством добрых качеств и неукоснительно соблюдал подобающую иереям неукоризненность жизни, а также и потому, что нрав у него и до того, как он стал стар, был спокойный и рассудительный, его решили удостоить пресвитерского сана. Попечением дяди, заменявшего ему отца, тогдашний предстоятель церкви в Мирах рукополагает его во пресвитеры; так, Богом дарованный родителям, по их молитве он возвращается Богу. А этот архиерей Мир, удостоенный божественного духа, видя, что душа юноши цветёт добродетелями, предрёк грядущее преизобилие у него благодати, сказав, что он будет благим утешителем печалющихся, добрым пастырем душ, подателем спасения тем, кто в опасности, и призовет заблудших на нивы благочестия».

— Мне тяжело это слушать, — перебила его женщина. — И монахиню я слушать не смогла... Давай это отложим на потом.

Но «потом» наступило не скоро. День прошёл как обычно. Но вечером в голове Семирамиды звучало уже ассирийское пение. Играли ассирийские музыкальные инструменты, а пели, наверное, древние ассирийцы. Она начала петь с ними так, как будто знала все, что они поют, наизусть... При этом язык, на котором пели, был ей незнаком. Дома никого не было, Семирамида даже танцевала, была такой счастливой... Она думала: «Вот мама придёт, и я спою ей один куплет, а она переведёт, если сможет». Но когда мама и дочь, наконец, пришли, все слова из её головы пропали.

Изматывающая духота того лета усугубляла внутренние страдания женщины; ей хотелось убежать от самой себя. Если бы она могла вылезти из своей кожи и куда-то убежать — тут же сделала бы это.

Её очень занимало, что же значат видения, которые её посетили. На рынке она спросила у пожилой ассирийки, как в старину молились их соотечественники, и та сказала, что с песнями и танцами. С этого времени она могла не пить вообще, независимо от того, хотелось ей этого или нет.

На дне

После того, как Семирамида услышала пение древних ассирийцев, она решила, что у неё все будет хорошо, и взялась за решение их с матерью жилищного вопроса. Она обратилась к властям, чтобы те признали подвал их законным жилищем.

Когда Вардия узнала об этом, то очень ругала дочь:

— Зачем ты лезешь в то, в чем не смыслишь! Где мы теперь будем жить? — кричала она.

— Все будет хорошо! — уверенно отвечала Семирамида.

Но права оказалась мать: их действительно попросили освободить подвал. Одна знакомая посоветовала Семирамиде идти сторожем в садоводческое товарищество в тридцати километрах от Ростова-на-Дону. Она устроилась неофициально, потому что прописки не было. Платили ей вместо двух тысяч восемьсот рублей, но женщины и этому были рады. Жили они в холодном железном фургоне, было страшно, поэтому для охраны они завели собак, к которым

относились как к родным. Вардия ездила на рынок торговать, потому что иначе они умерли бы с голода. Сама Семирамида боялась ездить на рынок, чтобы снова не начать пить, попав в привычную обстановку. Жили так плохо, что им помогали бомжи.

Один раз Вардгес пришёл к ним — ни в чем не обвинял, но все сокрушённо вздыхал и укоризненно качал головой, как бы говоря: вот до чего дожили! А через какое-то время он умер. Как оказалось, последние годы он жил у своего отца. Младшая дочь отвезла Семирамиду на похороны. Когда они приехали, гроб стоял уже в автобусе. Краем глаза потерявшая сына мать увидела сестру и её подруг.

На мгновение она увидела своего сына улыбающимся... Нужно было залезть в автобус. Каждый шаг ей давался с большим трудом. Семирамида попросила дочь войти в автобус и тянуть её за руку, а сама, встав на колени, забралась в него. Дочь тихо плакала. Мать посмотрела на того, кто лежал в гробу. Это был опухший человек, не похожий на её сына. Но вдруг на мгновение вместо него она опять увидела сына — таким, каким он жил в её сердце.

Выбравшись из автобуса, ассирийка с раздражением посмотрела на сестру: «Вот, показывает перед подругами добрую тётю, причитает!» Сама она сидела молча. Она ведь не плакала даже тогда, когда носила в кармане крошечного мёртвого сына, зачатого от единственного мужчины, которого любила. Из-за каких-то глупых условностей ребёнку не дали нормально родиться и жить... Её мысли прервал племянник, который подошёл и попросил уйти, а то «его мама нервничает».

Семирамида увидела боль в глазах своей дочери, которой было горько от того, что так поступают с её

матерью. «Вместе с сыном у меня умерли и родственники», — только и сказала ассирийка. Они сели в такси и уехали. После этого ноги у неё отказали, она могла сделать лишь несколько шагов. Через год пришлось покинуть и сады. Младшая дочь перезаняла денег, а старшая нашла маленький домик без документов в заброшенной деревне, куда можно было переселиться. Жить там было сложнее всего.

Зима в том году была нестерпимо холодна. Стужа заставляла думать о приближении конца. С едой было тяжело. Собаки, которые не только мясного не видели, но и хлеба никогда не ели досыта, вскоре умерли от истощения. Семирамида поняла, что на очереди они сами. А тут ещё Вардия поехала за пенсией в Ростов-на-Дону, и у неё пропала память. Её не было восемь дней. Дочь уже не надеялась её увидеть, когда она появилась во дворе. Ноги её опухли, и она не могла вспомнить, где была эти дни.

Помощь Святителя Николая

Иногда один старичок помогал им едой. Он посоветовал молиться Святителю Николаю, который помогает всем, кто погибает. Откуда этот старичок взялся? Вроде бы не местный. А приходил всегда ровно тогда, когда женщины начинали думать, что все кончено.

— Ты проси Святителя Николая, он поможет тебе! — каждый раз говорил он Семирамиде. А та больше ничего и не могла, как только молиться. Она была согласна и умереть — такова была её усталость.

Женщина попросила своего нового знакомого рассказать ей о святом, просить о помощи которого он им велел.

— Он очень строгий, но в то же время и такой добрый, — задумчиво сказал старичок. — Однажды он был на Вселенском Соборе в городе Никее, в то время Церкви предстояло ответить Арию, учившему, что во Христе воплотился не Бог. Арий был человеком необычайной учёности и так красноречив, что все ему верили; для разбора созданного им учения при поддержке первого христианского императора Рима был созван первый в истории Церкви Вселенский Собор, на который приехали триста восемнадцать епископов, и все они не могли найти слов, чтобы доказать, что арианство — это лжеучение. Не нашёл слов и Святитель Николай, ударивший еретика...

— Это он поэтому святой? — скептически спросила Семирамида. — У меня первый муж, чуть что, сразу всех по морде бил, а святости в нем не было ни на грош...

— Не поэтому, конечно, — засмеялся старичок. — Вот видишь, и я как следует не могу тебе ничего объяснить... Тогда он уже был епископом, а епископ, если кого ударит, то его за это лишают священного сана. А для Святителя Николая сан был дороже всего! Твоему-то бывшему мужу, если он кого ударит, что за это было?

— Да ничего ему не было никогда! — засмеялась ассирийка, которой по сравнению с её нынешним положением даже жизнь с карманником и драчуном показалась чем-то забавным. — Правда, мало я с ним прожила. А вот любимого моего за то, что он кого-то стукнул...

Ком в её горле не дал говорить — вместо слов вырывалось клокотание, и вдруг женщина зарыдала,

хотя раньше слез у неё не было. Как будто вчера она была рядом с Тиграном, разлука с которым сломала им жизнь... «Дело не в его драке, а в том, что я разрешила убить нашего с ним ребёнка!» — резко одёрнула себя Семирамида. Жизнь могла бы быть совсем иной, — подумалось ей, — и не бомжихой, а принцессой она была бы с тем, кто любил её и кого любило и сейчас её сердце до такой степени, что от одного воспоминания о нем больная старуха вдруг стала красивой. А старичок как будто видел все, что происходило в её душе.

— Смотрю, ты меня поняла, — сказал он. — Так вот, Святителя Николая тогда Собор лишил сана за то, что он всего лишь раз в своей жизни ударил человека — за то, что тот ломал людские души своим красноречием...

— А чем уж так плохо было его учение? — спросила ассирийка, мало понимавшая в тонкостях богословия.

— Как тебе объяснить... — задумался её собеседник. — Христианство — это религия, которая учит тому, чего по всем законам человеческой логики не может быть: что Сам Бог для того, чтобы спасти людей, во Христе соединился с человеческой природой. Мыслившему логично Арию казалось, что намного правильнее будет верить в то, что во Христе воплотился лишь один из высших духов, великий, но сотворённый. А Святитель Николай сердцем чувствовал то, что Церковь поёт в одном из песнопений: «не Ходатай, не Ангел, но Сам Господь воплотился»... Но не было у него слов, чтобы опровергнуть ученейшего богослова его времени, вот и нанёс он пощёчину...

— Получается, что от бессилия? — вздохнула женщина.

— От человеческой немощи, в которой совершается сила Божия. Его поступок был так необычен, что

привлѣк внимание всех отцов Собора; они начали ещё тщательнее искать возражения еретику и нашли их. А многим из них были видения от Господа, после которых Святитель Николай был оправдан и восстановлен в своём архиерействе.

— А у меня были видения от Господа? — воспользовалась возможностью узнать мнение такого знающего человека ассирийка и рассказала о том, что видела, и что этому предшествовало.

— Давай только без обид, но это называется делирий, — улыбнулся старичок. — Думаю, что тебе тогда не повредил бы галоперидол. Но Бог и зло обращает ко благу; выводы ты из всех этих вещей сделала верные, раз перестала пить...

— То есть это не духовные видения? — обиженно спросила Семирамида.

— Давай разберѣмся, что значит духовные, — засмеялся её собеседник. — Есть мир рядом с нами, который мы не видим, и это большое благо для нас, потому что человек в повреждѣнном его состоянии не может без опасности для себя видеть мир духов. Изменения, которые люди производят в своём теле наркотиками, алкоголем, голодом, чем-то ещё могут дать им возможность видеть какие-то фрагменты духовного мира, но, как правило, тѣмной его части. Это разрушительно для человека, который имеет грубые грехи; у него может развиться хроническое психическое заболевание. И вообще не нужно искать мистических видений. Разве хоть один раз в Священном Писании говорится, что тот, кто их не имеет, несовершенен? Там написано, что совсем другое представляет подлинную ценность для человека: любовь к Богу и ближним, чистота сердца.

Он не раз так с ними говорил. Рассказывал и про трёх дочерей одного неплохого, но не особо морально устойчивого человека, который после того, как разорился, начал думать, как бы ему пристроить их куда-нибудь содержанками, если не похуже... И как Святитель

Николай ночью тайно постучал в окно его дома и бросил туда свёрток с золотыми монетами. Непутёвый отец распорядился ими правильно, выдав замуж старшую дочь, и архиепископ бросил ему через какое-то время второй, устроивший судьбу средней девушки, а затем и третий, который помог младшей...

— Волшебная сказка — стук в окно три раза и неожиданный подарок, меняющий жизнь из беспросветного мрака к солнечному свету! — задумчиво сказала Семирамида. — Но это лишь сказка, разве так бывает в нашей обычной жизни?

— Бывает, — уверенно ответил ей старичок.

Он рассказал ей и про невинно осуждённых вельмож, которых Святитель спас от незаслуженной казни. Они были свидетелями того, как Святитель Николай выхватил меч из рук палача, не дав казнить трёх оклеветанных горожан, чья невинность потом была доказана. Этим сановных людей поразило тогда не только бесстрашие архиерея, остановившего казнь, но и то, как близко к сердцу он принял чужую беду и — самое удивительное — он действовал с такой властью, что не послушаться его было невозможно.

Через какое-то время помощь понадобилась уже этим вельможам: столичный мэр оклеветал их перед императором, выдвинув тяжкое обвинение в государственной измене, наказанием за которое была смерть. Несчастные в темнице вспомнили тогда Святителя Николая. «Если бы он был здесь, то и нас спас бы, как тогда горожан!» — подумали они. И хотя святой был далеко от них, невинно заключённые обратились к нему с горячей мольбой, веря, что он услышит их, невзирая на расстояние.

И Святитель Николай действительно их услышал. Он явился во сне императору и мэру; было новое разбирательство дела, в результате которого сановников не только оправдали, но и восстановили во всех правах.

Рассказывал и о погибавших на море и много всего другого. Ассирийке стало казаться, что Святитель Николай — самый родной из всех, кто у неё есть; особенно впечатлило её, что, как ей казалось, в том, как он пострадал, защищая веру на Вселенском Соборе, есть что-то схожее с тем, как пострадал Тигран... Что Тигран был всего лишь драчуном, ей было не внушить: она точно знала, что он самый лучший из всех людей, когда-либо живших на свете... Она постоянно молилась Святителю, ласково обращаясь к нему «Николушка». Семирамида думала, что не будет он из-за этой вольности сердиться на старую больную ассирийку, живущую в ожидании смерти. Вспомнила давно прочитанный отрывок из книги, которую дала ей в недавнем ещё, но уже стёртом новыми скорбями прошлом её подруга монахиня, и отрывок древнего жития, которое читал продавец часов... И ей почему-то стало казаться, что Святитель обязательно сотворит чудо и в её жизни, похожее на одно из тех, о которых рассказывал ей старичок...

Порой она часами сидела перед небольшой бумажной иконкой (сил стоять не было: ноги не слушались), беседуя с изображённым на ней святым чудотворцем, как с самым близким человеком, делясь с ним горестями жизни:

«... Мой любимый приходил, когда я ещё не выходила замуж. Оказывается, у него был суд за драку, и ему дали шесть месяцев тюрьмы. Он освободился, пришёл и, увидев мою подругу-армянку, попросил её

позвать меня. Но она его обманула, позавидовав мне, и сказала, чтобы он меня не беспокоил: я люблю другого. Она хотела остаться с ним, но он ушёл. И это лучшая моя подруга! Зависть — это страшно...»

Другой сердечной болью был умерший сын. «Когда сестра принесла письмо от мамы, я поцеловала сына, отдала из рук в руки сестре (она ждала в коридоре). Что заставило меня совершить такой поступок: в трезвом виде своими руками отдать сына другой женщине, пусть даже родной сестре?! Я и сейчас не могу этого объяснить. Если бы я знала, что теряю сына навсегда...» Жаловалась на подруг: «Одно я поняла: если ты более удачлива, чем твоя подруга, то автоматически становишься её врагом. Но если ты совсем внизу, ты ей не нужна, ты ей не соперник. Если родные от нас отворачиваются, то что говорить о чужих людях? Нет слепца большего, чем тот, который не хочет видеть...» Жаловалась она и на отца своих дочерей: «В Ростове он стал играть на скачках. И этим сам все разрушил. У меня начинался нервный срыв. Я знала, какое успокаивающее лекарство мне нужно... И я безрассудно стала делать ему назло. Он — на скачки, а я — в бутылку. Он мне надоел. Мало того, что денег я не видела, он ещё стал мне грубить. Я не ангел бескрылый, я человек. В каждом человеке сидит дьявол, но во мне его было слишком много...» Иногда, обращаясь к святому, Семирамида начинала философствовать, пытаюсь осмыслить свою жизнь: «Я все расскажу: как была растоптана жестокой правдой жизни, как мои мечты и надежды были убиты безжалостной судьбой. Кто защитит погрязшую в грехах и опустившуюся женщину? Очень страшно, когда отворачиваются те, кто был дороже жизни... Зло

принимает множество обличий и прибегает к самым коварным уловкам».

Вардия тоже молилась перед этой иконой, но не так «запросто», как её дочь. Она считала, что просить помощи святого нужно с почтением, не загружая его лишней информацией. Ей горько было смотреть на Семирамиду: в глубине души старая ассирийка чувствовала, что, не заставь она её избавиться от ребёнка, вся жизнь дочери была бы иной...

Вардия просила прощения за все, что сделала не так, обращалась за помощью — больше не для себя и дочери, а для внучки: «Она-то ни в чем не виновата! Просто слишком привязана к матери. Ей бы выйти замуж давно, жить нормальной жизнью, а она, не видев ничего в ней, ни за что, по доброй воле делит с нами этот кошмар! Мы-то хоть пожили, всякое повидали, а она-то за что страдает?»

Чем больше были внешние трудности, тем горячее были молитвы находившихся, казалось бы, в безнадёжном положении женщин.

...Иногда Вардия автостопом ездила в Ростов-на-Дону. Однажды ночью после молитвы Семирамида и её дочь слышали стук в окно — три раза. Выглянули — никого не было. Дела их были ещё хуже, чем обычно, и благодетель-старичок куда-то исчез в последнее время. Утром Вардия собралась в город. Когда она стояла на трассе, проезжавший мимо неё джип сдал назад. Из него вышел представительный мужчина и, узнав, куда она едет, предложил подвезти. В городе он дал ей конверт, в котором было шестьдесят тысяч рублей и бумажная иконка. Он взял и такси, которое отвезло Вардию домой. А когда деньги кончились, он приехал к ним, помог выбраться из этой деревушки и купить дом.

Семирамида умерла раньше своей матери. Она и дочь были рядом с ней в последние часы. И вот земной путь страдальцы закончился. Вардия грустно

посмотрела на отмучившуюся дочь, лицо которой сейчас, как и все последнее время, было умиротворённым, и сказала внучке:

— Я в детстве часто рассказывала ей сказку про восточную царицу Семирамиду. Предание говорило, что она не умерла, а превратилась в голубку. Вот и моя дочка, твоя мама, сейчас освободилась от многих уз этой земной юдоли мрака и страданий и отправилась к Богу...

— Но разве жизнь такова, что совсем уж не стоит жить? — спросила её внучка.

— Нет, много хорошего есть и в этой жизни. Просто нужно уметь это видеть. Обычно нам бывает мало того, что мы имеем — сколько ни дай, хочется ещё и ещё. А нужно уметь быть благодарным Богу за те вещи, которые многие даже и не замечают. Ведь сложно оценить, какой величайшей ценностью являются свобода, отсутствие сильных болей, голода, когда есть крыша над головой...

Внучка посмотрела на бабушку, прошедшую в своей жизни и заключение в Мордовии, и болезни, и скитания, и голодную жизнь, и заплакала.

— Не плачь, дорогая, — через силу улыбнулась та и обняла её. — Теперь у тебя все будет хорошо!

Однако на сердце её было беспокойно. Она чувствовала, что путь скорбей для неё и её дочери закончен, а вот внучке ещё много дурного предстоит увидеть в жизни.

Вардия тоже недолго прожила после того, как похоронила дочь. Она и Семирамида умерли в мире с Богом и людьми, а дочь, которая жила с ними, осталась трудиться при храме. Но это уже совсем другая история...

Человек, который им помог, — Михаил Иванович Чепель, теперь уже иеромонах Михаил. Он помогал многим людям совершенно бескорыстно. Строчки про стук в окно напоминают фрагмент из жития Святителя Николая Чудотворца, который бросал в окно узелки с золотом, спасая от нравственной гибели трёх девушек. И в этот раз через отца Михаила он помог избежать гибели этим трём женщинам.

История изломанной жизнью женщины свидетельствует о том, что Богу дорог каждый человек, как бы глубоко он ни заблуждался в жизни и насколько сильно ни был болен. К счастью, среди нас все ещё есть те, кому небезразлична чужая беда, кто готов не на словах, а реально помочь страдающим и отверженным, а, значит, не все ещё потеряно для этого мира...

Закончить эту повесть хотелось бы прекрасными словами митрополита Антония (Блума) о Святителе Николае: «Когда читаешь его жизнь, поражаешься, что он не только о духовном заботился; он заботился о каждой человеческой нужде, о самых скромных человеческих нуждах. Он умел радоваться с радующимися, он умел плакать с плачущими, он умел утешить и поддержать тех, кому нужно было утешение и поддержка. И вот почему народ, мирликийская паства, его так полюбила и почему весь христианский народ так его чтит: ничего нет слишком ничтожного, на что он не обратил бы внимание своей творческой любви. Нет ничего на земле, что казалось бы недостойным его молитв и недостойным его трудов: и болезнь, и беднота, и обездоленность, и опозоренность, и страх, и грех, и радость, и надежда, и любовь — все нашло живой отклик в его глубоком человеческом сердце. И он нам оставил

образ человека, который является сиянием Божией красоты, он нам в себе оставил как бы живую, действующую икону подлинного человека. Но оставил он нам её не только для того, чтобы мы ликовали, восхищались, изумлялись; он нам оставил свой образ для того, чтобы мы от него научились, как жить, какой любовью любить, как забывать себя и помнить бесстрашно, жертвенно, радостно всякую нужду другого человека».

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Дорогой Алексей Александрович, конечно, её история меня очень тронула, но главный лейтмотив постоянно звучал в её словах: «Я всегда молилась Николушке». Даже дойдя до состояния бомжей, она имела крепкую веру. Не знаю, кто был тот мужчина, но он вселил и поддерживал в ней фантастическую веру. Они дошли до самого дна: бабушка, мать и внучка спали вместе с собаками, чтобы зимой было теплее. Стёкол в доме почти не было, и вместо них была наклеена мутноватая полиэтиленовая плёнка.

Это была морозная зима, когда я встретил на дороге бабулечку. Мы ехали быстро, так надо было проехать с Кубани в Калмыкию, и попутчиков не брали. Собственно, так мы пролетели и мимо бабушки, одиноко стоящей и даже не голосующей. Вероятно, потеряла всякую надежду на помощь. Не знаю, что заставило меня остановиться, просто я сказал водителю: притормози, разворачиваемся, поможем бабулечке. Потом добавил: "Что-то здесь не то!" Вид у бабушки был соответствующий, но какой-то

аккуратный. По пути разговорились — сказала, что едет в Ростов к кому-то на похороны и, может, раздобудет денежку, так как она и её близкие полностью нищие.

На трассе Ростов-Ставрополь мы расстались. Отдали ей все наши вкусняшки — жареные пирожки с разными начинками, деньги из тех, что называются загашником. К чести бабушки, она не потратила ни копейки и все принесла домой. Потом раздали небольшие накопившиеся долги. Спросил, как её звать. Остановил такси, очень убедительно попросил молодого парня довезти бабулечку как собственную. Парень тоже оказался молодцом, в Ростове не оставил её и все сделал как положено.

Прошло примерно полмесяца, мороз крепчал, температура непривычно низкая для Кубани — около -25. Начала болеть душа о бабушке. Где она, что с ней. Куда ехать — толком не знаю, адреса не знаю, только имя и фамилию, а сердце не даёт покоя. Вопросов много: откуда она вышла на дорогу или перебивалась на перекладных и т. д. Набираю продукты: каши, колбасы, сыры, масло, чай, сахар, кофе, сухари, спички, два мешка картошки — и отправляю водителей Дмитрия и Сергея: попробуйте найти бабушку с семьёй. Если на то будет воля Божия — найдёте. Промучились, но нашли. Ребята сами загорелись помощью. Я напутствовал: постарайтесь, мы тут жируем, а люди с голоду и от холода умирают. Они нашли их: деревня брошенная, люди боятся выходить из домов, дорог нет, дощатые настилы. Местных жителей очень смущали машины, и люди не хотели идти на контакт, думая, что это какие-то бандиты, но, если не ошибаюсь, тот мужчина, который напутствовал их в вере, он и указал адрес.

Живут в деревне инвалиды, люди с уродствами и старики. Жуть даже их проняла. Вернулись, потрясённые увиденным.

Решил не оставлять эту семью, найти и купить хоть какой-то домик с пропиской. Промыслительно удалось купить нормальный домик, и даже с участком земли. Накупили угля, дров. Приехали за ними, забрали и перевезли. В комисионке взяли неплохую мебель. Дом к их приезду был готов. Помогали добрые христианки из грекоармян.

Бабулечка и дочка с благодарностью вспоминают мужчину, который настойчиво говорил о вере и святителе Николае. Удивительно было то, что, чем ниже они опускались и жили уже так несколько лет, тем более укреплялась их вера и надежда. Потрясающая сила духа. Сама автор рассказа только улыбалась, говоря об этом, твердила: я всегда-всегда-всегда верила в Николушку. Сейчас обеих молитвенниц нет в живых, сказались жесточайшие невзгоды жизни, но внучка — молодец, работает при храме в одной из кубанских станиц с той же горячей верой в Святителя Николая.

Может, и пригодится вам для развития сюжета, как пишут в книгах, все излагаемые события построены на реальных фактах.

С глубокой благодарностью и. М.

В ожидании нового расцвета «культуры любви»

Россия переживает сегодня странное состояние общественного духа, ситуацию резких перемен. Еще вчера целями очень многих сторонников «либеральных ценностей», считавших себя победившими «хозяевами жизни», были погоня за деньгами, властью и короткими радостями бытия. Массовая культура соответствовала таким настроениям ума. Порой, в качестве «глубочайшей» аргументации их позиции, использовались принципы западной философии индивидуализма, меркантилизма, иррационализма и постмодернизма. Утверждалось, что в реальной жизни ничего стоящего более того, к чему они стремятся, нет и, по сути, быть не может. Но уже сегодня, как объявил президент страны, Россия - совсем не Европа и не Америка, а нечто гораздо более счастливое, возвышенное и правильное. Да ладно бы только президент... С того момента его рейтинг поднялся необычайно, явным стало то, что абсолютное большинство граждан России того же мнения. Страна ждала подобной перемены.

В годы безнадежных попыток навсегда лишить Россию основ ее блистательной духовной, социальной, интеллектуальной и художественной культуры, читать подобное этой работе Алексея Федотова нам приходилось не часто. Небольшая повесть «Семирамида» мне, представителю гуманитарной науки и практикующему более тридцати лет психологу, видится такой новой художественной прозой, где речь идет о глубочайшей психологии смыслов жизни, отражении древнейших пластов культуры народов в жизни наших современников, и даже

об архетипах восходящих ко времени создания Мира и человека.

Символично не только имя главной героини повести Семирамида, что в переводе с шумерского означает «рожденная голубкой», но и ее сводной сестры - Лилита. Предания многих народов, как и ранние христианские апокрифы, говорят о Лилит, как о первой жене Адама, темная суть которой отвергала гармонию их дополнения, рождала требование равенства с мужчиной. Взбунтовавшись, она стала женой дьявола и матерью демонов. Дочь богини Деркетто и смертного мужчины, Семирамида, в младенчестве была брошена матерью в пустыне на верную смерть, но была спасена голубями. Бессмертная мать убила отца девочки, ставшего ей не нужным. Повзрослевшая красавица Семирамида, ставшая «темной царицей» Ассирии, тоже легко шла на уничтожение своих мужей. Ее душа была холодна к мужчинам, которых она воспринимала лишь как средство. Чужие для нее мужчины также воспринимались лишь как средство достижения собственных целей. Легенда гласит, что слабых и внешне непривлекательных мужчин она превращала в евнухов.

По законам современной психологической теории оптимума развития, такая женщина не могла иметь простой судьбы, гармоничных отношений с мужчинами. Так и произошло, - и с легендарной Семирамидой, и с героиней повести, отец которой умер очень рано. Предание говорит о том, что страсть матери ассирийской царицы к ее отцу была очень короткой, ибо это было лишь навязание, насланное богиней любви. Многолетняя психологическая практика подтверждает шутливую формулировку важного постулата теории оптимума развития: «от

счастья - не умирают»; вторая сторона этой истины - «несчастья сокращают жизнь, большие - обрывают ее».

В основе сюжета лежат реальные события современной жизни. Он дает основание полагать, что мать российской Семирамиды, понявшая с возрастом, что, по сути, она - «черная вдова» (очередная «темная» женская сущность в повести), тоже не знала настоящей любви к мужчинам. Оба отца дочерей, как и последующие мужья, рано умерли, не завоевав любви супруги. Обе дочери выросли, не зная любви отца, не понимая, как и мать, что мужчина кроме детей («наполнения» женского тела), может дать женщине еще и наполненную душу, ибо это его природное право. «Душа моя» - слова, которые вправе произнести любимой женщине тот мужчина, который знает о духовной жизни не понаслышке. Не случайно слова «мать» и «материя» - однокоренные. Не случайно и то, что духовные лица в мировых религиях - мужчины, которых именуют «отцами». Женщина, не наполненная духовностью мужчины, рискует стать очередной Лилит, темной женской сущностью, или тяжело страдать душевными и телесными болезнями. Во многом, первая любовь героини - попытка вернуть отсутствующего отца, найти его в любимом мужчине, который намного старше ее. Он же, как и отец, «предательски» исчезает из ее повседневности, не объяснив необходимого, оставив наедине с жестокостью жизни, неизбежной для всякого не знающего законов счастливой любви. Обе Семирамиды, и древняя, и современная из повести, не понимая законов гармонии, пытаются всю данную им любовь в избытке подарить сыновьям. У древней ассирийской царицы нет дочерей. У российской Семирамиды дочери не получают от нее советов и поддержки. Обе матери интуитивно чувствуют, что на но-

вом витке жизни рода их дочери, не получив знания о гармонии любви, почти наверняка повторят несчастливую судьбу матери. В стремлении любить обе матери терпят фиаско. Сын, знавший позор отца, не завоевавшего любви матери, уничтоженного (или переведенного в ничтожное состояние) женщиной, превосходящей мужчину в волевых качествах, отвергает такую демоническую любовь. Он не сможет любить ни матери, ни своей жены (может быть и дочери), т.к. будет видеть в них источник витальной опасности.

Вскоре мать Семирамиды помогает дочери провести преждевременные роды на четвертом месяце беременности сыном - убить очередного в роду мужчину. Так сложился основной сюжет жизни юной ассирийки «любовь-месть» к встреченным ею слабыми духом мужчинам. Такие не умеют реализовать мечту всякой женщины - быть любящими, мудрыми и благородными, взять лидерство на себя, а потому делают женскую судьбу душевно пустой и несчастной.

Для женщины отсутствие защищающего ее душу благородного мужчины, своей природной половины, - это разорванная гармония всей жизни. Поэтому героиня не находит душевного взаимопонимания и с женщинами, которых любила - матерью, сестрой, подругой. Гармонии души не было и с сыном. Любовь - признак гармонии. Сыну Семирамиды легко было стать наркоманом, как и многим современным мальчикам, не знавшим истинной любви матери, возможной лишь при душевной любви к их отцам.

Когда реальная жизнь душевно и духовно становится невыносимой, человек часто ищет крайние выходы. Ими могут стать агрессия, переключение с истинных смыслов на пустое хобби, самообезболивание алкоголем

или наркотиком, уход в невроз или психосоматическое расстройство (с передачей ответственности за себя другим людям и врачам), сумасшествие, суицид. Семирамида испытала многое из этого перечня. Суть подобного поиска проста - или отказ от реальности, или отказ от жизни.

Финал повести описывает найденный героиней источник духовной, не предающей любви. Им становится образ Святителя Николая, сурового и деятельного в своей защите. Психологическая наука полагает, что выбор человеком небесного покровителя не случаен. Этот образ отражает качества, которые не были найдены в жизни повседневной. Человек, не нашедший душевности, гармонии в семье и обществе, среднесрочных смыслах бытия, не обретший долгих смыслов своего пребывания в мире, не нашедший пути к реализации своего таланта, данного ему свыше для укрепления связи времен прошлых, будущих и нынешнего, неизбежно теряет гармонию с вечностью, с Богом, «темнеет». Не случайно Гамлет (его мать тоже «темная царица», подобие Лилит), обещая тени своего убитого отца отомстить за него, восклицает: «Распалась связь времен. Зачем же я связать ее рожден!».

Маленькая повесть «Семирамида» поражает своей психологической достоверностью. Только такая литература художественна. Ей противостояла и до сих пор противостоит бойкая литературная ложь, «чтиво», оправдывающее бессмысленность существования и вытекающий из этого аморализм. Короткие смыслы - лишь влечения и инстинкты. И коль нет смыслов высоких, то нет и суда за любые преступления (преодоления) запретов социально-культурных (морали) и духовного закона. К тому же, и суд, и власть людей, зачастую, продажны. Если

принять идею «пустоты» смыслов жизни, если признать себя «пустым» человеком - именно так и обстоит дело. Размышляющему же всерьез человеку стоит вспомнить слова М.Ю. Лермонтова написанные на раннюю смерть гениального поэта, также не знавшего истинной любви матери: «Но есть и Божий суд, наперсники разврата! Есть грозный суд: он ждет...». Не верите в это? Тогда позвольте не поверить вам. В глубине вашей души непременно живет совесть, независимо от того объявляете ли вы себя верующим, атеистом, агностиком или кем-либо еще. Та совесть, которую св. Игнатий Брянчанинов определял, как способность человеческого духа различать добро и зло. Со-весть - это весть, со-вместно принятая людьми от Бога, она позволяет различать «темный» и «светлый» путь во всех временах бытия данного человечеству. Героиня повести - не святая, но она, несомненно, светлее своей тезки, легендарной «темной царицы». У современной Семирамиды нет духовного знания, но есть совесть. В подобном положении она не одна в современности, потерявшей смыслы и ориентиры. Сколько обеспеченных и успешных мужчин и женщин страдают сегодня в своей несчастьности от мук совести? Если коротко, то все, кого Бог не покинул. Из бесконечной вереницы примеров достаточно взять один, достаточно яркий для современной России - Борис Березовский... Поразительно, сколь очевидна для простых граждан нашей страны безумная несчастьность звезд эстрады, нуворишей, аморальных политиков. Все они - подобие бедной Семирамиды и ее близких, так точно описанных автором повести в их душевых страданиях.

Повесть печальна, но прочтение вызывает не уныние. Выросшая в российской культуре любви, ассирийка Семирамида не становится Лилит, она остается «рож-

денной голубкой». Ввергнутая тяжелой «кармой» поколений рода в «темное» душевное состояние, она готова пожертвовать очень многим, чтобы стать той, кем была наречена. Печаль ситуации преодолима, а потому светла, оптимистична, она именно «просветляет» настроение читателя, который осознает, что в одиночку проблем бездушевности и бездуховности не решить. Корень этих проблем - в обществе. Личное бытие неразрывно связано в жизни с бытием общественным. Сегодня мировое и российское сообщество больно.

Текст повести рождает в памяти слова великого русского экономиста, философа, богослова и священника Сергея Николаевича Булгакова «Без возрождения духовного, возрождение социальное и хозяйственное не возможно». Он подчеркивал, что религия и наука - дополняющие стороны познания бытия. Если религия дает духовный закон, то социальная наука обязана сделать свой вклад в выработку нравственного ответа на вызовы времени. Так длится гармония, вечно скользящая навстречу окликающему человека Логосу. Бог есть любовь. Главный смысл жизни - любовь, непременно включающая душевную и духовную составляющие. Деньги и власть - лишь средства достижения личной и общей цели, любви. Без нее - они угроза смыслам жизни, подобная растущей раковой опухоли, ножу гильотины, поднятому над головой исследующего надежность старого орудия циника-фаталиста.

Николай Александрович Бердяев, друг и соратник С.Н. Булгакова, в своей работе «Судьба России» объяснял наш особый путь в будущее уникальными особенностями российской культуры, тем, что «в русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и

земного благоустройства.... В России нет дара создания средней культуры, и этим она действительно глубоко отличается от стран Запада по духу своему. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем, к абсолютной свободе и к абсолютной любви. Для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем среднем и относительном».

Возможность воспринять идеал, выраженный в идее Бога, дана всякому человеку. Последовательное стремление к идеальному, в совокупности с современными достижениями благородного разума, науки и искусства дает каждому право выбрать путь гармонии, любви, счастья. Попытка неинтеллигентных российских интеллектуалов подражать экзистенциальным стенаниям западных мыслителей о том, что человек оставлен Богом, одинок и способен ощущать лишь ужас бытия, наивна по-детски. Так не думает даже героиня повести. Кстати, последние психолого-биографические исследования показали, что в абсолютном большинстве известные философы-пессимисты, как и экономисты, проповедовавшие дух эгоизма, не имели семьи и детей... Несчастливые. Они не нашли другой части себя в любви, чтобы создать гармоничное целое. Вот в чем упрекает их щедрая, молодая, оптимистическая, соборная русская культура. Ее дух всегда выражался идеей «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!». Разве не таковы были русские космисты? Разве не наивным стремлением народа к построению в этом мире «царствия небесного», царства правды, была осуществлена первая социалистическая революция на Земле? В работе 1918г. «Истоки и смысл русского коммунизма» Н.А. Бердяев утверждал эти мысли.

И сегодня Россия продолжает искать путь к построению общества гармонии. Западное общество не может быть примером для России, оно комфортно, но не счастливо. Это общество не нашло истины, которую сугубо индивидуально пытается искать каждый принадлежащий ее культуре мыслитель, каждый обыватель в этом обществе без высоких смыслов. Но человек необыкновенно слаб, когда одинок. Запад, по сути, боится любви, отвергающую иллюзию свободы индивида. В России существует множество людей, которые отчетливо понимают, что любовь - это «сладкая несвобода», добровольная несвобода от любимых людей, создающая в результате настоящую свободу для социального творчества, воздающая человеку-творцу ответной любовью, гармонией семейной, социальной и духовной жизни. Западная «свобода» - лишь гарантированное одиночество и порожденный им ужас отсутствия глубоких смыслов бытия. Такая «свобода» никогда не позволит наступить счастью, соединению с другими людьми, созданию гармоничного целого. Остракизм, кара одиночеством, во все времена был одним из тягчайших наказаний для человека. Между тем, Запад программирует одиночество индивида на уровне мировоззрения, культуры, идеологии, искусства. Кто всерьез захочет им подражать? Большинство людей современного мира хотят не только материального комфорта, но и душевной, и духовной радости. Как достичь этого Запад не знает. В России ситуация иная.

Одинокому человеку не дано увидеть истину. Способность к социальной интеграции составляет основу могущества человечества. Со-знание человека коллективно и исторично, это познание совершенное вместе с «другими». Алексей Степанович Хомяков, один из ярких

русских мыслителей нового времени писал: «Истина, недоступная для отдельного мышления, доступна только совокупности мышлений, связанных любовью. Творцом и источником мира является разумная воля, или, иначе, волющий разум».

Полагаю, что большинство читателей «Семирамиды» будут испытывать благодарность автору повести, знающему и чувствующему великую российскую культуру, «культуру любви», они, скорее всего, будут выражать признательность человеку, который раньше других предчувствует ее новый расцвет в гармонии духа, души и дела, на благо своих граждан и на благо мира.

Е.В. Шелкопляс, директор Института развития человека, кандидат медицинских наук

Рецензия на повесть «Семирамида»

Перед нами очередное произведение талантливого ивановского писателя и ученого А. А. Федотова под интригующим названием «Семирамида». Современного читателя вряд ли можно удивить сюжетом рассказывающим о судьбе бомжихи с экзотическим именем Семирамида. Каждый день из средств СМИ мы узнаем о многих искалеченных пороком судьбах подобных людей, опустившихся на дно. Людей с их версией и рассказом причин своего падения. Но уверяю вас, что это лишь первое поверхностное впечатление.

Сюжет невыдуманной повести Федотова актуален сегодня как раз именно тем, что Семирамид много в окружающем нас мире. Да, мы стараемся быстрее прой-

ти мимо них, просящих подаяния с потухшими на изможденных лицах глазами. Проехать в своем авто, выбрать маршрут мимо неудобных нам просящих и опустившихся людей, маршрут, который никак нас не заденет, не затронет, и не замарает наше душевное спокойствие. Маршрут мимо человеческого страдания...О «том» мире мы предпочитаем смотреть сюжеты новостных программ и «мыльные оперы» на экранах телевидения, часто полагая, что нас судьбы киношных героев никак не затронут. Иногда, в тайные минуты нашего разговора с самим собой в нас закрадывается страшная мысль о том, что все чего мы боимся, может произойти и с нами. И мы, перебрав в памяти всех своих родственников, друзей и знакомых, вряд ли найдем того, кто нам поможет.

Автор повести в присущей ему доверительной манере рассказывает на примере судьбы ассирийки великую драму человека опустившегося на дно, драму, которая оканчивается евангельской темой светлого воскресения. В канву повествования удачно вплетены библейская история царицы Савской, удивившей могущественного Соломона своей мудростью, житейская проза жизни, душевные терзания по поводу аборта, нравственная сторона падения и...житие святителя Николая с описанием совершенных им чудес. Стиль, язык и богословско-философское наполнение повести заставляют нас вспомнить сюжеты гоголевских и пушкинских произведений, а также, тех повестей и рассказов, которые печатались на страницах дореволюционных журналов «Душеполезное чтение», «Сельский пастырь», на страницах неофициальных разделов Епархиальных ведомостей. Сейчас тематику и стиль незатейливых жизненных историй пытаются возродить такие церковно-публицистические издания как «Нескучный сад», «Мир

Божий», издания Новоспасского и Сретенского монастырей.

Очень важно, что Алексей Александрович, имеющий кандидатскую степень по богословию, подводит читателя к осознанию наличия в мире Бога и его святых заповедей. Только лишь зная о Замысле и Промысле Божиим о человеке и мире можно надеяться на помощь в самых трагических, самых безвыходных ситуациях нашей жизни.

Человек, который оказал помощь Семирамиде, сам прочувствовал дыхание Божие и помощь святителя Николая... и, стал священником. Его жизнь была вплетена в жизнь библейской Семирамиды и он уже не смог оставаться прежним.

Уверен, что каждый, кому посчастливится прочитать повесть «Семирамида», не останется уже в прежнем своем духовном и душевном состоянии, а попытается хотя бы немного поразмышлять над словами апостола и евангелиста Луки, приведенными в качестве эпиграфа к повести: «...посетил нас Восток свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира» (Лк. 1; 78-79).

*Протоиерей Дмитрий Сазонов,
кандидат богословия*

Отзыв переводчицы «Семирамиды» на грузинский язык

Святые «испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби,

озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11:35-38). И на фоне всего этого, кто же такая Семирамида? Что она сделала? Чем угодила Богу? По своей ли воле претерпела испытания? А если и так, то во имя ли Господа она вынесла всё это? Конечно же, нет! Тогда почему же её история так взволновала наши души, так глубоко проникла в сердце её наивная любовь и доверие к тому великому святому, которому поклоняется весь мир? В первую очередь, наверное, потому, что каждый читатель этой истории видит в Семирамиде самого себя.

К сожалению, даже те представители рода человеческого, которые считают себя христианами, всё более отдаляются от Христа; мы всё меньше и меньше раздражаем тем людям, которых в молитвах просим о заступничестве. Любим Иоанна Златоуста, но разве наша жизнь может сравниться с его жизнью?! Восторгаемся Святым Георгием, но можно ли наши заслуги ставить в один ряд с его заслугами?! Дивимся Максиму Исповеднику, но разве сравнима глубина его мысли с нашей?!

Будучи обычным человеком, Семирамида к концу жизни всё-таки смогла смириться с Богом. Испытывая ту же боль, что и мы, она всё-таки сумела предстать перед Богом умиротворённой, но самое главное то, что она, подобно нам, любила Святого Николая. Сколько христиан говорят подобно Семирамиде, что чувствуют особую близость со Святым Николаем, который был необыкновенно простым, не сдержался на Никейском соборе, ударив еретика... А может он именно потому и ударил, чтобы сказать нам: не бойтесь, мы с вами одной крови, не отчаивайтесь, Господь милостив, и мы все вместе спасёмся.

Может Семирамида оттого и сродни нам, что она смогла сблизиться с человеком, который с младенчества избрал совершенно иной образ жизни. Сблизилась с ним настолько, что называла его «Николушка», не обижая тем самым архиерея. Мы видим: женщина, потерявшая в течение жизни почти все человеческие достоинства, смогла сохранить самое главное – сожаление и любовь. А может Семирамида спаслась!.. Дай Бог! Это вселяет в нас большую надежду!

Тинатин Гогочашвили

Рецензия на повесть «Семирамида»

Повесть Алексея Федотова «Семирамида» (2014) рассказывает о тяжёлой судьбе ассирийской по национальности женщины, носящей имя легендарной древневосточной царицы. Художественное повествование основано на реальных фактах из жизни современной семьи, прошедшей через испытания «бандитских» 1990-х годов, личный подвиг и экзистенциальную катастрофу. Взлёты и падения сопутствуют жизни главных героинь повести – Семирамиды и её матери Вардии, а также их родным и близким людям. Описание событий материального плана бытия (вдохновение и разочарования первой любви, утрата иллюзий, зависть и ревность, жестокость человеческих поступков, драматические коллизии взаимоотношений между матерью и дочерью) перемежается с рассказом об уникальном духовном опыте становления личности.

Автором показаны размышления главной героини о смысле существования. Для маленькой девочки – Семирамиды – этот смысл вполне отчётлив и очевиден

(хотя и очень наивно ей ощущается): её предназначение – в любви и верности к своему избраннику, к своим родственникам, к окружающим её людям (без разделения на «хороших» и «плохих»). Именно такой в её детском воображении была древняя царица Семирамида – добрая и справедливая, красивая и величественная, властная и одновременно хрупкая: «О царице Ассирии ходило много и других рассказов, которыми благоразумная мать не засоряла сознания юной неиспорченной девочки. Сказочное имя царицы обещало и её тёзке сказочную жизнь; то, что жизнь этой властительницы даже по легенде была не сладкой, её не страшило» (с. 7).

Бесстрашие восточного характера было в полной мере свойственно наследнице великого имени, а судьба посылает ей действительно немало испытаний. Согласно христианскому пониманию имени, человек призван в течение всей жизни возрастать – в меру предназначения, скрытого, в том числе в Собственном Имени, – борясь с присущими каждому из нас дурными наклонностями и страстями. И эта борьба, несмотря на то что ей спешествует Сам Господь, всегда бывает трагической. Именно такой трагический опыт обретает главная героиня повести; однако в моменты падений и безысходного отчаяния ей всегда на помощь приходит Бог – в лице добрых и отзывчивых людей. Героиня обретает веру – вначале слабую, незаметную, едва формулируемую в мыслях и диалогах со знакомыми; а затем – отчаянно рвущуюся через сострадание и всепрощение к святости. Сила Божия «в немощи совершается» учил апостол Павел (2 Кор. 12:9-10).

Именно такой «немудрой», но отчаянно жаждущей веры, предстаёт Семирамида в конце жизни, когда горе и печали, жизненные невзгоды, все свои заботы и нужды

она переживает с упованием на Бога, который, как известно, не медлит с ответом и помощью в лице святых. Св. Николай Чудотворец, о святой жизни которого узнаёт Семирамида из книг и рассказов близких людей, приходит на помощь в самую отчаянную минуту.

«Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее...» (1Кор. 1:27-28) – повесть А. А. Федотова об этом.

Книга написана простым и ясным слогом, чутким к человеческим бедам писателем.

*Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры культурологии и литературы
Шуйского филиала ИвГУ
Д.Л. Шукуров*

АННУШКА

Повесть

*Посвящается иеромонаху Михаилу (Чепелю),
без которого не было бы этой книги*

ПРЕДИСЛОВИЕ

При знакомстве с новой повестью Алексея Александровича Федотова у читателя могут возникнуть самые разные впечатления – от восторженных чувств благодарения за пронзительно честное, без прикрас, описание драматической судьбы верующей женщины в годы государственного атеизма до вполне оправданных недоумений, связанных с вопросом о том, кому адресована эта повесть? Действительно, может возникнуть впечатление, что «рассказы» бабушки Анны, предназначенные для внучки – девочки семи лет, слишком сложны. Однако по ходу чтения становится ясно, что в этом и заключается формальный приём: рассказы и «сказки» адресованы всем нам и, главным образом, – людям сомневающимся, неуверенным, не укоренённым в вере. Людское маловерие заставляет недоумевать и сомневаться в справедливости Бога: явное зло в мирской жизни не наказано, а добро находится «под спудом» и никому незаметно. Но «на всяком месте очи Господни: они видят злых и добрых», – так говорится в библейской книге Притч Соломоновых (15, 3), и эти мудрые слова должны быть утешением для слабых в вере людей.

Главная героиня повести Анна к опыту смирения и веры приходит на протяжении всей своей нелёгкой жизни. Осуждая саму себя за неисполненный обет (который был дан вне церковного благословения), Аннушка несёт заслуженные и незаслуженные испытания, которые из молодой, красивой и привлекательной девушки с течением лет превращают её в старицу и прозорливицу. В Нагорной проповеди Иисус Христос запретил верующим людям давать клятву: *«А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твою не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: да,*

да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5,33-37). Анна, давая личное обещание посвятить себя Богу, поступает *своеволью*, то есть в буквальном смысле «по своей воле» – без необходимого в этом случае духовного совопросания с опытными в духовной жизни Божиими служителями – священниками и старцами. Неудавшаяся попытка определить Промысел Бога о самой себе приводит к непредсказуемо трудному жизненному пути – с мечтаниями, тяжелейшими испытаниями, которые посылает Господь для приобретения опыта христианского смирения. Но «...уповающего на Господа милость обыдет (окружает)» (Пс. 31:10). Божественная помощь приходит только к человеку, полностью возложившему своё упование на Бога. К такому смыслу приближаемся мы, как читатели, знакомясь с повествованием А. А. Федотова – высокохудожественным и пронзительным одновременно. Эскурсы в историю страны и историю христианства, которые делает автор-комментатор, вполне оправданы на фоне всеобщего дилетантизма (даже в среде нынешних «воцерковлённых» людей).

Жизнь христианина – неиссякаемое море чудес, так и в судьбе Аннушки начинают происходить чудеса. По мере возрастания смиренных чувств, возрастает её благодарность людям – добрым и злым, – через которых действует Божья воля. Подлинное счастье приходит к Анне в мудрости и любви, которыми она одаривает свою любимую внучку, опекая её и рассказывая ей историю своей судьбы.

Проникновенная повесть А. А. Федотова о смирении – о христианском чувстве, которого всем нам очень не хватает.

**Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры культурологии и литературы
Шуйского филиала ИвГУ
Д.Л. Шукуров**

*Много скорбей у праведного,
и от всех их избавит его Господь.
Пс. 33, 20*

Бабушка и внучка

Теплый летний ветер, залетев сквозь открытое окно, наполнил свежестью маленькую комнатку, словно давая понять ее обитателям, что жизнь, в сущности, очень даже хороша.

- Что ты, какая непоседливая? - с улыбкой спросила Анна семилетнюю Лену, любовно усаживая пытавшуюся забраться на подоконник внучку на стул.

- Ну, бабушка! - недовольно протянула та. - Я хочу на окне сидеть!

- Оно же открытое, а второй этаж. А что если упадешь?

- Не упаду!

Но Анна строго посмотрела на внучку, и та присмирела под ее взглядом: на самом деле она очень любила бабушку, просто и пошалить ведь хотелось.

- Ну, так-то лучше, - улыбнулась пожилая женщина, с интересом наблюдая, как в ребенке идет внутренняя борьба между тем, что «хочется» и тем «как надо». - Помнишь, тебе четыре года еще только исполнилось, как ты нас напугала?

Лена все помнила прекрасно, но ей нравилось, когда бабушка это рассказывает, поэтому она наморщила лоб и покачала головой:

- Неааа...

- Ну как же! Собрала тогда детей с улицы и увела на другой конец города. Хорошо, что добрые люди остановили такую компанию, домой вернули. Я тогда не знала как себя и ругать! А досталось соседскому Сашке, он самый старший был: шесть лет!

- И правильно, нечего мелюзгу слушать, большой уже!

- А ты сейчас ведь на год старше его. И ты большая?

- Конечно!

Анна засмеялась. Ей было так хорошо, когда дочь привозила старшую внучку к ней погостить. Крохотная комната коммуналки словно становилась больше на эти дни; бытовые трудности – сосед-дебошир, который пьяный бегал по квартире с топором, так что даже готовить обычно приходилось не на общей кухне, а на плитке у себя в комнате, маленькая пенсия, накопившиеся за жизнь болячки, – все это не то чтобы исчезало, но отходило на второй план. А главным становилась Леночка – вместе с ней в жизнь Анны приходила радость, которой так немного было в ее долгой жизни. Женщина была уверена, что ее девочку Господь обязательно сохранит; что те трудности, которые неизбежны, отступят на то время пока рядом с ней ее любимая внучка. И странным образом совпадало, что когда Лена гостила у бабушки, сосед либо не пил и был спокоен, либо попадал на пятнадцать суток; самая простая еда, которую могла позволить себе купить Анна, очень нравилась ее внучке; даже сама комната как бы больше становилась, так что им и вдвоем было в ней совсем даже не тесно...

- Бабушка, расскажи мне что-нибудь...

Лена очень любила слушать волшебные сказки и песни, смотреть – как старушка умело рисует чудные

узоры «как в райском саду». Но особенно ей нравилось, как бабушка рассказывает «о Божественном».

- Ну что тебе рассказать? Помнишь в честь кого тебя назвали?

Это девочка помнила: в честь святой равноапостольной царицы Елены. Ее мама незадолго до родов в мае спросила у своей мамы, а Лениной соответственно бабушки, как ей лучше назвать ребенка. Та сказала однозначно, что если мальчик, то нужно назвать Николаем, а если девочка, то Еленой. Потому что 3 июня день ее церковного почитания. И родилась девочка как раз третьего июня... Озорная росла, не слушалась бабушку, когда она с ней сидела, убегала. Но чем старше становилась, тем больше ей на душу ложились те истории, которые рассказывала ей Анна. Внутреннее желание куда-то убежать, сделать наперекор становилось все меньше, в душу приходило умиротворение.

- Расскажи про Давида и Голиафа! - попросила Лена, усаживаясь на стул напротив старушки.

- Голиаф был великан, с ним никто не мог совладать. А Давид - обычный юноша, пастух. И оружия у него было - всего лишь праща с камнями. Но у него было более сильное оружие - твердая вера в Бога. Благодаря вере он не только не испугался страшного великана, но и поразил его...

- Что значит «поразил»?

- Убил.

- А ему не жалко его было?

- Голиафа?

- Да.

- Сложно сказать, - задумалась Анна. - Жалеть ведь легко, когда ты книжку читаешь про что-то, что тебя непосредственно не касается, или слышишь об этом от

кого-то. А этот великан убивал тех, кто был дорог Давиду, он представлял угрозу для всего его народа. Война была, когда тут о жалости ему было думать?

Лена наморщила лоб и понимающе кивнула.

- И потом ведь царь Давид жил до того, как пришел на землю Христос Спаситель. Люди тогда были более жестокие...

- А сейчас все добрые? - недоверчиво поинтересовалась Лена, которая уже и в семь лет знала, что это вовсе не так. Вот взять, например, хоть соседа бабушкиного дядю Толю, который с топором за женой бегаёт, а один раз, когда она у Анны пряталась, угрожал и соседку убить.

- Сейчас могут быть добрыми. Если очень захотят и очень постараются!

- А что хуже: когда человек одно что-то плохое большое сделает или много разного плохого, но маленького?

- Это как?

- Ну, вот убьёт, например, как Давид Голиафа, или ничего в сущности плохого не сделает, просто у подружки конфеты отнимет и ее за косы дернет, или от бабушки убежит, а та будет переживать, или маме нагрубит?

- Знаешь, есть такая притча, - скрывая улыбку, сказала Анна. - К старцу пришли двое. У одного был один тяжелый грех, который постоянно тяготил его сердце. А у другого, как ты говоришь, много всего, но «ничего особенного». И вот старец велел им на речном берегу первому взять один большой камень, такой, чтобы еле поднять, а другому сотню маленьких, которые не сложно нести. И когда они пришли к нему с этими камнями, то мудрец велел положить их там, где они были раньше. Первому легко оказалось сделать, так как след от камня

был глубоко в земле. А вот второй не знал, где были те камушки, которые он собрал. И старец сказал им: вот так большой грех бывает легче снять со своей души, чем множество «мелких»! Поняла?

- Да, - Лене не очень понравилось про камни: получается, что она, такая хорошая девочка, вовсе не такая уж хорошая... Поэтому она решила сменить тему: - А расскажи, как ты была маленькой...

- Маленькой? - лицо старушки погрузнело. - Ну что же, слушай.

У земского врача

Земский врач Николай Петрович, сидящий мужчина лет сорока с «чеховской» бородкой клинышком с усмешкой посмотрел на семилетнюю Анну, которую привез отец, зажиточный крестьянин, не намного моложе доктора.

- Ну что, Роман, вылечил я твою дочь?

- Да, Николай Петрович.

- А вы говорите, земская медицина плохая!

- Да никто не говорит, - попробовал было перебить его крестьянин, но врач досадливо махнул рукой:

- Отстань! Вспомни, что во время революции ты говорил? Что земские врачи распространители революционной заразы!

- Так ведь угроза тогда для страны была, Николай Петрович... Да и давно оно было...

- Давно? - усмехнулся доктор. - Для кого-то может быть и давно, вон для нее, например... Аккурат ведь родилась в 1907 году, как революция закончилась...

- Ну, так закончилась, что же вспоминать? - пытался свернуть неприятный разговор Роман, но врача не так просто было переговорить.

- Э, нет! Из искры возгорится пламя... Великие дела ждут нас впереди! - Он налил себе в граненый стакан спирта, разбавил водой и, не закусывая, выпил. - Вот у тебя одиннадцать детей уже. И все живы! А почему?

- Бог здоровья дал?

- Глупый ты человек! Благодаря земской медицине! Согласен, что кому-то и Бог здоровья дает, но не всем же! Раньше слабые умирали. Потому и говорят чудачки, что раньше люди были более здоровые. Конечно были, больные же еще во младенчестве умирали, потому что их никто не лечил. А вот подожди, медицина еще шаг вперед сделает, и больные будут живучее, чем здоровые!

Аня со страхом смотрела на доктора. Какой-то он был непонятный: с одной стороны вроде бы и добрый, и ее вылечил, и многих из ее братьев и сестер. С другой стороны странные какие-то вещи говорил, которые были ей непонятны, но по сердцу царапали как наждачная бумага... Девочку очень впечатлило, когда отец рассказал ей, что их земскому врачу ничего не стоит отрезать человеку руку или ногу, а то и распороть живот и вытащить оттуда больные внутренности.

- Зачем? - со страхом спросила она тогда.

- Бывает нужно, чтобы человек жил дальше, он должен лишиться чего-то важного, - задумчиво ответил маленькой девочке привыкший к боли и смерти крестьянин. - Сгнила, например, у него рука или нога, если ее не отрезать, то пойдет заражение дальше, и умрет он. А так проживет еще, хотя и сложно это, особенно по нашим деревенским условиям...

- А внутренности? - с содроганием спросила Аня.

- А что? И они также гниют. А что-то если удалить, то будет человек не то чтобы как новый, но все же сможет пожить.

- А не страшно доктору так живых людей резать?

- Нет, - улыбнулся мужчина. - Кому страшно, те в медицину не идут. Но тут ведь другое важно: нужно отрезать именно то, что нужно и так как нужно, это ведь самое сложное. А потом бывает ведь, что можно и не резать ничего, так вылечить. И вот наш земский врач, честь ему и хвала, всегда пытается сделать так, как лучше для больного.

С тех пор девочка боялась доктора, но и прониклась к нему уважением. Когда у нее заболел живот, и отец повез ее лечиться, то она присмирела, и всю дорогу о чем-то напряженно думала.

- А вы будете мне живот распарывать? - первым делом задала она врачу волновавший ее вопрос.

- Это зачем еще? - засмеялся тот, сразу увидевший опытным взглядом, что лечение будет не сложным.

- Мне тятя сказал, что вы людям животы распарываете, когда у них что-то болит.

- Прямо-таки у всех? - хитро посмотрел на нее Николай Петрович.

- Не знаю, - стусевалась Аня.

- Ну, так вот: у тебя в виде исключения не буду я ничего распарывать. Попьешь вот эту микстуру неделю, и, думаю, что все хорошо будет.

И сейчас, через неделю, когда все прошло, и угроза распарывания живота стала казаться девочке чем-то из области фантастики, ей все равно хотелось поскорее покинуть неуютный кабинет земского врача, где в стеклянном шкафу лежали какие-то страшные медицинские инструменты, напоминающие орудия

пыток, неприятно пахло какими-то противными лекарствами, да еще и в приемной толпились страждущие, один вид которых мог и взрослого вывести из равновесия - не то, что ребенка. Анна как-то не слушала, о чем говорят доктор с отцом; наконец, она поняла, что разговор их подошел к концу.

- Пойдем мы, Николай Петрович, - примиряюще сказал Роман.

- Да иди!... - махнул рукой врач. - Темнота!

Вдруг в дверь влетел Степка, парень лет пятнадцати.

- Ты чего? - строго спросил доктор.

- Беда! Война началась! С немцами!

- Вон как! - задумчиво сказал Николай Петрович, достал сигарету и судорожно закурил. - Ну что же, война между нациями перейдет в войну между классами. Быть второй русской революции!

В его взгляде было что-то пугающее и торжествующее. Он затаился, и тут же зашелся сильным кашлем: у врача начиналась чахотка, вылечить которую он не мог.

- Иди уже! - махнул он остолбеневшему Роману.

Тот, впавший в столбняк от страшного известия, машинально перекрестился, и, подтолкнув в спину саму не понимающую почему заплакавшую Аню, вышел из дома доктора.

Деревенское детство

Аннушка была девятым ребенком в семье, как считалось, «зажиточного» крестьянина. Хотя какая там «зажиточность» с одиннадцатью-то детьми? Но в то время в России все-таки еще немало было тех, кто умел

ценить то, что имеет, хотя бы и малым оно было. Жили они в одном из сел большой Нижегородской губернии.

Аню мать звала «Аннушкой». Волосы у девочки были белые, кудрявые – ну, чисто ангелочек, как их на открытках рисуют. Скромная была, послушная, тихая, вроде бы чего еще требовать? Но раздражало ее родителей Романа и Пелагею, что дочь их чудная какая-то, будто «не от мира сего». Играет всегда одна, от компаний шарахается, не озорничает, в церковь любит ходить молиться.

И талантов у нее много было - и петь, и рисовать, и к учебе способности хорошие, только поучиться у нее в церковно-приходской школе всего-то одну зиму и получилось: родились в семье еще двое ребятишек, нужно было нянчить их, маме помогать.

А батюшка-законоучитель очень жалел, что Аннушка из школы ушла: даже домой к ним приходил, уговаривал Пелагею, чтобы дочь в школу отпустила. Но та ни в какую: кто мне дома помогать будет? Ведь другие дети уже вовсю отцу помогали в его нелегком крестьянском труде: «зажиточность» строилась на огромном труде всех членов большой семьи с раннего детства. Лошадь у них была, корова, другая живность, всем им уход нужен. Землю опять же надо обрабатывать. Батраков у них и в помине никогда не было. Так что не удалось Ане поучиться. Хотя самой прилежной ученицей была.

Дети крестьянские Закон Божий плохо понимали, то ли способности у них не было, то ли интереса, а может батюшка не мог им толком объяснить. Рассказал он им про Троицу, про две природы во Христе - Божественную и человеческую, а как рассказал? Прочитал из «Катехизиса» митрополита Филарета, который и иной

взрослый с первого раза не поймет, а потом спрашивает: «Сколько у нас Богов?». Кто говорит - три, кто - два. Только Аня тоненьким голосочком пищит: «Один!» Похвалил ее священник; но, впрочем, у девочки скорее от молитвы понимание богословия было, чем от краткой учебы, как сказано в Евангелии «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

Началась война, жить стало еще сложнее. А уж после революции и вовсе плохо стало. Даже хлеба досыта нет. Сидит как-то Аннушка на улице, играет, и вдруг видит, что едет карета. Золоченая такая, и кони в нее красивые, ухоженные запряжены, в деревне таких не увидишь. «К чему бы карета в наших местах?» - подумала девочка, а та возле нее остановилась. Выходит из экипажа женщина красоты необыкновенной, величественная; наверное, Царица. Подошла она к Ане и спрашивает:

- Что, Аннушка, кушать хочешь?

А та голодная всегда была. В большой семье как часто бывает? Кто успел, тот и съел, а уж по голодным временам девочке и вовсе досыта есть не приходилось.

- Хочу, - говорит.

И дала ей Царица каравай хлеба, белый и румяный.

- Ешь, Аннушка.

Села в карету и уехала. Только не было у Ани такого даже в мыслях, чтобы втихаря от других что-то есть. Принесла каравай маме.

- Где взяла? - испугалась Пелагея.

- Царица дала...

Не очень-то мать девочке поверила, но хлеб взяла, строго сказала никому про то, что было не говорить, а каравай на всех разделила.

Казалось, что самое сложное пережить годы гражданской войны, но и потом легче крестьянам не стало. Началась коллективизация, Романа раскулачили.

- Какой же я кулак? - чуть не плакал мужчина, у которого увели всю скотину, забрали нажитое непосильным трудом большой семьи. - Да у нас отродясь батраков не было, с утра до позднего вечера все работаем, и еле концы с концами сводим, даже детей досыта накормить не можем!

Но кто же будет мужика слушать? Стали дети проголодь жить. Нянит Аннушка младшую сестренку и поет ей песню, которую сама тут же сочинила:

Кушай, Дуня, тюрю,

Молочка-то нет:

Увели коровку,

Увели чуть свет.

Очень тяжело им было, но все выжили. Так и выросла Аннушка среди всех этих испытаний. Пришла пора ей замуж выходить.

Нарушенный обет

Путь Аннушки к браку был долгим. Не лежала у нее к этому душа. С детства мечтала она о монашеской жизни. Особенно любила она Серафимо-Дивеевский монастырь. Побывать там получалось у нее не часто: больше сотни верст было от дома, одной крестьянской девушке по тем временам так просто и не преодолеть такой путь. Но не раз Анна все же ходила вместе с другими богомольцами в Дивеево и в Саров. Ее впечатлили величественные храмы, умиленное пение сестринского хора, проходила она по канавке преподобного Серафима, читая Иисусову молитву. Один

раз, пока шла по канавке, мелькнула у нее в голове мысль подойти к игуменье, попроситься в число сестер, но Аннушка отогнала эту мысль - и без деревенских девчонок есть кому в такой славный монастырь прийти.

Думала она о монастыре каком-нибудь попроще, но не сложилось: родители были против. «Вот двух младших поднимем, так дальше твоя воля, а так помоги мне пока, отец-то вон как болеет!» - строго сказала Пелагея, и дочь не могла не почувствовать ее правоту. Роман и, правда, умер через несколько лет.

Но как постарше Анна стала, монастыри начали закрывать. В тайне своего сердца решила Аннушка принести обет девства и хранить его всю жизнь. «А там со временем может и настоящей монахиней стану», - думала она. А тут Пелагея начала болеть. Нужно было за ней ухаживать. Вместе молились, жизнь их тихой была.

Стали к Анне многие свататься. Она девушка красивая была: светлые волосы, голубые глаза, стройная, высокая, румяная, чернобровая. А всем отказывала: помнила, что Богу обещала.

Пелагее же все хуже становилось. Однажды лежала она на кровати, и вдруг говорит дочери:

- Подойди ко мне!

- Что, мама? - спрашивает та.

- Умру я скоро, недолго мне жить осталось.

- Да что ты говоришь, ты долго еще проживешь! - возразила Аннушка, а сама чувствует, что мать сегодня и умрет. Кольнуло сердце, слезы на глаза навернулись, но внешне не показывает: не хочет, чтобы больной еще тяжелее было.

- Все ты поняла, как я вижу, - Пелагею не провести было. - Вот послушай, что я тебе скажу: выполни мою

последнюю материнскую просьбу, или благословение, если так тебе понятнее.

- А что, мама? - спрашивает дочь.

- Обещай мне, что выйдешь замуж, как я умру! - и, опережая возможные возражения, Пелагея скороговоркой заговорила: - Дом наш по наследству твоему старшему брату Тимофею переходит, ты с его женой не очень ладишь. Да и дело ли приживалкой жить? Про все твои детские фантазии о монашенках я знаю все, но монастыри-то смотри все позакрывали, а жить-то надо как-то. А как? Что ты умеешь?

Анна опустила голову: получалось так, что сама-то по себе она жить совсем и не умела - все за родителями.

- То-то и оно! - увидев, что слова ее оказывают планируемое воздействие, продолжила мать. - И что ты можешь мне возразить?

Хотела Аннушка сказать, про свой обет; подумала, что не будет ее мама тогда просить выйти замуж, но побоялась, а почему и сама не знала - страх какой-то ложный обуял. И потом, когда Пелагея умерла, а братья и сестры стали говорить ей, что нужно замуж выходить, позор для деревенской девушки одной быть, а в монастырь она пойти не сможет, потому что позакрывали все монастыри, то не смогла Анна им перечить. И вышла замуж за того, кто к ней посватался.

Три брата

Когда умерла Пелагея, Анне исполнилось двадцать семь лет. Перестарок по тем временам. Но красота ее многих привлекала.

Жили в соседней деревне три брата - Михаил, Петр и Федор. В русских народных сказках обычно старший брат самый умный, а младший «дурачок». В этой семье наоборот было: старший Михаил очень любил женщин и вино. Кровь у него горячая: чуть что, сразу в драку лез. Не раз за это и срок заключения отбывал. Младший же Федор, наоборот, в Москве учился, стремился к чему-то. Убежденный атеист был. А Аннушка приглянулась среднему Петру, который, как среднему и положено, был «и так и сяк».

Хоть и не было в нем такого размаха, как в старшем брате, но кровь все равно очень горячей была. Вышла за него замуж Анна через год после смерти матери, а еще через год родила дочку Сашу. Петр хоть и моложе жены был, но ревновал ее к каждому пню, хотя и повода она не давала. А что совсем уж плохо - бил ее.

Младший брат его ругал за это, когда приезжал:

- Что ты за мужик, если на женщину руку поднимаешь?

- А!!! Так она и тебе приглянулась! - вскипал ревнивец и бросался на него.

Федор с Анной много разговаривали, но ни о чем таком, что не могли бы сказать в присутствии Петра, речи у них никогда не было, но разве объяснишь это человеку, у которого ревность весь разум накрыла? Так что со временем все реже младший брат стал в родительский дом выбираться, но с Аннушкой добрые отношения сохранил, хотя и не все в ней ему нравилось.

- Чего ты все молишься? - раздраженно спрашивал Федор.

- Так как же не молиться, это для меня так же естественно, как дышать...

- Надо же, глупость какую выдумала! От безграмотности вся твоя вера! Ты вот полгода всего и поучилась, поэтому поповский дурман так крепко в голове твоей и засел. А поучись ты как следует в школе, а уж особенно в институте - все бы это из тебя выбили, потому что умная ведь ты женщина!

- Тогда хорошо, что я не училась больше, - просто ответила Анна.

- Птицы есть такие, страусы. Сунут они голову в песок, и думают, что раз никого не видят, то и их никто не видит. И ты пытаешься от жизни прятаться. Вон старший мой брат сивухой пустоту заливает, а ты духовной сивухой. Как писал Карл Маркс, религия - опиум народа.

- Так какая же пустота, Федя? - удивилась женщина. - Нет у меня никакой пустоты.

- Кажется это тебе! В советской стране живешь, где великие дела каждый может совершить, а жизнь твоя проходит, как при старом режиме. Ну что это за жизнь? Ни образования, ни интересов настоящих, муж драчун...

- Петр хороший, просто ревнивый очень, - возразила Аннушка. - И почему так?

- От неуверенности в себе. А неуверенность - от недостатка образования, но, в первую очередь, от отсутствия классовой сознательности. Все-таки, что не говори, крестьянин - это тебе не пролетарий. Нет у него подлинного понимания того, что такое настоящий советский трудовой человек, и каково его великое призвание. Недаром наша первая Конституция за голос одного рабочего четыре крестьянских давала!

- А что же ты сам не рабочим стал, а инженером? - осторожно поинтересовалась женщина.

- Потому что стираются уже грани между рабочими и трудовой интеллигенцией, которая есть то же часть

рабочего класса, так как вышла из него, вскормлена его живительной силой. Наша Сталинская Конституция 1936 года - самая демократическая в мире: она не только крестьянам дала равные права с рабочими, но и тем отщепенцам, которые на заре становления советской государственности избирательных прав были лишены - бывшим эксплуататорским классам. Теперь они не могут причинить никакого вреда нашей великой Родине! Но все равно высшее благо - это причастность к рабочему классу!

- Так ты же вроде всего год и поработал рабочим?

- Два. И вполне мне этого хватило, чтобы впитать в себя то необходимое для жизни, что может дать только гегемон - рабочий класс!

... Тяжеловато Анне такие разговоры давались, не все она в них и понимала. В Евангелии она читала, что гегемон (там игемон было написано) - это Понтий Пилат, а тут оказывалось, что рабочий класс. Если бы была она пограмотнее, то образы, пронесившиеся в ее голове, сформулировала бы в виде вопроса - не умыл ли и новый коллективный гегемон руки - ведь хуже в стране стало, чем при «старом режиме», который все так кляли? Но чувствовала женщина, что Федор хороший, искренне верит в то, что говорит. Только совсем не в то, во что нужно верит, поэтому нужно молиться за него. Но молитва эта непростой была: Петр вдруг начинал ее к Феде ревновать, да так, что, случалось, и опять руку на жену поднимал. «Наверное, это потому, что обет я свой нарушила, так что нужно смиряться», - думала Аннушка.

А когда прожили они с мужем три года, родился у них сын.

Коленька

Очень Аннушка почитала Святителя Николая. С детства ему молилась.

Однажды, маленькая совсем, пошла она на речку. Пелагея на берегу была, отвлеклась на что-то, смотрит, а дочь тонет. И далеко уже заплыла, а мать сама плавать не умеет. Мечется по берегу, кричит, а помощи ждать неоткуда. Встала тогда Пелагея на колени, и со слезами на глазах стала Святителю Николаю молиться.

А Аня в воде чувствует, что накрывает ее, тянет в глубину. Она еще маленькая совсем, но понимает, что если заснет сейчас, то никогда не проснется. И видит, как святой с иконы, которая у них в доме висела, ласково так, ее спрашивает: «Ну что, Аннушка, хочешь к Богу идти?». А та, хоть и маленькая, поняла, что если умрет, то родители ведь будут переживать. Ничего она и не сказала святому, а тот все понял. «Хорошо, - говорит. - Вон твоя мама на берегу за тебя молится. Попроси и ты!». И только Анна одно слово «Помоги» сказала, как вытолкнула ее какая-то сила прямо на берег.

На всю жизнь чудесное спасение свое она запомнила и всегда Святителю Николаю молилась. Поэтому, когда сын родился, то назвала она его Коленькой, хоть и предлагал им с мужем классово сознательный Федор более современные имена - Виленин, или уж, на худой конец, Трактор. Но Петр в данном случае жену поддержал. «Своих так назовешь, если будут», - коротко сказал он брату.

Вроде бы и рад он был, что сын родился, но только какие-то сомнения все больше стали его терзать, не верил он жене. Послушает ее, вроде бы и нет причин ревновать, а как останется один на один с собой, так опять мысли

мучают. Прямо не говорил, но видимо сомневался его ли сын. А уж как выпьет, то так стал Анну избивать, что какая бы терпеливая она не была, но решила уехать в город к сестре. Та, как увидела кровоподтеки на ее теле, хоть и самой там нелегко жилось с семьей, но тут же сказала: «Приезжай ко мне». Приехала к ней Аннушка с Коленькой - Шуру бабушка с дедушкой, родители Петра, не отдали - очень любили внучку, души в ней не чаяли. Да и не справилась бы она в городе с двумя детьми.

В первые месяцы все неплохо было - рос Коленька здоровый, радовал маму. Только недолго совсем он прожил: умер от воспаления легких, когда ему шесть месяцев было.

Незадолго до этого соседка к ним приходила, про которую судачили, что недобрый глаз у нее. Увидела Аниного сына и говорит:

- Какой хороший мальчик! Сколько ему?

- Полгода, - отвечает Анна.

- Ба! А я думала два!

И давай удивляться. А ребенок после этого стал капризничать, заболел и умер. Так и думала Аннушка, не помнившая себя от горя, что сглазили ее сына, пока годы спустя священник не сказал ей на исповеди, что без воли Божией волос с головы человека не падает, что, может быть, Господь прибрал ее сына, потому что иначе слишком тяжкими были бы его жизненные испытания. Позднее, среди скорбей, Анна всегда эти слова вспоминала, понимая, что сейчас ее мальчику могло бы быть ужасно плохо. «Но все равно ведь сглазила!» - думала она при этом.

Городской священник

В городе Анна решила найти духовника. Очень тяготило ее то, что нарушила она свой обет, все плохое, что было, с этим связывала, и нужен был ей совет опытного пастыря, который бы направил ее, как дальше ей жить. Мыслями этими поделилась женщина с соседкой тетей Шурой. Та была очень активной прихожанкой - знала все не только про всех священников города, но и про весь причт церковный, и про певчих, и много еще про кого. И на все у нее свое суждение было.

- Я Господу обещала, - тихо сказала Анна.

- Что обещала? - лузгая семечки, деловито поинтересовалась тетя Шура.

- Девство свое хранить.

- Ну, обещала от неразумия, непонимания того, что это такое. Насмотрелась на монашенок в красивых черных одеждах, которые все недостатки их скрывают, которые живут не в лачугах, а в богатых монастырях, вот и навдумывала себе разного. А это все просто фантазия, выдумка детская!

- Но...

- Что но?

- Нужно мне бы с батюшкой поговорить...

- А вот давай сходим к отцу Сидору, он самый грамотный священник из тех, кого я в жизни видела. Он тебя наставит.

Пришли женщины к отцу Исидору. Тот был и впрямь очень образованный, передовых взглядов. Когда-то университет закончил. Он прихожанам говорил, что не простая у них теперь церковь, а живая, а что это такие жители этого городка не очень-то понимали. Им даже если полдня объяснять, все равно не поняли бы, кто

такие обновленцы. А так церковь у них не закрыли, нового попа в отличие от старого власти не трогали. И поп всем хорош: проповеди говорит - лучше, чем другой оратор на митинге, и службу знает, но сделал ее покороче раза в два, говорит, что не это главное. И не какой-нибудь там лохматый: волосы коротко пострижены, взгляд стальной, бороды и усов можно сказать, что и вовсе нет. И на каждую жизненную ситуацию у него есть, что сказать, и из Писания и от себя. Он потом, когда безбожную пятилетку объявили на повышение большое пошел: взяли его в НКВД работать, несмотря на темное религиозное прошлое. Так что авторитет несомненный!

- Ой, отец Сидор, как рада я вас видеть! Приятно всегда встретить такого человека! - залебезила тетя Шура.

- Ну, будет тебе! - остановил ее он, довольно хмыльнувшись. - Ты кого ко мне привела?

- Да вот соседка моя, Аннушка, духовника себе ищет. Мучает душу ее, что дала она Богу обет девства, а она матери и родных послушавшись, замуж вышла.

- Ты что монашка была? - с усмешкой посмотрел на девушку отец Исидор.

- Нет, батюшка.

- Так что же за обет ты дала? Кому?

- Сама. Богу. Обет девства...

- Глупая ты девчонка! - насмешливо сказал священник. - Зачем себя мучаешь? Что было - то прошло. Вот ты сама посуди, зачем Богу нужно твое девство? Разве он в нем нуждается? - и столько циничной уверенности было в тоне, которым это произносилось, что Анна заколебалась: вдруг она и правда что-то не понимает? А ее собеседник, наблюдая оказываемое воздействие, еще более уверенно продолжил: - Сотни лет назад в Европе жил один христианин, чистейший человек, Мартин

Лютер. Он боролся с католической ересью и победил ее в отдельно взятой стране. Это был человек огромной силы духа. Так вот он был монах и женился на монахине. Разве сделал бы он такое, если бы это было нельзя делать?

Не слышала Анна про Лютера, и имя какое-то у него неправославное было, но возразила неуверенно:

- Может он и хороший человек был, но оступился, все мы немощные, Бог его и простил?

- Простил! - передразнил ее искуситель. - Он не в двадцать лет женился, а в сорок с лишним. Монахине тогда было двадцать шесть, правда... Тебе сколько было, когда ты замуж выходила?

- Двадцать восемь... - пролепетала Аннушка.

- Ну, видишь, лишних два года отбыла. И вышла ведь не за старого монаха надеюсь? - засмеялся отец Исидор.

- Нет, за обычного деревенского парня...

- И что тебе не нравится?

- Да жизнь очень уж сложной после этого стала. Может быть, страдаю я, что нарушила обет?

- Поэтому? Так ты и так бы страдала. Или и так не страдала. Одно с другим никак не связано. У того же Мартина Лютера, кстати, шесть детей было, и умер он в старости.

- А его жена?

- А что жена? Тоже больше чем полстолетия прожила, очень даже прилично для шестнадцатого века!

- Но...

- Да ведь ты же не давала никаких официальных обетов, - уже мягко сказал священник и взял девушку за руку. - Выдумка это твоя. Не мучай себя...

- Ну, раз это правда, так...

- Правда-правда, - кивнул головой отец Исидор. - А теперь иди, нужно мне Александру поисповедовать.

- Вот, отец Сидор, как вы ей грамотно все обрисовали, да еще и Катарину фон Борк в пример привели! - с восхищенной улыбкой сказала Александра, целуя священнику руку.

- А ты откуда про то, как жену Лютера звали, знаешь? - с подозрением поинтересовался тот.

- Так чай я в гимназии училась, - обиделась Александра.

- Хорошо училась. Думаю, что общее это наше дело, не мешать людям идти в светлое будущее! - весело ответил он ей. И тут же воскликнул: - Как же хочется курить, и разнервировала же она меня! Ну что у тебя там за грехи?

- Да вроде ничего я за собой не помню: не убивала, мужу не изменяла, не крала...

- Ну, вот и отлично, можно сказать - почти что святая! А теперь еще и одну заблудшую овцу на путь истинный наставила! - весело воскликнул священник, быстро накинул на голову Александры епитрахиль, скороговоркой прочитал молитву и, скинув рясу, чуть не бегом вышел из храма, чтобы покурить.

Цена буханки и четверти часа

Началась Великая Отечественная война. Петр ушел на фронт, а вскоре пропал без вести. Так и не вернулся он с войны. Сестра Аннушку на завод устроила работать. Про дочь теперь нечего и думать было, чтобы забрать к себе: время тяжелое, голодное, в деревне все равно легче. Но каждый выходной женщина к дочке ездила.

Анна вроде бы свободной стала; мужики, которые на войну не пошли, даже среди изобилия одиноких баб на нее внимание обращали - после тридцати красота ее еще больше расцвела. Только недотрогой она была; думала, что теперь-то уж точно ни одного мужчины в ее жизни не будет.

Бабы ее не любили. «Не настоящая у нее красота! - судачили они между собой. - Наверняка красится. Где только краску берет в такое тяжелое время?». Решили однажды посмотреть, какая же она на самом деле. Взяли кадку холодной воды, да и окатили ее прямо в заводском дворе. Только Анна еще лучше стала - косметики ведь у нее никакой не было, красота-то своя. Расстроились бабы, одна даже заплакала от обиды.

А тут как раз проходил директор завода - Амир Бекханович. Он чеченец был. Имя его значило «правитель», а имя отца «главный князь». Хоть и не было в стране победившего социализма уже князей, Амир Бекханович себя таковым вполне ощущал - много рабочих в полной его власти находились. Он суровый был, гордый, мстительный. Не молодой, конечно, но сохранился хорошо, заводские бабы его красавцем считали. А увидел Анну в момент, когда с нее вода стекала, и влюбился.

Да так, что спрятал свою гордость до времени, стал обхаживать, подарки дарить. Один раз платок подарил, другой раз - леденцы, которые Аннушка дочке в деревню отвезла. Размышляла она, стоит ли брать подарки, с другой стороны - вроде бы ничего особенного не дарил он ей...

Амир еще больше влюбился. Остановил Аню во дворе и говорит:

- Приглянулась ты мне. Хочу взять тебя в жены!

Она растерялась и отвечает:

- Не могу, у меня есть Жених.

- Как? Я же узнавал: твой муж без вести пропал. Погиб он, не вернется.

- Что же, значит, надо так. А я обет дала Богу. Он - мой Жених до конца моих дней!

Ничего не ответил ей Амир Бекханович, только побагровел весь, отвернулся и ушел. Первый раз в жизни ему женщина отказала, да когда?! Когда он руку и сердце предлагал! Не мог директор такого простить.

Но через несколько дней, как ни в чем не бывало, подошел и дает буханку хлеба:

- Отвези дочке.

Время голодное было, для себя Аннушка, может, и отказалась бы, а для дочки не смогла. Не знала она, что теперь каждый шаг ее под особым контролем, судьба ее на волоске висит.

И вот однажды ездила она в деревню помочь картошку копать. Устала очень. Подумала: поеду утренним поездом, успею! А он задержался. И опоздала Анна на работу на пятнадцать минут.

А время военное. Охрана ее остановила, стали допрашивать. А тут еще кто-то как бы невзначай вспомнил, что буханку она с территории вынесла: не только саботажница, но и воровка. А Амир Бекханович, сокрушенно кивая головой, подтвердил, что так оно и есть, хотя сам ей хлеб и дал.

Много Анне Федор в свое время рассказывал про самую демократическую в мире Сталинскую Конституцию. Но в реальности Конституция в СССР в это время значила меньше закрытых постановлений, высшие меры наказания назначали внесудебные органы, официальные законы легко могли попирацца волей тех,

кто мог это сделать перед тем, как потом самому стать жертвой той же машины репрессий, а ложь и предательство были негласными добродетелями.

Особенностью советской правовой системы было существования Особого совещания при НКВД СССР (в разные годы по разному оно называлось, и в той или иной форме действовало с 1922 по 1953 год). Это был внесудебный орган, имевший полномочия рассматривать уголовные дела по обвинениям в общественно опасных преступлениях и выносить приговоры по результатам расследования. Особое совещание не входило в судебную систему. Приговоры особым совещанием выносились в упрощённом порядке. Рассмотрение дела и вынесение приговора производилось в отсутствие обвиняемого и без адвоката. Аналоги такого органа имелись в Российской империи при Петре I и Александре III, но только в Советском Союзе использование возможности, говоря языком петровской эпохи «вершить суд согласно здравому смыслу и справедливости», (то есть без требования соблюдения закона и судебных формальностей), использовались так широко.

Вот такое совещание и осудило Анну за буханку хлеба, которую ей подарили, и за четверть часа опоздания на работу - на десять лет, с отбыванием в колонии, где должна она была сплавлять лес.

Несвобода

Если так разобраться, то никогда в жизни Анна свободной и не была: то от родителей зависела, то от мужа, то от начальства на заводе. Но так плохо, как в колонии, ей нигде не было. Урки ее невзлюбили,

издевались, отбирали и без того скудную еду. За год она больше, чем на десять лет состарилась.

Однажды, когда на реке сплавляли деревья, подошла к Ане Люська, которую посадили за то, что она занималась проституцией, а клиентов своих убивала, чтобы ограбить.

- Ну что, святоша, - говорит, - пора тебе к твоему Создателю.

И резко толкнула ее в воду. Мимо как раз большое бревно плыло, чуть не убило Аннушку. А та не ожидала этого, а в уме только одна мысль промелькнула: «Никола Угодник, помоги!». И какая-то сила ее на берег выкинула. Никто не понял, как ей удалось спастись, но Люська с этого времени стала к Анне с опаской относиться: «Ну эту Нюрку, кто его знает, чего с ней такое!».

Единственным утешением Анны в заключении была молитва. Молилась она постоянно, просила помощи у Пресвятой Богородицы, Святителя Николая. Иногда сомнение железным обручем сковывало ее душу. Женщина вспоминала, как Амир говорил ей, гневно блестя глазами: «Что твой Бог? Разве он поможет тебе? А я озолочу! И ты, и твоя дочь ни в чем не будете нуждаться!». О дочке Аннушка очень тосковала: «Как там Шуронька? Так ли я сделала, что отказала Амиру? Он ведь все по-честному вроде хотел». Но потом вспоминала про буханку хлеба и пятнадцать минут, и понимала, что не зря, все правильно она сделала - не любил он ее, просто сильную страсть испытывал. Если бы любил - разве поступил так?

Однажды, когда соседки-урки отобрали у нее вообще всю еду, и голова Анны ночью кружилась от голода, ночью к ней пришел Святитель Николай. Он дал ей пирожок, женщина съела его, и почувствовала, что

голод прошел, появились силы жить дальше. На другой день уголовницы опять отобрали у нее всю еду: «Давай заморим святошу голодом, раз в воде она не тонет!» - предложила Люськина подруга Юлька. «Ну, ее», - ответила та. Но Юлька решила все же свое дело до конца довести. И вот несколько дней подряд она днем у Аннушки еду отбирала, а той ночью Святитель приносил пирожок.

Юльке как-то боязно стало, что Нюрка без еды живет, а сил у нее как будто бы и больше стало.

- Слышь, Люськ, - говорит, - давай последим за святошей ночью, может она где-то еду тырит втихаря?

- Давай, - согласилась та.

И смотрят они ночью, а Анна с кем-то разговаривает, а нет никого.

- Нюрк, ты с кем базаришь? - испуганно спросила Юлька.

- С Николаем Угодником, - отвечает та.

Бабы совсем перепугались. Сказали начальству, что Нюрка с ума сошла. Те вызвали врача.

А доктор верующий попался. Пожалел он Аннушку, отправил ее в больницу. Год она вместо десяти в колонии отбыла, а потом еще год в психиатрической клинике. Только там ей неплохо было: это такая больница оказалась, где верующие врачи прятали людей, которые не могли выжить в социалистической реальности. Потому что если бы была это настоящая больница, то там, тоже мало не показалось бы.

Вместе с другими больными собирала Анна грибы, ягоды без всякой нормы. У нее было полное нервное истощение. Молитва, лес, уединение восстановили ее силы. А потом как-то так получилось, что ее отпустили.

Когда она приехала в деревню, соседи не узнали: красавица стала старухой.

Возвращение в город

Ппустила Анну к себе пожить одна из ее сестер, которая в деревне осталась.

- Наберись сил, - говорит.

Каждый день уходила Аннушка в лес, собирала грибы и ягоды. Хотела хоть чем-то услужить сестре и ее семье, чтобы не быть обузой. Целыми днями так по лесу и ходила.

Захотелось ей там однажды пить, да так, что темные круги перед глазами пошли, не только все во рту пересохло, но и само тело какое-то стало не такое как обычно... А воды-то с собой и не взяла! Только взмолилась: «Господи, хоть капельку водички дай мне великой грешнице!», сделала еще с полсотни шагов вперед, а там колодец... Напилась женщина, силы к ней вернулись, поблагодарила Бога и пошла дальше.

В другой раз рано ушла из дома. Хлеб не стала брать: и так его мало, лучше пусть детки съедят, а ей не привыкать. Идет по лесу, а осень, ягод уже нет, да и грибов мало. Вдруг мужик какой-то мимо на телеге едет, хотя и ни к чему бы это вовсе, никто ей обычно не попадался. А этот остановился и говорит:

- Что, бабушка, голодная, небось?

- Да, миленький! - а про себя думает: «вот, уже и бабушкой стала!»

- На тогда, - и батон белого хлеба протягивает.

- Храни тебя Господь! - ответила Анна. - Как тебя звать-то?

- Николаем.

И уехал.

Поблагодарила женщина Святителя Николая за помощь и пошла дальше.

Очень Анна всегда хотела сестре угодить. Однажды в праздник Казанской иконы Божией Матери пошла она на речку белье полоскать, оступилась и ногу сломала. Совпадение это было, или нужно было ей и через это испытание пройти, но сама Аннушка всю жизнь потом себя винила, что в праздник решила работать, и внучкам рассказывала.

Когда закончилась война вернулась Анна в город, но на завод уже не пошла работать: здоровья не было, да и нога только стала выправляться. Устроилась она в столовую работать. Дали ей комнату в деревянном доме, кухня общая, удобства вообще во дворе. Соседи муж с женой. Соседка - тоже Анна, хорошая женщина, а муж ее Анатолий, как напьется, так жену начинает бить. Та часто пряталась от него у Аннушки в комнате, а тот топор схватит и кричит: «Нюрка! Нюрка! Выходи! Убью обеих!». Соседи раз его в милицию сдали, так он присмирел на какое-то время, а потом смотрит, что ничего ему, в сущности, не сделали, и опять за старое взялся. Анну даже на кухню пускать перестал, у себя в комнате на плитке она готовила. Шура за это время подросла, вышла замуж.

Радости среди скорбей

Не все так уж безотраднo было в жизни у Анны. Очень любила она ходить в храм. Он в том городе единственный был, старенький, деревянный. Придет

Аннушка на службу, встанет у Владимирской иконы Божией Матери, да так и стоит как свечка возле нее до самого конца богослужения. Заметил ее настоятель, отец Николай, благословил на клиросе петь. Голос у нее чудный был, всем нравился. Протоиерей Николай и духовным отцом ее потом стал: после отца Исидора женщина долго боялась к священникам подходить, а вот, наконец, нашла такого пастыря, какого искала.

Однажды Анна идет в храм утром, а во дворе церкви женщина какая-то.

- Что с тобой? - спрашивает ее Аннушка.

- Да вот хочу в церковь войти, да не пускает что-то, - отвечает та.

И видно, что ломает ее всю. Пот на покрасневшемся лице выступил, глаза навывкате, зрачки вращаются, дыхание тяжелое, все тело дрожит и изгибается.

«Порченая», - подумала про себя Анна, а вслух говорит: - Давай помолимся!

Прочитала она молитву, перекрестила больную, та успокоилась и смогла войти в храм.

Слух об этом быстро разлетелся, церковный народ такие истории любит, и после этого стали все Аннушку просить за них молиться. Она скромная была, ей такое внимание не нравилось, но никому не отказывала, молилась за всех, кто просили.

Один раз приходит тетка какая-то и говорит:

- Помолись за моего умершего мужа!

Что-то насторожило в ней Анну, она и спрашивает:

- А ты православная?

- Нет, - отвечает та. - Молоканка.

Молокане - это рационалистическая секта, которая появилась в России в 60-х годах 18 века. Свое учение они называют «чистым молоком духовным»; не признают

православную церковную иерархию, монашество, иконы, мощи, святых. В отличие от духоборцев, молокане признают Библию. Ее рассматривают как единственный источник истины, растолковывая ее в этическом смысле, и считают ее главным руководством в повседневной общественной и личной жизни. Священнослужителей у молокан нет, их роль исполняют «старцы» - пресвитеры. Религиозный культ сводится к молитве, собраниям, проповедям и пению духовных песен. По-видимому, «молокане» - это прозвище, которое дали им православные. Есть несколько теорий происхождения названия «молокане». Согласно одной из них, молокане пили молоко в постные дни, когда приём «скромной» пищи запрещён православными канонами, за что их и прозвали молоканами. Некоторые связывают название «молокане» с рекой Молочной в Мелитопольском уезде, куда ссылали молокан. Имеет некоторое распространение версия, связанная с предпочтением есть молочную пищу в тюрьмах и армии, поскольку эта пища не могла быть приготовлена с использованием свинины, которую молокане не едят. Сами молокане предпочитают ссылаться на упомянутую в Библии метафору «духовного молока». Молокане представляют собой не нечто единое, а эклектичное религиозное движение с единым корнем, но с большими различиями во взглядах, песнопениях, учении, соблюдаемых праздниках.

Анна ничего этого не знала, естественно, но поняла, что не православная.

- Что же сами не молитесь? - только и спросила.

- Мы верим, что после смерти прекращается физическая и духовная жизнь человека. Сознание бессмертия человек обретает только после воскресения

из мертвых, которое совершится при Втором пришествии Иисуса Христа, - отвечает молоканка.

- Мудрено ты говоришь, но что-то нескладно у тебя получается - вздохнула Анна. - Вроде бы и не нужно молиться и нужно... Помолюсь, что же поделать...

А тем временем Александре пришло время рожать. Стала она с матерью советоваться, как назвать ребенка. «Сына... уже поняла, что скажешь Николаем назвать. А если дочь?»

А был конец весны. Анна задумалась на минуту и говорит:

- Еленой.

- Почему? - удивилась Шура. - Вроде не было у нас Лен...

- Праздник ее скоро. 3 июня - память царя Константина и царицы Елены.

И родилась внучка как раз в этот день. Радовалась бабушка, Бога благодарила. А чем старше Лена становилась, тем больше они любили друг друга.

Видение

- Что же ты перестала рассказывать? - недовольно надула губы Лена.

- А что рассказывать, все уже рассказала, - улыбнулась Анна. - Теперь вот сижу с тобой, Бога благодарю, что есть в моей жизни такая радость как ты. Только страшно ведь на земле к кому-то привязываться...

- Бабушка, а мама сказала, что мы на Украину уезжаем... Это далеко?

- Да ты что! - ахнула Анна. - А мне ничего не сказала!

- Она говорит, что их с папой сократили, а другой работы здесь нет. А там родственники позвали в какую-то область... - Лена напряженно наморщила лоб и вспомнила: - В Донецкую. А там хорошо?

- Везде хорошо, где с Богом, - грустно сказала Анна.

Так и осталась Аннушка одна в городе. А через некоторое время умер духовный отец - протоиерей Николай. Душа скорбела об утрате. С работы она ушла: в столовой над ней стали издеваться, смеяться из-за того, что верующая. Антицерковные репрессии, проводимые по инициативе Н.С. Хрущева в 1958-1964 гг., сопровождались и усилением атеистической пропаганды. В целом в несколько смягченном виде ее формы и методы сохранились до конца 1980-х годов. Она носила как идеологический, так и формальный, а еще чаще - примитивный характер. Вводилось преподавание научного атеизма в высших учебных заведениях, создавались курсы для будущих лекторов научного атеизма. Принимались резолюции партийных и комсомольских конференций и собраний. На публикациях партийных и комсомольских газет можно проследить основные тенденции атеистической пропаганды данного временного периода. Это и требования к индивидуальной «работе» с верующими, а в реальности - жесткому психологическому и административному давлению, в результате которого многие «отказывались» от своих взглядов.

Это и представление верующих людьми «второго сорта», заявления о том, что верующая мать наносит непоправимый вред своим детям, разжигание вражды и

непонимания между родителями и детьми на почве отношения к религии. Это и активное выискивание различного рода негатива в деятельности религиозных организаций, причем основной упор делался на недостойное поведение священнослужителей и прихожан, а еще в большей степени - на их заинтересованность получать «большие деньги» за то, что они «ничего не делают».

Шло также создание ажиотажа вокруг, возможно, и действительно нездоровых мистических проявлений религиозной жизни некоторых психически больных людей. Выдвигались требования сделать все для изоляции от религии детей до 18 лет. Делались попытки создания своего «коммунистического» «антирелигиозного» культа, на деле являвшегося возрождением примитивных форм языческой религии.

Говорилось о том, что свобода совести - не самоцель, она является фактически лишь переходным этапом в процессе полного изживания религиозных предрассудков. Представления самих пропагандистов о религии зачастую носили поверхностный характер, страдали грубыми искажениями. Однако верующие права на ответную полемику не имели, даже свобода церковной проповеди была жестко ограничена. После отставки Н. С. Хрущева накал атеистической пропаганды спал, но она продолжала занимать значимое место в идеологической политике государства вплоть до начала 1990-х годов.

Добрались эти антирелигиозные гонения даже до малограмотной бабушки, которой пришлось уйти с работы, как только ей начислили пенсию.

Пенсия была «новыми» сорок пять рублей - немного, конечно, но Анна не горевала. Тратила мало,

пыталась что-то откладывать, чтобы послать дочери, которая с мужем копила на дом. В Великий пост сидела на хлебе с водой.

От одиночества и недоедания порой подкатывало уныние. Однажды Анна со слезами молилась, сетуя, что одна она, никому не нужная.

И вдруг видит, как стены ее маленькой комнатки раздвинулись, сама комната как будто больше стала. Прекрасный свет все в ней озарил. И входят Матерь Божия, Святитель Николай, святые великомученицы Екатерина, Варвара и Параскева. Хоть они и не представились, но Аннушка как-то сразу поняла, кто к ней пришел.

Слышит женщина голос дивный:

- Что же ты, раба Божия Анна, плачешь? Разве ты одна? Хочешь, с нами пойдем. А тело твое обмоют, оденут, утром готовое к погребению найдут.

А у нее в голове одна мысль промелькнула: «А как же Шура?». И все исчезло. Долго Аннушка вспоминала это видение. Но не унывала больше никогда.

На Украине

Однажды стояла Анна на молитве ночью и со слезами просила: «Господи, прости меня великую грешницу!».

И слышит мягкий спокойный мужской голос: «Что ты говоришь! Какая же ты грешница: ты одна живешь, благочестиво, тихо, спокойно. Я все вижу, все знаю про всех!».

Испугалась Анна и говорит:

- Нет, я грешу, Один Бог безгрешен!

И голос пропал.

Подумала Аннушка, что изведут ее видения, нельзя ей больше одной оставаться. Решила она съездить к дочери на Украину. И только подумала, как получает от той письмо, чтобы приезжала: на крестины Людочки, да и вообще погостить, не виделись давно, соскучилась. Так вот совпало. Приехала.

На Украине у Александры все тоже не так просто было, как ей представлялось, когда она решила из России туда уехать. Сначала купили маленький совсем домик - мазанки их называли. Троица, вроде, хватало, где жить, но семейство прибавилось: родилась еще одна дочка - Людмила. А тут еще муж Александры Алексей привез свою мать Елизавету. Совхоз во Владимирской области, где она жила, распался, вот все и разбежались из деревни. А снохе помощь нужна: внучку нянчить, так что не приживалкой ехать к сыну.

Пятерым в мазанке не повернуться, но тут подвернулась возможность недорого купить большой кирпичный дом после пожара. Он страшный такой был, одни стены. Но Алексей работы не боялся, отделал его как игрушку.

Все ей там нравилось. В доме комнат много, сад огромный, фруктов каких и не ела никогда. Грецкие орехи под ногами валяются, абрикосы. Анну поселили в комнате вместе с ее свахой Елизаветой.

Сначала все нравилось Аннушке. Рада она была возможности проводить время с внучками. Людочка любила слушать ее песни, а Леночка сказки; вместе они рисовали райских птиц в садах, пели. Катались в саду на качелях, собирали грецкие орехи, а потом вместе их колотили.

Чего-то не хватало не только Анне, но и Александре. И не хватало-то таких странных вещей, которые, казалось бы, и зачем вообще нужны? - березки под окном, трескучего мороза.

Скучала Аннушка и по родному храму Николая Чудотворца. Да и вообще храм здесь очень далеко был: выбрались они туда с матерью зятя только один раз. Анна дорогу не запомнила, а второй раз Елизавета не пошла. И вообще она стала ревновать: «Зачем нужны две бабушки в доме? Разве я не справляюсь? И готовлю, и за детьми смотрю». Шура уговаривала ее, что вдвоем легче, но бесполезно. Свекровь хмурила брови, и становилась все мрачнее. Даже на детей стала ворчать, когда они просили ее рассказать сказку: «Пусть вам баба Нюра сказки рассказывает, это она мастерица языком болтать, а не дела делать!».

Послушала Анна, послушала, и решила вернуться домой. Ведь у нее комната есть в коммуналке в городе, а у Лизы в деревне никого не осталось, пусть живет с детьми.

А Елизавету после ее отъезда то же что-то стала ностальгия мучить: «Как это я здесь на чужбине умирать буду? Вон брат-то мой Костя в деревне родной остался, поеду-ка и я домой!» Собралась и уехала.

Задумался Алексей: «Как же так? Матери наши далеко, старенькие уже, а мы в другой республике. Вдруг заболеют, а мы и приехать не сможем?»

Посоветовался он с Александрой, а той давно в Россию хотелось вернуться. Только мужу боялась сказать: ведь он сколько сил уже в дом вложил: и отстроил его после пожара, начал кухню летнюю еще строить, виноград посадил. Жалко дом, но матерей жальнее.

И уехали они из украинского Артемовска в древний русский город Муром, поближе к деревне, где Елизавета

жила, чтобы каждые выходные можно было к ней ездить помогать. Только жилье здесь было дороже намного: на деньги, которые они выручили, продав дом на Украине, здесь только полдома смогли купить. Но Алексей его отстроил, кухню утеплил, места больше стало.

В Муром Анна часто приезжала, а там и Лена подросла и сама стала к бабушке приезжать ненадолго: с соседом дядей Толей разве долго погостишь?

Бабушкины рассказы

Приедет Анна в гости в Муром, а дома только Лена: родители на работе, Людочка в садике. Никто им не мешает, есть время поговорить обо всем на свете. Лена любила слушать бабушкины «сказки», как-то и не думала тогда, что не сказки это вовсе... А бабушка пересказывала ей все, что помнила из Библии, из житий святых.

- Господь он так любит нас, что Сам стал человеком, - задумчиво сказала Анна.

- Как это? - с любопытством поинтересовалась Лена.

- Как? Это не только мне, но и самому грамотному человеку, думаю, не под силу объяснить, - задумчиво ответила ей бабушка. - Так что тайна это... Но для нас другое важно понимать: что Бог так любит нас, что мы никогда не бываем одни. Он всегда все видит, что мы делаем!

- И как я вчера у Люды конфеты съела, а маме сказала, что это она сама их съела, тоже видит? - нахмурилась девочка.

- Да, - улыбнулась бабушка.

- Это плохо, - вздохнула Лена.

- Почему же?

- Потому что нельзя ничего плохого, получается, сделать! Стыдно ведь перед Богом!

- Так это же хорошо! - засмеялась Анна.

- Что?

- Что стыдно тебе.

Потом, спустя годы, читая православные книги, Елена все удивлялась, как бабушка простыми и незамысловатыми словами могла ей все объяснить так же, как в них написано. Сама она даже и не могла вспомнить бабушкины формулировки, а суть была такая: что в Писании сказано: «велия благочестия тайна: Бог явился во плоти».

Бог устроил весь мир очень разумно, каждое творение получает ту долю счастья, которую может вместить. Но получает лишь в том случае, если живет по данным Богом законам. И неразумно этим возмущаться: ведь не возмущает же нас то, что огонь, когда мы сунем в него руку, обожжет нас, что прыгнув с высоты, мы переломаем себе кости. И так же естественно то, что человек, не живущий по Божиим Заповедям, не может быть счастлив. Он гонится за призраками, а получает опустошенную душу и вечные муки.

Человек был создан существом с разумом, свободной воли, не знающим смерти и страдания. В природе также царилла благополучие, так как счастье всей природы, животного и растительного мира зависело от того, живет ли человек по данным ему Богом законам. Человек один из всей природы наделен разумом, свободой выбора и бессмертной душой, а животные и растения склонялись перед человеком, признавали в нем своего царя: от его выбора зависело их благополучие.

Бог дал первым людям Адаму и Еве одну лишь заповедь: не вкушать плодов с дерева познания добра и

зла. И объяснил, почему нельзя: «Когда вкусите, тогда смертью умрете». Но человек не выполнил этой заповеди. Кроме людей во Вселенной существует еще один вид существ, обладающих разумом, свободной волей. Это ангелы, природа которых иная, чем у человека; они бессмертны и просты: сделав выбор однажды, делают его навсегда. Один из ангелов, Денница, пожелал быть равным Богу, взбунтовался против Него и увлек за собой часть ангелов. Денница не стал равным Богу, он ниспал с неба, увлекая за собой своих приспешников, и превратился в сатану - злобного духа, обреченного на вечные мучения, а его споспешники стали подобными ему злыми духами - бесами, также обреченными вечно страдать. Когда был создан человек, сатана не желал, чтобы кто-то пользовался теми благами, которые он потерял. Явившись Еве в виде Змея, он искушал ее, говоря, что она и Адам, съев плод, не умрут, но станут равными Богу. И Ева с Адамом уподобились сатане в своем желании сравняться с Творцом. Они нарушили единственную данную им Богом заповедь, съели плод.

Люди не стали равными Богу. Они познали болезни, страдания и смерть. Изменилась и природа. Из ее Царя человек превратился в ее врага, ведь она страдала по его вине. Адаму и Еве пришлось скрываться от ставших хищными зверей. Адам отныне должен был в поте лица добывать пропитание, Ева - в муках рожать детей. Однако, изгоняя людей из рая, Бог сказал им, что «семя Жены сотрет главу змия», то есть дал обетование о грядущем избавлении.

Бог не сразу исполнил Свое обещание: для человечества наступили тысячелетия беспроектных страданий. Люди в то время жили подолгу, рождаемость была высокой. И постепенно потомки Адама и Евы

заселили всю землю. Но в каком бы уголке земного шара не жил человек, он оставался причастным к греху прародителей, терпел страдания, болезни, смерть. Надежда на Спасителя, который дарует счастливую жизнь, все более угасала. Грех закрыл для человека возможность Богообщения. Если Адам и Ева имели опыт непосредственного общения с Богом, то их потомкам Он открывался уже как Суровый Судья. Рассказы Адама и Евы о Боге передавались из поколения в поколение, каждый новый рассказчик вставлял что-то свое. Люди расселялись по лицу земли, появились народы. И у каждого из них была своя религия, то есть свое учение о Боге. Но истинной могла быть лишь одна из множества религий - ведь Бог - Один, Единый в Троице. И Бог выбрал для роли носителя этой единственно истинной религии еврейский народ.

Через пророка Моисея Бог дал Своему избранному народу десять заповедей, которые отсекали низменные инстинкты, призывали человека к праведной жизни. И неудивительно, что Мессия - тот Человек, Который избавит от проклятия греха и смерти весь род людской, должен был произойти именно из еврейского народа. Но мог ли какой-то человек быть искупителем греха, ведь и он был подвержен греху. А потому Мессией должен был стать Новый Адам, Новый Человек во всем подобный нам, кроме греха. Все в Этом Новом Адаме - Христе (Христос означает Спаситель) было необычайным. Необычайно Его Рождение, ибо Он вопреки всем законам природы Единственный из людей Родился от Девы. Но кажущаяся неясность перестает быть для нас таковой, если мы узнаем, что Христос не был только Человеком: в Нем соединились два Естества - Божественное и Человеческое. Слово Божие - Вторая Божественная

Личность Пресвятой Троицы вошло в Деву Марию и Духом Святым сотворило в Ней Нового Свободного от греха Человека, соединившись с Ним. Бог соединился не с одним конкретным человеком; во Христе Он соединился со всей человеческой природой, всем человечеством. Имея два естества - Божественное и человеческое, Он имеет одну Божественную Личность. Дева Мария была особо предызбрана Богом для предстоящей Ей Высокой Миссии. Трех лет ее привели в Храм, где Дева Мария пребывала до четырнадцати лет, после чего по законам того времени, Ее должны были забрать родители или же Она должна была выйти замуж... Родители Ее к тому времени умерли, и Она была обручена своему престарелому родственнику Иосифу, который был призван хранить Ее девство. Церковь свято верит, что Дева Мария сохранила Свое девство и до Рождества и в Рождестве и после Рождества, почему именуется Ее Приснодевой (присно - по-славянски «всегда»). Также Церковь называет Деву Марию Богородицей.

Спаситель вышел на проповедь в возрасте тридцати лет. Чему Он учил, было не похоже ни на что, чему учили до того на земле. В жестоком мире, где каждый думает лишь о себе, где почти нет места любви, верности и прощению, Христос говорит: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих Вас». Господь учит любить ближнего, как себя и Бога больше чем себя. А как это трудно, если помнить, что ближний, по Слову Христа, это каждый человек, который встречается нам на жизненном пути. Христос любит всех людей, не отталкивая от Себя ни праведных, ни грешных. Чтобы никто не отчаивался в возможности своего спасения, Он часто говорил во дни Своей земной жизни, что пришел

призвать не праведных, но грешных на покаяние. Каждый человек, какую бы праведную на наш взгляд, жизнь он не вел, остается перед Лицом Божиим грешным, ибо природа человека такова, что он не может не грешить. Чтобы понять и простить каждого из нас, необходима бездна любви и милосердия Божия. И Христос открыл людям эту бездну любви. Он исцелял болящих, воскрешал умерших, милостиво утешал кающихся грешников, сурово обличал упорствующих в своем грехе. Христос любил всех, и именно эта Его Любовь была причиной того, что Он стал ненавистен многим, не имеющим любви в своей душе. За Его любовь к людям Христа распяли на Кресте. Его распяли римские воины. Но потребовали казни Христа те, кто должен был бы его ждать, - иудейские первосвященники и народ, который всего за неделю до распятия кричал Ему «Осанна!». Такова любая земная слава: те, кто кричит тебе «Осанна», меньше чем через неделю с таким же упоением могут кричать «Распни его!». Есть люди, которые внешне правильные, красиво очень умеют говорить обо всем. И о Боге, и о любви, и о вере. Однако поступки их совсем иные. Как написано в Псалтири «умякнуша словеса их паче елея, и та суть стрелы». И им ничего не стыдно. Они и Господа распяли. Елене было страшно и взрослой, когда она представляла уважаемых, очень солидных и внешне доброжелательных людей, которые распинают Бога.

Изначально человек был предназначен Богом к бессмертию и счастью. Но через Адама и Еву в мир вошел грех, а с грехом - смерть. (Смерть есть разделение души и тела). Адам и Ева своим падением отдалили человеческий род от Бога, и души всех людей после смерти шли в ад. Даже праведники того времени, хотя и

избежали страданий в аду, не могли радоваться и ликовать в Боге.

Может ли быть место, удаленное от Бога, если Бог вездесущ? Дело в том, что не место удалено от Бога, но находящиеся там не способны почувствовать присутствие Божие, отчего страдают и мучаются. Потому все древние религии и повествуют о загробной жизни, как о чем-то страшном и беспросветном. Чем ближе приближался момент пришествия Иисуса Христа, освободившего род человеческий от проклятия греха и смерти, тем меньше безнадежности звучало в словах ветхозаветных священнописателей, когда они говорили о том, что ждет нас по окончании земной жизни. Так в книге Премудрости Соломоновой сказано: "Праведных души в руке (руке) Божией и не прикоснется их мука".

Христос после распятия и крестной смерти сошел во ад. Но ад не мог вместить Его. Спаситель, выйдя из ада, не только вывел оттуда всех ветхозаветных праведников, но и всем, кто последует за ним, даровал возможность избегнуть ада и смерти.

Бог - Высшая Справедливость. И делая что-то другим, мы делаем это самим себе. Если мы кого-то оскорбили, надо ждать, что оскорбят и нас; если мы кого-то убили, надо быть готовым к тому, что и наша жизнь окончится насильственно. И благо для человека, если расплата за грехи постигнет его во дни земной жизни, потому что, войдя со своими грехами в вечность, он будет мучиться намного страшнее, чем если бы ответил за них на земле.

Анна рассказывала внучке и про мучеников. В первые века христианства христиан гнали, в том числе, и за их нежелание поклоняться идолам, которым кланялся окружающий мир. Это было время религиозного упадка,

никто в Римской империи уже не верил, что Юпитер или Венера - это боги. Религиозный упадок совпал с закатом могущества императора. Римская империя собрала в себе множество государств, народов, религий. Им необходимо было объединяющее начало. Таким началом стал культ обожествления императора: каждый житель Империи волен был исповедовать ту религию, какую пожелает, но раз в год он должен поклониться изображению императора и сжечь щепотку ладана перед статуями Юпитера, Аполлона или еще какого-то идола. Это действие превратилось с течением времени в механический обряд, но его и отказывались исполнять христиане, не желающие кланяться идолам. Они помнили слова Писания: «Господу Богу твоему поклонишься и Тому Единому послужиши». Христиане признавали императора как власть и были примерными гражданами, но они отказывались признать его богом. Это, а также отказ христиан включить Христа в римский Пантеон, где римляне собрали божества всех завоеванных ими народов, послужило причиной обвинения их в атеизме и политической неблагонадежности. На христиан начались гонения, продолжавшиеся в течение нескольких веков. Оставалось утешаться словами Христа: «В мире скорбны будете, но держайте, потому что Я победил мир». Через несколько веков христианство восторжествовало, царь Константин объявил его государственной религией. Но сколько сотен тысяч христиан погибли в результате гонений в течение этих нескольких веков!

Лене из того, что говорила бабушка, особенно запомнился рассказ про 40 мучеников Севастийских: как один из них, устранившись от мучения, отрекся, и на его

место тут же встал римский воин, до того не бывший христианином...

- Как же так? - недоумевала она тогда. - Разве может в одну минуту все так измениться у человека?

- Может, дорогая, Господь все может нам дать: и мужество, и силу, и крепость, и любовь, и веру, и счастье...

- Тогда мне пусть лучше даст любовь и счастье! - сразу сказала девочка.

Анна засмеялась:

- Я, во всяком случае, искренне тебе этого желаю! Мне всегда помогал святой Николай Угодник. Молись ему, он и тебя не оставит. Я его просила о твоём благополучном рождении.

Бывало так до темноты и проговорят, даже свет не включают. Их только останавливали родители Лены, вернувшиеся домой с Людой: «Вы что в темноте сидите?».

- А нам так лучше!

Александра начинала ругаться:

- Ты опять уроки не делаешь, все сказки слушаешь! А ты, мама, сама неграмотная и Лене учиться не даешь!

Не спорила Анна, просто уезжала домой. А внучка с нетерпением ждала бабушку, чтобы опять, затаив дыхание, слушать ее истории.

Нюрка Бурда

У Александры горе: муж загулял. Как говорят в народе: седина в бороду, а бес в ребро. И не думала она раньше, что такое с ней может произойти...

Побежала к матери:

- Мама, что мне делать?

А что Анна подскажет? Она разве понимает чего в мужчинах? Ее семейный опыт-то - всего несколько лет, да и то от мужа уехала...

У Алексея в Муроме жили двоюродные сестры. Они его очень любили, ведь он безотказный был, что ни попросят тут же делал. Руки у него «золотые» были. Он всем помогал, особенно старшей сестре Нюре. Она ему часто от матери из деревни подарки возила. Не любили люди Нюру, потому что занималась она колдовством. Не от хорошей жизни к этому пришла: муж ее оставил с маленькой дочкой, захотелось отомстить, научиться «черные дела» делать, да так они ее и затащили: это ведь хорошее что-то легко перестать делать, а от гадости попробуй отвязаться! Но, впрочем, оправдания-то каждый себе найдет, смысл ведь не в них, а в том, чтобы перестать делать то плохое, без которого не мыслится жизнь. Только двоюродная сестра Алексея и не помышляла, чтобы от колдовства отказаться. Звали ее в деревне Нюрка Бурда - не из-за модного журнала, он в такую глухомань и не попадал, а из-за мутных дел ее. Один Алеша, как дурачок, Анечкой ее звал, а потом и вовсе стал по ней сохнуть, даром, что сестра, да и старше его намного.

А Нюрка наглая еще была, с Шурой решила подружиться. Стала ее колдовству учить. Александра болела тогда, может и не без ее помощи, вот ей незваная подруга и начала объяснять, как умываться, а воду в огород соседу лить, какие слова говорить.

Только Шура не стала ничего этого делать, испугалась и обо всем матери рассказала. Анна сразу все святой водой покропила, сводила дочь в храм. И стало ей лучше, поправилась также неожиданно, как и заболела. А вот кошка, которую Нюрка Бурда гладила, умерла.

А Алексей как не видит ничего, все к своей Анечке ненаглядной бегаёт. Приворожила, может, она его? И ночевать перестал. А жена сильно ревновала. Один раз решила выследить, где он ночует, пошла ночью одна, а на нее напал бандит. Очень перепугалась Шура, кричала: «Господи! Не оставь детей сиротами! Помоги!». Может крика ее нападавший испугался, может еще почему, но вырвалась женщина и убежала.

После этого Алексею стыдно стало, но и без Анечки своей жить не может. Ничего лучше не придумал, как в петлю полезть, хорошо, что дочки заметили и не дали несчастью случиться.

Говорит Анна зятю и дочери:

- Повенчаться вам надо. Я ведь давно вам говорила, что за семья без венца. Только Бог поможет в таком вашем горе!

Александра

Александра за любую идею как за соломинку ухватиться была готова; ей хоть повенчаться, лишь бы ее Алексей с ней остался. А тот чувствует вину за собой, есть совесть у мужика. Хочешь венчаться? Давай, нам уже хуже от этого не будет, мы не молодые, на работе за это преследовать не станут. Повезла их Анна в деревню Дедово к знакомому священнику. Поисповедовал он их там, причастил, а потом и повенчал.

Анна посоветовала им Псалтирь читать вдвоем. Старались они, читали. Только все равно было Шура страшно оставаться в городе, где жила Нюрка. И мужа не могла она до конца простить, когда все о ведьме напоминало, о причиненных ей страданиях. Идет

Александра по улице, а самой кажется, что бандит сейчас выскочит, а в каждой встречной Бурда мерещится.

Уговорила она мужа уехать в Иваново: брат двоюродный у нее там жил с семьей. По-родственному помог им устроиться, дом купить. Сначала все хорошо пошло: Алексей дом чинил, баню построил. Только умер у Елизаветы брат в деревне, и никого там не осталось. Все дома перевезли в соседний совхоз.

Взял Алеша мать к себе. А та привыкла в деревне жить в тишине одна, лес кругом, а тут город, да и в доме дети шумят. Заскучала; сядет у окна и молчит. Шура раздражительной стала после того, как на нее бандит напал, как-то и не выдержала: «Ну что, мама, вам опять не так?». А та как будто только этого и ждала. Говорит сыну: «Вези меня домой, твоя жена меня гонит!» Тот начал возражать: «Куда я тебя повезу? Деревни-то твоей уже нет!». «Дом мой цел еще, вези меня в соседний совхоз, там жить буду!».

Повез Алексей мать обратно, да и не вернулся. Подал на развод: якобы не мог простить, что жена мать его выгнала из дома. А вскоре женился; одно его бывшую супругу утешало, что не «на Анечке».

А Александра с дочерьми стала жить с Анной, которая не могла ее одну в такой беде оставить. Пока Шура замужем была, мать никогда не попрекала, но теперь даже детские обиды все ей припомнила:

- Никогда не прощу, что оставила меня маленькую с дедушкой и бабушкой в деревне!

- Так не оставила бы, так и в живых тебя уже не было... - пробовала возразить Аннушка.

- Ну и лучше бы было! - огрызнулась дочь. - И вообще, твое место в комнате, иди и молись, нечего вмешиваться в мою жизнь!

Горько Анне слышать, да и не умеет она сквозь слова слышать, что обида-то у дочери не на нее, иначе не было бы у них столько лет все хорошо с ней, а на то, что муж от нее ушел. Только муж-то далеко, ему разве скажешь то, что хочется? А мать вот рядом, ей можно все высказать.

Шли годы. Уже и правнуки и у Анны появились - две дочки у старшей внучки и сын у младшей. А потом Александра тяжело заболела - онкология. Одна операция, через год вторая, потом и вовсе слегла. Дочери ухаживали за ней как могли, старались. Все надеялись, что выздоровеет, не хотелось верить, что мама умирает.

Анна же молилась днем и ночью. Один раз молилась у кровати, а рядом сидела Елена, которая увидела свет над головой бабушки. Ничего ей не сказала, но поняла, что она молится сердцем. К тому времени она сама уже ходила в храм, молитвы читала. А Анна как почувствовала, что Лена что-то заметила. Говорит ей:

- Слышишь? В каждом углу Ангелы поют!
- Нет, ничего не слышу, - испугалась внучка.
- Эх ты... - вздохнула бабушка.

Александра за год до смерти сама ходила в храм, за месяц перед смертью исповедалась и причастилась. Второй раз Анне пришлось хоронить своего ребенка. Тяжело было на нее смотреть. Ей было 86 лет, а дочери 56. Но она держалась, молилась, поддерживала внучек. Когда поехали на кладбище сказала:

- Все, больше не плачьте, теперь каждая ваша слезинка - камень преткновения на мытарствах, молитесь!

И крепко сжав руки, подняла глаза к небу.

Внучки

Как-то Анна сказала Елене: «Видишь у меня морщины на лбу в виде креста - это отметина Божия. И у тебя она есть. Быть тебе, как я».

А та молоденькая еще, обиделась: «Нет у меня никаких морщин!». И быстрее в зеркало смотреть: что там бабушка на нее такое наговаривает?

В девяностые в России рухнуло то, во что люди верили десятилетиями - надежда на коммунистический земной рай. Образовавшуюся пустоту нужно было чем-то заполнить. Индифферентная масса тех, кто верит как бы «понарошку» - в приметы, гадания, обряды и прочее - хлынула поначалу в открывшиеся православные храмы, а затем также легко многие из них перешли в различного рода секты. У этих людей не было четкой позиции, твердых мировоззренческих установок и, следовательно, их было легко склонить к другой вере, так как они легко шли на идеологические уступки.

Лена не сразу в Церковь пришла: сначала мистикой увлекалась, оккультизмом, все-таки не хотелось, чтобы «свобода» девяностых мимо нее прошла. Читала Блаватскую, Рериха, Лазарева, но и то, во что бабушка верила, не отвергала... Анна за нее молилась, и все это внучка ее преодолела и стала православной.

А вот Людмила попала в секту Свидетелей Иеговы. И все православное ее очень злило. Когда мать перед смертью захотела исповедаться и причаститься, то очень Люда хотела, чтобы этого не произошло.

И первый раз в храме записка с адресом куда-то пропала, пришлось второй раз идти договариваться. А второй раз священник прошел мимо дома, хорошо, что Елена стояла у окна, увидела его, побежала за ним,

догнала. Людмила очень удивилась, что батюшка был: сама она в это время работала, но почему-то полностью была уверена, что поп к ее матери не придет.

Люда хорошая была, но в 1990-е годы многие в разные секты попали. Ведь и Елена оккультизмом увлекалась. Двадцатый век был полон кризисов и катастроф: две мировые войны, революции и гражданские войны, локальные военные конфликты, экономические кризисы, в том числе такого масштаба, как Великая депрессия, разрушение традиционного общества, стирание в массовом сознании граней между добром и злом. Неудивительно, что многие жили в ожидании последнего кризиса - конца мировой истории.

Свидетельство тому и регулярно объявляемые, а затем «переносимые» даты «конца света» различными религиозными сектами, как околочристианскими, так и черпающими свои откровения в пророчествах Нострадамуса и календаре индейцев майя.

Например, Свидетели Иеговы, к которым попала Людмила, проводили массовые агитационные компании, посвященные наступающему «концу света» накануне 1914, 1925 и 1975 годов, определенно предсказывали его в 1915, 1918, 1920, 1958, 1960, 1961, 1972 годах и, несколько расплывчато, в середине 30-х, начале 40-х и 80-х годов 20 века. А известный адвентистский проповедник доктор Марк Финли в начале 1990-х писал: «Именно нынешнему поколению предстоит взглянуть вверх и увидеть грядущего Христа. Бог собирается вмешаться в историю и выправить положение дел. Для планеты Земля занавес закроется».

Однако, ожидающие «всеобщего конца света», зачастую не задумываются о том, как он уже совершается в их душе. В этой связи можно вспомнить следующие

слова Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Ужас и холод Апокалипсиса прикасаются в первую очередь к нашим сердцам - там начинается трагедия. Если мы будем способны противостоять злу внутри самих себя и вокруг себя, то Господь будет вновь приклонять к нам милость, как Он приклонял ее на протяжении всей истории человеческого рода, давая людям возможность изменить себя и мир к лучшему». Как бы ни пытались некоторые это отрицать, в каком государстве мы живем, каков мир вокруг нас, зависит во многом от каждого человека.

Ведь сложно признаться самому себе, что для того, чтобы понять, кто виновен во всех твоих бедах, достаточно посмотреть в зеркало. Легче искать виноватых вокруг, а себя считать «избранным». А вот это ложное ощущение избранности многие секты и дают.

После смерти Александры, стала Анна жить с Людмилой и ее семьей. Своя комната у нее была. Никто ее не обижал. Но очень Люду раздражали бабушкины иконы: иеговисты ведь их считают идолами.

- Забери их! - просила Аннушка Лену, но та взяла только две иконы и крест: не хотелось, чтобы бабушка жила без того к чему привыкла.

- Это ведь твои иконы, как ты будешь без них? А ты еще поживешь, ты нам нужна! - говорила она.

Анна лишь головой качала: чувствовала плохое. И вот однажды Елена долго к ней не приходила: болели дети. И снится ей сон, что пришла к бабушке, а у нее в комнате нет икон, а одни журналы «Сторожевая башня». «Надо скорее навестить ее!» - думает.

И что же? Действительно, все иконы сожгли Людмилены единоверцы, решили помочь ей и ее родственнице от идолов освободиться. Отвлекли Анну

разговорами, говорят они хорошо. Она и не понимала, зачем иконы снимают, думала, что переселяют ее куда. После этого скорбь у нее не проходила, боль явно читалась в глазах: «Мать Божью у меня забрали!».

Людмила потом пожалела, что так поступила с бабушкой: «Как будто что помутилось у меня!».

После этого Анна бумажные иконки, которые принесла ей Елена, прятала под матрас.

Перед смертью ее соборовали, причастили. Бабушка была очень благодарна старшей внучке, пригласившей священника.

Аннушка ненадолго пережила свою дочь. Кончина ее была удивительно мирной. Когда Елена читала Псалтирь у гроба, то было очень тихо и спокойно. Женщине казалось, что ангелы во всех углах поют, как рассказывала ей бабушка, но сама она и сейчас ничего не слышала. Отпевали ее в первый воскресный день Великого поста - Неделю Торжества Православия. И во время отпевания священник сказал, что сила Божия совершается в немощи, что те, не заметные миру люди, о которых мы ничего и не знаем, подчас значимее в очах Божиих, чем сильные и славные мира сего. Что на тех, кого мир презирает, он на самом деле и стоит, что две лепты вдовицы были ценнее многих сокровищ. Назвал усопшую «матушка Анна», сказал, что она была благочестивой жизни. Соседи решили, что монашка была: ведь она никогда не болтала на лавочке, никто ее и не знал.

Анне постриг не суждено было принять, а вот внучка ее стала монахиней. Елена приняла такое решение после развода с мужем, когда уже дочери выросли. Когда постриг был уже назначен, накануне праздника Всех святых в земле Российской просиявших, Елене

приснился сон: женский голос говорит: «Будет постриг, монахиню назвать Анной, в честь бабушки». У священника, который должен был постриг совершать, свои планы имелись относительно имени, не очень он и снам верил. Благословил бросить жребий, выпало «Анна». Так на внучке исполнилась мечта ее бабушки.

НИКИТУШКА

Рассказ

Никитушка проснулся сегодня рано: бабушка поведет его в большой красивый храм в центре Костромы. Они часто там бывают. Мальчику пять лет, поэтому обычно они идут не к началу службы, а ближе к моменту, когда начнут причащать.

Никитушке хотелось бы приходиться на все богослужение, но бабушка говорит ему: «Подрасти немного. Ты пока еще не готов. А если возьмешь на себя больше, чем можешь понести, то ничего хорошего из этого не получится. Посмотри на Машу».

Маша – подруга Никиты. Ей шесть лет. Мама приводит ее в храм к началу службы. Но Мария, как по взрослому с улыбкой называет ее батюшка, и не думает стоять в церкви «как свечечка», как хотела бы ее мать. Она любит бегать, играть, часто сидит на ступеньках храма. А то – соберет других детей и затеет в церковном дворе какую-нибудь игру. А это ведь даже и не приход, а женский монастырь!

«Машенька, какая же из тебя вырастет монахиня?» - с улыбкой спросила как-то девочку матушка игуменья, глядя ее по голове. «А я и не хочу быть монахиней!» - возмущенно ответила Мария. «А кем ты хочешь быть?» «Стюардессой! Они по всему миру путешествуют, и ничего за это не платят; еще и зарплату получают!» Машина мама, слышавшая разговор, чуть со стыда не сторела, но матушка лишь улыбнулась и подарила девочке шоколадку, на обложке которой был нарисован самолет и написано «Аэрофлот».

Никитушка очень сокрушается легкомыслию своей подруги:

- Ты такая счастливая, можешь как большая всю службу отстоять, а тратишь время на пустое! – говорит он ей.

Та смеется. Она не обижается на мальчика, потому что чувствует его искренность.

- Ну не всем же быть такими как ты!

Они часто разговаривают, когда служба закончится, и бабушка Никиты задерживается, чтобы поговорить с мамой Марии. Они почти ровесницы – первая рано вышла замуж, а потом и дочь последовала ее примеру, а вторая, когда ей было уже ближе к сорока. У первой муж ушел лет десять назад, а вторая овдовела, когда Маше было два года. Обе уже больше десяти лет ходят молиться в соборный храм Богоявленско-Анастасииного женского монастыря.

Никитиной бабушке неплохо живется: папа Никитушки очень любит ее дочь, поэтому помогает и теще. А вот Машиной маме все дается непросто. И материально, и морально. Но она не унывает, всю себя вкладывает в дочь.

Пока взрослые разговаривают, Мария предлагает побегать наперегонки по монастырскому двору. Но Никитушка возражает:

- Мы же только что причастились! Да и разве место здесь?

- А может ты просто не умеешь бегать? – с усмешкой спросила его как-то Маша.

Пришлось ему в тот раз показать ей, что все он умеет, но больше он на такие провокации подруги не поддается. Да и она не подначивает: помнит, как мальчик в тот раз после их беготни плакал из-за того, что всю благодать растерял...

- А что тогда будем делать? – спрашивает девочка.

- Пойдем к мощам преподобного.

Преподобный Никита – небесный покровитель Никитушки. Он основатель этого монастыря, здесь же находятся его мощи. Бабушка читала мальчику, что «преподобный Никита – ученик, и как говорится в старинных книгах, родственник преподобного Сергия Радонежского. Родился святой примерно в 60-е годы XIV века в Подмосковье (не случайно в некоторых списках учеников Радонежского игумена он именуется Серпуховским или Боровским).

Монашеский путь преподобного Никиты начался в Высоцком Богородицком Зачатьевском монастыре близ Серпухова. В 1396 году святой стал игуменом обители, а около 1415 года из-за болезни глаз оставил монастырь и удалился на покой в Высоко-Покровский монастырь близ города Боровска. Здесь он являлся духовным наставником преподобного Пафнутия Боровского – будущего основателя Пафнутиево-Боровского монастыря.

В начале 20-х годов XV века преподобный Никита покинул Высоко-Покровскую обитель и направился на север, в Кострому, где в то время на окраине города основал Богоявленский монастырь.

Точное время кончины святого неизвестно (видимо, это совершилось в середине XV столетия); погребен он был в деревянном Богоявленском соборе основанной им обители. В 1559-1565 годах на месте деревянного построили каменный Богоявленский собор, нижняя часть которого стала усыпальницей; под юго-западной частью храма располагалась и гробница преподобного Никиты. После пожара 1847 года, уничтожившего практически весь монастырь, собор был восстановлен в 60-е годы XIX века, когда обитель стала женской и получила именование Богоявленско-Анастасиной».

Мальчик не все понял из того, что ему читали, но он твердо знает, что святой Никита его любит, и можно попросить его о чем угодно. Об этом он рассказывает Маше. Та не верит:

- И что, правда сбудется?

- Да.

- Я вот чего не прошу – ничего не сбывается никогда, - грустно улыбается девочка.

- А что ты хочешь?

- Мне хотелось бы путешествовать. Хотя бы раз с мамой съездить на море...

В ее глазах столько грусти, что Никитушка не выдерживает:

- Пойдем скорее к мощам, попросим преподобного!

Маша недоверчиво улыбается, но он тянет ее за руку. У мощей мальчик чинно крестится, и начинает говорить со святым так, как если бы он был тут перед ним:

«Преподобный Никита, помоги, пожалуйста, Марии; ей очень хочется съездить на море! Это не для баблства, ей правда нужно!»

Никитушка со страхом думает, что будет, если его молитва не будет исполнена: ведь это он знает, что значит исполнение просьбы было бы бесполезно, а Маша-то может разочароваться в обращении к святому. Поэтому уже про себя мальчик говорит, что пусть его просьбы не исполняются, лишь бы у Марии все получилось.

Девочка и хочет верить, и сомневается. Наконец, они целуют мощи, и идут к взрослым. На глазах Машинной мамы слезы:

- Машенька, представляешь, что тетя Света для нас сделала!

- Что? – девочка с любопытством смотрит на Никитину бабушку, и та отвечает ей сама:

- Зять хотел нас с Никитушкой на неделю в Крым отправить. А я знаю, как тебе хочется к морю, поэтому попросила его, чтобы он лучше эту путевку для тебя и твоей мамы купил. А мы успеем. Он сначала и слушать не хотел, но потом согласился.

Она не рассказывает, как тяжело дался ей этот разговор; муж ее дочери – человек прагматичный, ему трудно было объяснить, что можно «просто так» подарить пусть даже недорогую «горящую» путевку «чужим людям». Но Светлана сумела его убедить, и теперь счастлива.

Маша бросается ей на шею и целует:

- Как здорово!

Никита смущенно улыбается. Втайне он тоже мечтал съездить на море, но ведь он сам просил преподобного, чтобы сбылась не его просьба, а Машина. Поэтому он чинно говорит подруге:

- Всегда молись преподобному!

Но та лишь счастливо улыбается:

- Это ты умеешь, у меня не получается!

И она обнимает его. Мальчик краснеет. Он мечтает стать священником, когда вырастет. Но вот хорошо ли, если у батюшки матушка будет стюардессой? Чего прихожане скажут? Да, жизнь очень непроста...

Но Мария ничего не знает об этих его мыслях. Она счастлива.

- Пойдем, поблагодарим преподобного, - говорит она, беря Никитушку за руку.

Они опять идут к мощам, а женщины с улыбкой смотрят им вслед.

НА ГРАНИЦЕ МИРОВ

*Фантасмагория
в двух действиях*

Действующие лица:

Барт — профессор, религиовед, 70 лет

Павел — мужчина, влюбленный в Мэримэ, 30 лет

Мэримэ — фея

Лориэль - эльфийка

Великий Пан — фавн

Кот Карл — ученый кот

Герцог — хозяин замка масок

Заподлянский — проректор по инновациям, 30 лет

Пикова — советник по науке, 75 лет

Петров — профессор, друг Барта, 65 лет

Александр Иванович — заведующий кафедрой, друг

Барта, 50 лет

Пифия

Клото, Лахеса, Атропа — мойры

Заместитель министра образования и науки

Ректор университета

Наркоманы и гоблины в баре, преподаватели и студенты в университете, стража, маски в замке, обитатели волшебного леса.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Сцена первая

Кабинет в университете. Барт сидит за столом, на котором открытая бутылка водки, стакан и пачка сигарет. У стола стоит посетитель. Барт встает.

Барт. Спасибо, Илья Семенович, приходите еще, всегда интересно вас послушать! с улыбкой пожимает руку посетителю, который порывается что-то ска-

зять, но Барт, по-прежнему улыбаясь, обнимает его за плечи и провожает до двери.

Барт и Пикова.

Пикова. Кал Вгадимигович, не зактывайте двей!

Барт. Кто к нам пожаловал! Сама Адель Адольфовна! Как поживает ваш папа?

Пикова. Похабник! Он уже умер давно!

Барт. Не может быть! Вы же сами всем говорите, что вы девушка за тридцать... Так вы сирота?

Пикова. Ты сам знаешь, что семьдесят пять — это то же за тридцать.

Барт. В смысле?

Пикова. Ну ведь семьдесят пять больше тридцати?

Барт. Да.

Пикова (*торжествующе*). Значит семьдесят пять за тридцать!

Барт (*задумчиво*). У девушек за тридцать свои причуды, и чем больше им за тридцать, тем больше эти причуды...

Пикова. Ладно, ладно, Као Вгадимигович, думаете, что я не знаю, как вы за глаза называет меня дочкой Гитлера?

Барт (*делает удивленное лицо*) Не может быть! Впервые слышу!

Пикова. Охальник! Всю совесть пропил!

Барт. Но она у меня по крайней мере была!

Пикова (*бросает ему на стол бумаги*). Через неделю все это надо сделать!

Барт. Адель, вот посуди сама: я похож на обезьяну?

Пикова. В смысле?

Барт. В прямом. Зачем делать никому не нужный отчет толщиной в тысячу страниц?

Пикова. Но он же должен быть в документах!

Барт. Я предлагаю поступить проще. Нужно первую страницу напечатать как нужно, а дальше распечатать «Капитал» Карла Маркса.

Пикова. А если проверят?

Барт. Ну и что? Если проверит умный человек, то он дальше первой страницы такие гадостные бумажки смотреть не будет.

Пикова. А если не умный?

Барт. Он почитает «Капитал» Карла Маркса и помнеет. Вот мы и вернулись к пункту «а».

Пикова (*задумчиво*). В этом что-то есть...

Барт. Кстати, Адель Адольфовна, я знаю, что на самом деле вы, когда надо, «р» очень даже прекрасно выговариваете...

Пикова (*ехидно улыбается*) Да что вы говорите, Кал Вгадимигович? (уходит).

Барт вытирает пот со лба: посетители его утомили. Он выпивает полстакана водки, открывает стол и вытаскивает оттуда большую исписанную мелким почерком тетрадь.

Барт (*говорит сам с собой*). Мне ее вчера принес незнакомый мужчина. Может, стоит выбросить, не читая? *Раскуривает сигарету.* Тот человек произнес: «Это записки моего пропавшего брата. Мне сказали, что они могут быть вам интересны. Я начал читать, но мне показалось, что это какая-то чушь. У него вообще были странности: он, бывало, сидит, а потом на час или больше выпадает, и как будто в каталепсии. Какие-то видения у него были. Мне он говорил по секрету как-то, что бывал в иных мирах...» Я в этот момент еще посмеялся: «Еще сказал бы, что как апостол Павел был восхищен до третьего неба». «Я понимаю, что все это странно звучит,

- согласился посетитель, - если вы увидите, что это ерунда — можете выбросить».

Начинает читать.

Сцена вторая.

Ночной клуб.

Павел (*неуверенно переминается с ноги на ногу и оглядывается по сторонам. Говорит в сторону*) Зачем я сюда пришел? Тридцать лет мужику, а на тебе: поперся в ночной клуб. Что-то заставило меня сегодня все бросить и пойти в это заведение, пользующееся в городе недоброй славой, а вот что... Не тот ли сон, вот уже месяц снявшийся ему каждую ночь: прекрасная девушка с белыми волосами и глазами, становящимися при разном свете то карими, то серыми, величественная как царица, в длинном зеленом плаще, манила его, чтобы показать ему волшебную страну... Откуда-то у меня уверенность, что сегодня я встречу ее именно здесь. Откуда такая глупость в моей голове? Вот что значит год без женщины... Надо уходить

Мэриэм (*в зеленой кожаной куртке и зеленых джинсах, белые волосы в забраны в узел сзади*). Ты куда собрался? Разве я не велела тебе ждать меня здесь?

Павел (*вздрагивает; в сторону*) это девушка из моих снов. И надо же: ее глаза, только что карие, вдруг стали серыми...

Мэриэм (*смеется*). Ты чего испугался, это я линзы вынула. Ну что, Павел, давай знакомиться: я Миримэ!

Павел (*растерянно*). Миримэ... Что это за имя?

Мэриэм (*беззлобно смеется*). Не, ну вот хамло. Папа с мамой так называли, почему я знаю, что за имя? Говорят, что означает «свободная».

Павел. А откуда ты меня знаешь?

Мэриэм. Откуда? Да ты замучил меня своими снами: целый месяц зовешь на встречу. Пришлось согласиться, раз уж такой настойчивый...

Павел. Зову? Прости, я не понимаю...

Мэриэм. А что не понимать? Каждый день мне в снах говоришь, что жить без меня не можешь, просишься в мой мир, а тут на тебе: стоит и мнетса как пентюх. Короче: ты смотрел фильм «Матрица»?

Павел (*растерянно*). Смотрел. А при чем тут это?

Мэриэм. Там Морфиус дал Нео две таблетки: если принять одну, то проснешься у себя в постели и подумаешь, что это был сон, другую — сделать прыжок в неизвестность. Вот две таблетки: примешь красную — и пойдешь со мной в мой мир. Но обратно можешь не вернуться!

Павел (*усмехается*). Заманчиво. А белую?

Мэриэм. А что другую? Это просто тик-так. Освежишь дыхание, я тебя поцелую в виде бонуса и пойдешь в свою никчемную жизнь с воспоминанием как отказался от единственного стоящего, что в ней в принципе могло быть!

Павел. А мы увидимся потом?

Мэриэм. Если выберешь тик-так? Да ты видно совсем с дуба рухнул! Да даже коза с таким лохом не стала бы второй раз встречаться!

Павел берет красную таблетку и проглатывает ее.

Мэриэм (*довольно смеется*). Я знала, что ты не сможешь от меня отказаться!

Павел. А что я принял?

Мэриэм. Ничего особенного. Это лизергиновая кислота, ее еще ЛСД называют.

Сцена третья

Павел и Мэриэм оказываются в волшебном лесу. Павел в черном камзоле, Мэриэм в зеленом плаще.

Павел. Что случилось?

Мэриэм. Вариант А: лизергиновая кислота подействовала. Вариант Б: ты поверил мне и попал в мой мир. Какой тебе больше нравится, тот и выбирай.

Павел (*смеется*). Ты меня с ума сведешь!

Мэриэм (*спокойно*) Уже свела. Ну, так какой вариант тебе ближе? Я даю тебе еще один выбор, пока последний раз, чтобы заслужить третий, ты должен будешь очень постараться. Либо ты принял ЛСД, тогда через какое-то время ты придешь в себя, ужаснешься тому, что связался с психической дурой, и забудешь про все это через некоторое время. Либо — ты мне веришь и хочешь пройти со мной этот путь до конца. Но дороги назад не будет!

Павел (*смеется*). Ты смешная

Мэриэм (*невозмутимо*). Вот видишь, тебя прет как с травки. - Посмотри туда.

Павел видит, как за хрустальной дверью находится тот же самый клуб, в котором они только что были. Он посмотрел вокруг — их окружал мрачный лес.

Мэриэм (*заинтересованно*). А чего во мне хорошего? Оторва с травленными волосами, глаза одного цвета, линзы другого, в каком-то нефартовом зеленом прикиде. Чем я тебя зацепила?

Павел. Тем, что ты – это ты!

Мэриэмэ (*серьезно*). А вот это ты зря так! Такими словами не бросаются! А вдруг я поверю?

Павел (*твердо*) Я остаюсь здесь.

Хрустальная дверь пропадает

Мэриэмэ (*ее голос становится нежным и мелодичным*). Теперь пути назад нет. Что же, мой рыцарь, идем в мой мир, ты покажешь мне чего стоишь!

Павел. Где мы?

Мэриэмэ. В моем мире.

Павел. А поконкретнее?

Мэриэмэ. Ты слышал про параллельные миры?

Павел. Слышал.

Мэриэмэ. Так вот мы в одном из них.

Павел. А как это может быть?

Мэриэмэ (*смеется*) А как может быть, что ты есть? Ты знаком с философией людей, хоть немного?

Павел (*удивленно*) Людей? А ты разве не человек?

Мэриэмэ (*улыбается*). Об этом потом, прояви терпение. Ну, так знаком или нет?

Павел. Почти нет.

Мэриэмэ. Плохо! Так вот, еще в семнадцатом веке Джон Локк писал, что из образов (идей), возникающих у вас при восприятии вами окружающего мира, некоторые сходны с внешними источниками, порождающими в нас эти восприятия (например, протяженность, фигура, движение), а другие могут принципиально отличаться от тех внешних источников, не имея с ними ничего общего (например, запах, вкус, цвет и т.п.). Эту мысль до степени предельной идеализации довел английский философ восемнадцатого века Джордж Беркли, епископ, между прочим. Он утверждал, что только дух существует на самом деле, весь же материальный мир является одним обманом наших чувств; произвольность этого обмана

коренится в первоначальных представлениях, возбуждённых душой всех душ – самим Богом. В этом же веке находящийся под влиянием идей Локка и Беркли, шотландский философ Дэвид Юм поставил перед собой задачу – ответить на вопрос: каков же источник наших ощущений? При этом он приходит к выводу, что мы закованы в черте нашего восприятия и никогда не узнаем, что за ней. Значит, вопрос о том, каков источник ощущения – принципиально неразрешимый вопрос. Все может быть, но мы никогда не сможем это проверить. Никаких доказательств существования мира не существует. Нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Павел (*качает головой*) Все это так путано... Так к чему ты клонишь?

Мэримэ. К тому, что я реальнее всего, что было до этого в твоей жизни, если ты, конечно, вообще хоть что-то можешь понять... Туповатый мне достался кавалер! *Она смеется и ласково целует мужчину в щеку:* Я никогда не забуду того, что ты сказал, про то, что «ты – это ты»! А в отношении проблем с интеллектом — что же, может за время нашего общения ты и поумнеешь... Ведь ты призван...

Павел. Для чего?

Мэримэ. Записать историю нашего мира для людей.

Павел. А разве у вас некому ее записать?

Мэримэ. Дело в том, что нашего мира уже нет. Это мир смертных существ, более совершенных, чем люди, но не имеющих в отличие от них бессмертия души, которая могла бы воссоединиться с воскрешенным телом.

Павел. А где же мы, если этого мира нет?

Мэримэ. Это сложно сказать, я пробовала тебе это объяснить самыми простыми словами, которые только

могут быть, но ты не понял. Он существует в воспоминаниях, в мечтах, у кого-то в кошмарах...

Павел. Погоди, а кто же ты, если не человек?

Мэриэм (*нежно улыбается*). Фея. Слышал про таких? Обещаю не выбрасывать тебя потом где-нибудь на улице с оторванной рукой или ногой.

Сцена четвертая

Барт сидит у себя в кабинете и читает тетрадь, на столе стоит бутылка коньяка, к нему заходит Заподлянский

Барт (*хмуро*) Чем обязан вашему визиту, господин Заподлянский?

Заподлянский (*доверительно*) Видите ли, господин Барт, - *наклоняется к нему, затем присаживается на стул, без спроса раскуривает сигарету и отпивает прямо из горлышка бутылки приличный глоток коньяка, -* меня тут заинтересовала одна вещь...

Барт (*грустно*) Где опохмелиться?

Заподлянский (*смеется*) Нет, конечно! - *затем смотрит в глаза Барта и говорит:* - Я вам сейчас целую принесу!

Заподлянский выходит и тут же возвращается с бутылкой самогонки, половину которой сразу сам отпивает.

Заподлянский. Видите ли, мне нужна ваша консультация как религиоведа.

Барт (*недоверчиво*) Да ну?

Заподлянский (*с жаром*) Именно так! Дело в том, что люди, которых я не могу заподозрить в неэффективности или некомпетентности, сказали мне о возможно-

сти на много порядков повесить уровень нашего вуза. Но они говорят странные вещи...

Барт Например?

Заподлянский О персонифицированных проявлениях высшего разума, с которыми можно вступить в контакт, и если им поклониться, то можно очень многое получить...

Барт (*небрежно*) Ну, продажа души дьяволу всегда существовала...

поспешно залпом допивает коньяк, пока незваный гость не сделал это за него.

Заподлянский Фи, как это ненаучно! А у вас есть научные объяснения этого феномена?

Барт У меня нет. Но у ваших новых знакомых, похоже, есть.

Заподлянский (*успокоенно*) Да, они говорят прямо теми же словами, как в официальных документах Минобрнауки...

Барт Ну, если так...

Заподлянский А вот тот ... эээ... феномен, который вы назвали; он сопровождался признаками эффективности?

Барт (*кивает*) Бывало

Заподлянский И эти признаки имели вполне обозримый материальный характер?

Барт Ну да. Был случай, когда предлагались все царства мира...

Заподлянский (*взволнованно*) Все так!

Выбегает из кабинета.

Барт (*насмешливо кричит ему вслед*) Куда вы? Я же не договорил. Эти силы никогда не платят рубль за того, кто не стоит и копейки!

Барт грустно усмехается и вновь начинает читать.

Сцена пятая

Павел и Мэримэ в лесу. Им встречаются две дриады.

Первая дриада (*обращаясь к Мэримэ*) Как это смертный смог попасть в наш мир?

Мэримэ А может это вообще мой жених, ваше-то какое дело?

Вторая дриада (*весело*) Вот это да!

Дриады смеются и уходят.

Павел (*к Мэримэ*) Жених? Так сразу?

Мэримэ (*весело*) А чего тянуть? Или ты против?

Павел Нет, но...

Мэримэ Вот и не обламывай девушку!

Павел, Мэримэ и Великий Пан.

Мэримэ (*Павлу, тихо*) Мы к нему. Не бойся. Он не злой и не добрый, никакой. Это Пан.

Великий Пан Великий Пан.- правильнее было бы сказать. Так ты убежала от меня тогда, чтобы сберечь себя для этого смертного?

Павел (*заинтересованно*) О чем это он?

Мэримэ (*спокойно*) Не грузись. Он бегаёт за всем, что шевелится. Но если не догнал, то не сильно и парится.

Великий Пан Это так. Что же, Мэримэ, жизнь в мире людей, куда ты решила отправиться исказила твой язык, который теперь более подходил бы к моей внешности.

Павел. А зачем бегаёт?

Великий Пан (*без тени иронии*) Догадайся с одного раза. Зачем ты бегал за той девчонкой тогда давно на выпускном?

Мэриэмэ (*возмущенно*) Вот это новости! Надо же чего выясняется! Везде одни козлы.

Великий Пан (*философски*) Такова мужская природа. Но успокойся, он не догнал ее...

Павел (*невпопад*) А как же: «умер Великий Пан»?

Мэриэмэ наступает ему на ногу.

Великий Пан (*спокойно*) Так же. Мы тоже ведь ограничены смертью, которую создали Адам и Ева.

Павел (*удивленно*) Они создали смерть?

Великий Пан. А кто? Бог зла не создавал. Смерть – это зло. Она – следствие их греха, поэтому можно говорить о том, что они создали ее...

Павел Мэриэмэ говорила, что ваш мир существует лишь в воображении...

Великий Пан Это ты так понял то, что она сказала.

Павел Как же вы есть, если вы умерли и не обладаете бессмертной душой?

Мэриэмэ Мы же – часть материи. А одним из атрибутов материи является её неуничтожимость, которая проявляется в совокупности конкретных законов сохранения устойчивости материи в процессе её изменения.

Павел Но она же сохраняется в измененном виде. Почему же вы такие, как были раньше?

Великий Пан (*спокойно*) Почему такие же? Раньше я ее догнал бы. И потом, то, как ты нас видишь — это же плод твоего восприятия, не значит, что мы такие на самом деле.

Павел (*к Мэриэмэ*) Зачем мы к нему пришли? - спросил мужчина.

Мэри́мэ (*довольно улыбаясь*) Ревнуешь? Или боишься, что не сможешь защитить, если что? Мы не могли миновать встречи с ним. Он даст тебе способность видеть мир, в котором мы сейчас. В его власти ослепить и оглушить людей, лишить разума и заставить сколь угодно долго блуждать в лабиринтах и чашобах собственных иллюзий. По орфической теологии он – Фанес – создатель фантазии («фанетии»), участник хаотической игры миров и пастух звездных хороводов.

Павел (*тянет ее за руку*) Пошли уже отсюда!

Великий Пан (*также спокойно*) Да идите.

Дает Павлу какой-то футляр.

Павел Что это?

Великий Пан Очки. Через них ты сможешь увидеть наш мир. Они круче, чем ЛСД.

Великий Пан уходит.

Сцена шестая

Павел надевает очки, и они с Миримэ оказываются на горном склоне, откуда с одной стороны просматривается необъятная равнина, с другой – бушующее море.

Павел Где мы?

Мэри́мэ (*спокойно*) В Атлантиде.

Павел Как так может быть?

Мэри́мэ В нашем мире все может быть. Да и в вашем мире: разве так уж просто провести грань между тем, что миф, а что реальность? Возьми историю. Десятки тысяч исторических источников, свидетельствующих о гномах, эльфах, великанах, феях, — все они объявляются «мифами», так как не укладываются в позитивистскую картину мира, которую может вместить примитив-

ное сознание тех, кто распоряжается у вас сейчас, тем, что правда, а что нет. И в то же время: антихристианин-банкир финансирует экспедиции, которые находят останки нескольких разных существ, складывают кусочки костей и создают легенду о предке человека, переходном этапе от обезьяны. Сочиняют как жил этот человек, даже как он думал — все на основании нескольких кусочков костей. И это называется наукой. Так, где грань между мифом и реальностью?

Павел Почему погибла Атлантида?

Мэриэмэ Ты не читал Библию? О сынах Божьих, которые прельстились красотой дочерей человеческих, об исполинах, появившихся вследствие их союзов?

Павел Я слышал об этом, но думал, что это сказки...

Мэриэмэ А не все ли вообще сказки? То, что говорит вам правительство, данные статистики, даже то, что ты сам о себе думаешь? Почему люди так думают, что они исключительны, что то, что непривычно — не может быть в принципе? Ты не считаешь, что для человека начала двадцатого века интернет воспринимался бы как колдовство?

Павел Вряд ли, тогда ведь верили в торжество и всемогущество человеческого разума.

Мэриэмэ Да, поэтому и сейчас многие так легко верят в любую бесовщину, если она наукообразна. Ты не задумывался о том, что машины, взбунтовавшиеся против людей, многих вдохновляли на создание книг и фильмов? Этот образ начинает заботить и авторов научных статей. По мнению одного из них, в ситуации интерфейса, в интерактивных системах человека и машин инициатива решений неотвратимо смещается в пользу искусственного интеллекта. Для человека компьютер-

ные, программные решения выступают как шаманство, непонятное и самим шаманам. Социотехносфера - это сложная, нелинейная система, которая недоступна уму, чувствам, сознанию, интуиции человека, ибо эта система враждебна культуре и биосфере, а потому не может ждать от них милости, действуя сама по себе как судья, диктатор и судьба, истребляя малейшие признаки понимания.

Павел А если попонятнее?

Мэриэмэ Я и забыла, с кем разговариваю... Если понятнее: вам проще верить, что искусственно созданные вами игрушки обладают собственным разумом, чем в то, что через них вы позволяете действовать древним духам тьмы, которые мучают и наш мир.

Павел А как же они могут действовать через машины?

Мэриэмэ Так же, как и через магические обряды. И там и там соблюдение определенных действий ритуала влечет неизбежно одну и ту же реакцию, об истинных причинах которой, а главное — чем ему за это придется платить – колдун зачастую знает больше ученого...

Павел Если эти древние духи так могущественны, то почему они не могут действовать непосредственно?

Мэриэмэ Ты забыл, что Христос, Своим сошествием во ад и воскресением связал их владыку? Они должны получить ваше согласие для того, чтобы в полной мере мучить вас.

Павел (смущенно) Мэриэмэ, нескромный вопрос: а ты, Пан — вы тоже духи тьмы?

Мэриэмэ Нет, мы же существа, облеченные в плоть.

Павел Но вы же умерли, тогда кто вы сейчас?

Мэриэмэ Фантазия, которая не умирает, и которая для тебя сейчас и есть твоя настоящая жизнь.

Павел Где же грань между тем, что реально, а что нет?

Мэримэ Реально то, во что ты искренне веришь всем сердцем... *Мэримэ вытирает набежавшую слезу и говорит:* - Пойдем, посмотрим эти места.

Сцена седьмая

Барт читает в кабинете, к нему заходит Петров

Барт (*искренне*) Иван Николаевич, дорогой, как рад тебя видеть! *Поднимается из-за стола и обнимает друга.* - Единственное — не могу ничем тебя угостить, нет ничего кроме этой заподлянской самогонки...

Петров (*весело*) Почему заподлянской?

Барт (*ему в тон*) Потому что ее принес Заподлянский.

Петров Это который Акакий Павсикахиевич?

Барт Он самый.

Петров Ну что же делать. Помнишь историю с кантом?

Оба смеются.

Барт Да, как сейчас все перед глазами. Помню, на заседании кафедры научного атеизма доцент Требушинский с серьезным видом рассказывал:

- Эта, с позволения сказать религиозная группа, периодически распевала, так называемые «канты», в которых проповедовался пессимизм, подрывающий веру советского человека в строительство светлого коммунистического будущего. Так в них содержатся такие упадочнические положения:

«Житейское море играет волнами,

В нем радость и горе всегда перед нами.

Никто не ручится, никто не узнает,
Что может случиться, что завтра с ним станет.
Сегодня ты весел и жизнью доволен,
Раздолья круг тесен, а завтра ты — болен.
Богат ты сегодня, пируешь роскошно,
Но волю Господню узнать невозможно.
И, может быть, завтра, больной и с сумою
Пойдешь ты скитаться с горючей слезою».

Подобная, с позволения сказать, «поэзия», разрушительно влияет особенно на неокрепшие умы, духовно скудные, не имеющие подлинного классового сознания, твердости коммунистических убеждений.

Петров. А помнишь, как он, также со ссылкой на уполномоченного рассказывал о том, как духовенству противно было слушать проповедь архиепископа, заявившего, что диалектический материализм является ложным учением. «Священнослужители просто плевались: до того неприятна была им эта клевета на диалектический материализм из уст официального представителя церковной иерархии», - вещал доцент.

Барт А к чему ты про кант вспомнил?

Петров Ну как же: вот ты пировал роскошно, а теперь все выпито, и если бы не я — скитаться тебе с сумою с горючей слезою. Но я принес тебе надежду! *Достает из портфеля бутылку водки «Надежда».*

Барт (одобрительно) Это хорошо! А у меня на этот случай была припрятана банка соленых огурцов.

Достает маленькую банку огурцов.

Барт (ностальгически) А помнишь, как Требушинский вещал тогда про гражданские обряды?

Петров Ну, еще бы. Полная десекуляризация посоветски. (*Передразнивая Требушинского*): И не только надо отнимать у церкви народные обряды, но и созда-

вать свои. Многие праздники входят в жизнь. В Петрове, Мухославске и Гадюкине стало традицией проводить праздник вручения первого паспорта. На петровском меланжевом комбинате родился обычай посвящения в рабочие. А на гадюкинском «Электроконтакте» проводят «День первой получки». Во всех райкомах и горкомах ВЛКСМ области проходят праздники вручения комсомольского билета. Обычаем стало торжество после окончания школы, вуза. Если обряд не эстетичен, не своеобразен, то он не будет жить, вся его сила пропадет. Дело драматургов, режиссеров, писателей создать сценарии обрядов. Ведь обряд в известном роде – массовое театральное действие. И кому, как не им, написать его? Написать такой, чтобы он был красивее церковного, соответствовал духу времени». Но главное – надо в любой праздник, имеющийся или создаваемый, вложить идею; идею нашу, коммунистическую, революционную, и приложить максимум творческой инициативы, изобретательности, выдумки, чтобы идейное содержание и эмоциональная форма дополняли друг друга, удовлетворяли советских людей и воспитывали их. (*громко смеется и спрашивает Барт*): А помнишь, как потом, когда кафедр научного атеизма не стало, он примазался к духовной академии и учил как по научному нужно писать богословские диссертации? -

Барт (*кивает*) Ну да. (*передразнивая Требушинского, начинает знусавить*): - Подлинную научность диссертационному исследованию придает его изначальная методологическая опора на источники, являющиеся непререкаемым духовным авторитетом. Без этого никакие новые, с позволения сказать, «открытия», не будут иметь никакого веса. Если в философских диссертациях, основываясь на базисе классового сознания, диалекти-

ческом и историческом материализме, в начале работы мы всегда рассматривали труды Карла Маркса и Фридриха Энгельса, затем Владимира Ильича Ленина, затем основополагающие документы Коммунистической партии Советского Союза, материалы последних пленумов, то в богословских диссертациях необходимо начинать с Библии, затем с цитат Святых Отцов, затем с постановлений Соборов, обращая особое внимание на постановления последних из них...

Петров (усмехаясь) Самое главное, что методологически он прав, но по факту и атеистические и богословские диссертации получались такими, что весь смысл из них вымаран...

Друзья выпивают.

Барт А помнишь про то, как в одном храме к Пасхе покрасили иконостас в красный цвет, а глупые прихожане и не менее глупые советские работники подумали, что это к Первомаю и что из этого вышло?

Сцена восьмая

Они же, идут из университета к дому Барта

Барт. Ты вот мне скажи: если у Бога нет времени, то ведь Второе Пришествие уже произошло?

Петров Сложно сказать. Для нас-то оно не произошло. А как богатому в притче о Лазаре было сказано: ни от нас туда не переходят, ни оттуда к нам.

Барт То есть, есть параллельный мир, в котором Воскресение мертвых уже произошло, и мы там с преобразенными телами?

Петров Э, куда тебя понесло! Для нас его нет.

Барт Почему?

Петров Потому что для нас еще ничего не определено... где мы будем и с какими телами... Возможно, с такими, что и представить страшно...

Барт (*поешивается*) Пожалуй, ты прав. То, что Богу известно, что с нами будет, и то, что у Него уже совершается в параллельном мире, наше будущее для нас не есть детерминизм; свобода выбора определяет наше бытие...

Петров Вот это уже более разумные слова. Помнишь, как долго мы шли к тому, чтобы понять, что такое чудо?

Барт (*улыбается*) Нам тогда Лосев здорово помог, - *декламирует по памяти длинную цитату*: - «если взять христианскую мифологию, то творение мира есть величайшее чудо, искупление – величайшее чудо, рождение, жизнь и смерть человека – сплошное чудо. Спрашивается: что же такое является тогда чудом, если нечуда вообще никакого нет, если вся мировая и человеческая жизнь, со всеми ее мелочами и подробностями, есть сплошное чудо? ... Не нарушение законов природы есть чудо, а, наоборот, установление и оправдание, их осмысление. С точки зрения мифического сознания чудо-то и есть установление и проявление *подлинных, воистину нерушимых законов природы*».

Петров (*оживленно*) А помнишь, как он хорошо написал о материи? *также по памяти цитирует «Диалектику мифа»*: «Если материя вещи есть реальность вещи и больше ничего, то материалисты – Платон, Аристотель и Плотин, ибо они признавали реальность космоса и даже давали его великолепную диалектику; материалисты – все Отцы Церкви, ибо они признавали реальность Бога, реальность творения мира, реальность творения и грехопадения человека, реальность Христа и

всей евангельской истории, реальность гибели и спасения людей».

Барт Чему нас научили в нашем атеистическом прошлом — это заучиванию цитат, - усмехнулся Карл Владимирович. - Даже в таком состоянии, они не вылетают у нас из головы... Но вот мы и пришли. Зайдем ко мне? У меня есть бутылка бренди.

Сцена девятая

Павел и Мэриэмэ идут рядом.

Мэриэмэ Здесь неподалеку живут титаны.

Павел А кто они такие? Я много читал разного... В древнегреческой мифологии — это одни существа, в Библии исполины — это что-то иное...

Мэриэмэ (*улыбается*) Не нужно слишком буквально понимать поэтические источники. с Мне всегда казалось забавным, когда некоторые буквалисты говорили, что в начале книги Бытия дана исчерпывающая картина творения мира, потому что Моисей видел ее своими глазами. Пусть видел; но ведь другой увидел бы это же самое совершенно иначе! Вот скажи мне, какими ты видишь мои глаза?

Павел (*не раздумывая*) Как два бездонных океана, в которых собрана вся красота мира!

Мэриэмэ (*довольно улыбается*) Верю. А вот твоя бывшая жена наверняка сказала бы, что видит подслеповатые золотушные глаза, совершенно ничего не выражающие... И это только один аспект проблемы. Другой в том, как выразить то, что ты увидел. Не все могут облечь свои мысли в слова, не все обладают для этого необходимым понятийным аппаратом. Даже если человек про-

рок и видит больше, чем могут видеть остальные — собственный-то разум у него остается прежним, и он может изложить то, что видит только сквозь его призму...

Павел (смеясь) Тебе бы на кафедре философии преподавать.

Мэриэмэ (ему в тон) Это, наверное, было бы неплохо, мне нравится говорить о таких вещах. Некоторые из наших живут в вашем мире, даже успешно сходят за людей обычно...

Павел Как же такое может быть, если ваш мир — мир фантазии, и вас всех уже нет?

Мэриэмэ (обиженно) Вот это мило! А в кого же ты влюбился? Нет нас, видите ли!

Павел Ты поняла, что я не об этом. А все-таки?

Мэриэмэ Дело в том, что вымерли не все. Кто-то еще живет, много тех, кто вступил в смешанные браки с людьми. Особенно среди гоблинов, гномов таких полно, - уже серьезно сказала фея.

Павел А бывает, что кто-то из вашего мира по эту его сторону становится частью нашего?

Мэриэмэ Ты читал сказку Андерсена «Русалочка»?

Павел Да, но смутно помню.

Мэриэмэ Ей не хотелось через триста лет превратиться в морскую пену, она желала иметь бессмертную душу, как люди. Бабушка ей интересно сказала, что нужно для того, чтобы этого достичь: «пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и велит священнику соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу; тогда частица его души сообщится тебе, и ты будешь участвовать в вечном блаженстве человека. Он даст тебе душу и сохранит при себе свою. Но этому не бывать никогда!

Ведь то, что у нас здесь считается красивым, — твой рыбий хвост, люди находят безобразным: они мало смысляют в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки — ноги, как они их называют».

Павел Там вроде грустно все кончилось?

Мэриэмэ Грустно, потому что для достижения своей мечты она обратилась к ведьме. А тот, кто обращается к силам тьмы не получает никогда ничего доброго. Тот, кого она любила, женился на другой. Но русалочка не убила его для того, чтобы спасти свою жизнь и стать прежней, она предпочла этому смерть и превращение в морскую пену.

Павел Грустно...

Мэриэмэ Почему? Она не умерла, а стала одной из дочерей воздуха.

Павел Это кто такие?

Мэриэмэ Тоже один из видов смертных существ. Как они сказали русалочке: «У русалки нет бессмертной души, и она не может приобрести ее иначе как благодаря любви к ней человека. Ее вечное существование зависит от чужой воли. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они сами могут приобрести ее себе добрыми делами. Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, и навеем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и приносим с собой людям исцеление и отраду. По прошествии же трехсот лет, во время которых мы творим посильное добро, мы получаем в награду бессмертную душу и можем принять участие в вечном блаженстве человека. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, что и мы, ты любила и страдала,

подымись же вместе с нами в заоблачный мир; теперь ты сама можешь обрести бессмертную душу!»

Павел Андерсен, похоже, неплохо разобрался в вашем мире?

Мэриэмэ (лукаво) В каком таком нашем? Он теперь и твой. Кстати, неплохо бы тебе перед встречей с титанами пройти некоторый инструктаж. Давай зайдем к одному ученому коту, вот его жилище неподалеку.

Павел Коту?!

Мэриэмэ Ну да. Титаны его не удивляют, а говорящие коты, видите ли, удивляют! Идем уже!

Сцена десятая

Павел и Мэриэмэ подходят к большому дереву, обмотанному цепью, по которой ходит Кот Карл.

Мэриэмэ (тыкает Павла в бок локтем и шепчет ему на ухо) Ты с ним повежливей. Не вздумай назвать его на «ты»!

Павел Что он круче даже Пана?

Мэриэмэ В своем представлении да.

Павел А что мне до его представления?

Мэриэмэ Ты должен получить от него ответ на вопрос, куда тебе дальше идти. Если ты его обидишь, он не скажет.

Павел Понятно... И как к нему обращаться?

Мэриэмэ Господин Карл. Можно мессир или сэръ.

Павел Почему Карл?

Мэриэмэ Зовут его так! Тише ты, он нас сейчас услышит!

Кот не спеша вытаскивает из под корня бутылку с какой-то жидкостью, залпом отпивает половину и мутным взглядом смотрит на тех, кто к нему пришел:

Кот Карл Что вам нужно, молодые люди?

Мэримэ Мессир, вот этому молодому человеку нужны ответы на вопросы о смысле бытия. Мы были у Пана, сейчас хотим встретиться с кем-то из титанов, но перед этим решили посоветоваться с вами — правильно ли мы избрали путь...

Кот Карл (*категорично*) Сразу скажу, что нет. Пана можно было увидеть, а вот к титанам идти не стоит...

Павел А почему главного фавна зовут Пан?

Мэримэ наступает ему на ногу.

Кот Карл (*пьяно усмехаясь*) Потому что это как в Польше: пан тот - у кого больше, - увидев осуждающий взгляд *Мэримэ*, начинает оправдываться: - А что? Это аллегория, и с определенной точки зрения не лишенная определенного смысла. Неизбывная мужская сила это то, что отличает Великого Пана...

Мэримэ (*нетерпеливо*) Мессир, мы не за этим пришли, простите моего друга за глупый вопрос.

Павел А почему к вам нужно обращаться мессир?

Мэримэ наступает ему на ногу второй раз, он вскрикивает.

Кот Карл (*важно*) Потому что я профессор. И то, что вы видите меня котом — это всего лишь особенность вашего восприятия окружающего мира. На самом деле, я вполне обычный человек...

И тут же допивает оставшуюся половину жидкости из бутылки.

Павел Сэр, а вы профессор по каким наукам?

Кот Карл (*медленно*) Я специалист по религии и мифологии.

Павел А почему мне не нужно идти к титанам?

Мэри́мэ (*одобрительно*) Наконец-то разумный вопрос!

Кот Карл. Потому что ты не сможешь вместить того, что они тебе скажут.

Мэри́мэ (*быстро*) Я об этом думала. Извини, Паша, но ты слегка туповатый...

Кот Карл Заметьте, я сказал это более пристойным и не оскорбительным образом!

Мэри́мэ Куда же мне его отвести?

Кот Карл К Пифии.

Мэри́мэ (*вздыхает*) Но это же в десяти тысячах километров отсюда. Как мы туда доберемся?

Кот Карл Ты, похоже, заразилась тупостью от твоего нового друга. Вот к чему приводит неразборчивость в выборе партнеров!

Павел (*возмущенно, заступаясь за Мэри́мэ*) Я бы вас попросил! И вообще я ее люблю!

Кот Карл (*смотрит на него теперь с интересом*) Вам положительно нужно к Пифии. Видите вот ту оправу из-под картины, в которой ничего нет на той ветке?

Павел (*неуверенно*) Ну...

Кот Карл Пройдите через нее, и вы окажетесь у Пифии.

Павел (*сомневаясь*) Это шутка?

Мэри́мэ (*шепчет ему на ухо*) Нет, конечно, это портал. Бежим скорее, пока он не передумал, - к Коту Карлу - Большое спасибо, мессир!

Пейзаж вокруг них изменяется.

Мэри́мэ Любишь, значит?

Павел (*кивает*) Да.

Мэри́мэ Если ты не шутишь, то тогда действительно он отправил нас туда, куда нужно.

Сцена одиннадцатая.

Павел, Мэримэ и Пифия. Поотдаль за столом сидят и ткут пряжу мойры, Павел и Мэримэ пока их не замечают.

Павел Кто такая Пифия?

Мэримэ Сейчас увидишь.

Павел А это что за обкуренная девка идет к нам навстречу в таком странном красном прикиде?

Мэримэ топает ему по ноге, он вскрикивает.

Мэримэ (тихо) Это Пифия.

Пифия (усмехаясь) Кто пришел! А у меня сегодня как раз гости!

Мэримэ видит мойр и бледнеет.

Павел (испугавшись за нее) Что с тобой?

Мэримэ (со страхом) Это Мойры. Так вот почему кот нас так быстро сюда послал: он хотел, чтобы мы их застали!

Пифия (пожимая плечами) Не то чтобы хотел, - это просто предначертано. Но молодой человек, похоже, не знает кто такие мои гости. Давайте я вам их представлю.

Они подходят ближе к столу.

Пифия (извиняюще улыбаясь) Этот смертный юноша не знает вас. -

Клото (бесстрастно) Было бы удивительно, если знал. Представь ему нас. О нем самом мы все знаем...

Пифия Итак, перед тобой три сестры. Та, что говорила с тобой сейчас, - Клото. Нить, которую она прядет, — нить твоей жизни с самого рождения. Та, что рядом с ней, — Лахеса. Ее нить определяет твою судьбу. И самая грозная из них — Атропа. Она перережет эту нить,

когда придет твой час... Ты хотел задать вопросы мне, но они знают больше меня. Спрашивай их!

Павел А что я должен спрашивать?

Мэримэ наступает ему на ногу, и он вскрикивает.

Пифия (улыбаясь) Он прикольный парнишка. Жаль его...

Лакеса Почему же жаль? Он сам выбирает какую нить мне ткать.

Атропа Более того: ему будет дан шанс выбирать – перерезать ли мне его нить, но не так, как делают это безумцы, желающие самостоятельно прервать свою жизнь, а так, как это делают те, кто осознают, что есть вещи дороже жизни и страшнее смерти.

Пифия (с интересом смотрит на Павла, затем на Мэримэ, обращаясь к ней) А это ведь все из-за тебя!

Мэримэ (испуганно) Что из-за меня?

Пифия Из-за тебя он ушел из-под власти Мойр. Это редко кому из смертных удается. Но он, правда, тебя любит... И вот еще: Мойры тебя не видят, а я... Что это? - *Пифия покачнулась.* - Клото, неужели у тебя в прялке появляется и ее нить? Но почему она такая прозрачная?

Клото Она может стать человеком. Это зависит от этого мужчины. Больше я пока ничего не вижу.

Мэримэ Но мне говорили, что он должен написать книгу о нашем мире...

Клото Книга — это такая мелочь! Самая важная книга — это книга, которую пишут своей жизнью.

Пифия Мы слишком много вам рассказали, идите отсюда. Но помните, что шанс, который вам дан мало кому дается.

Лакеса (с тенью интереса Павлу) Скажи мне, неужели жизнь этой девушки и правда может стать для тебя дороже собственной?

Павел (*осторожно, но уверенно*) Это вопрос, на который легко ответить утвердительно, а потом не справиться с ответственностью груза этих слов. Ведь даже апостол Петр сказал, что готов умереть за Христа, а потом трижды отрекся от Него за одну ночь. Я скажу осторожнее: она того стоит!

Лакеса (*смотрит на Мэримэ и качает головой*)
Надо же! Повезло тебе! Еще и умный!

Павел и Мэримэ отходят от Пифии и мойр.

Мэримэ (*хватает Павла за руку и заглядывает ему в глаза*) Это правда, то, что ты сказал?

Павел (*тихо*) Да.

Мэримэ (*быстро целует его и плачет*) Долго и счастливо — это не про нас. Видимо, нам придется через это пройти...

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Сцена первая

Барт сидит за столом у себя в кабинете и читает рукопись, к нему заходит Александр Иванович

Александр Иванович Есть время поговорить?

Барт. Конечно! Заходите.

Александр Иванович Меня всегда удивляет, насколько легко люди, закончившие школу западного образца (советскую или российскую), могут отказаться от очевидных вещей, о которых они узнали в этой школе. Я физик, более того, я технарь. Это значит, что я не

просто физик, а практикующий физик. Технари мыслят более рационально, прагматично и материалистично, чем физики, тяготеющие к абстрактным моделям. Поэтому когда мне говорят о чудесах, на которых стоит Церковь Христа, меня это не воодушевляет. В Христа я верю независимо от того, какими чудесами подкрепляет Церковь эту веру. Как физик, я убежден, что у каждого чуда есть своя механика. И когда на Гроб Господень сходит священный огонь, я вижу в этом не более чем химический процесс. При этом я остаюсь христианином, веря в то, что этот химический процесс инициирован Богом.

Барт Но вы же тоже отказались от многих очевидных для ученика советской школы воззрений; вообще, учитывая ваши научные поиски в сфере теории информации, думаю, что в СССР я был бы более понятен, чем вы. В отношении чудес: почему, например, вы верите в постоянно расширяющуюся вселенную и не верите в умножающиеся хлеба (при насыщении пяти тысяч человек пятью хлебами)? Наверное, у каждого чуда есть своя «механика», но вы правы, что смысл не в ее поиске, хотя если вам понятно больше, чем другим, то само по себе это хорошо. Но не нужно думать, что человеку может быть понятно все.

Александр Иванович А я не понимаю, почему христиане не хотят привести свой догмат в соответствии с накопленными фактическими знаниями?

Барт Вы же сами пишете в своих работах о том, как относительно наши знания. А догматы очерчивают то, что никакими знаниями и научными теориями нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Как можно доказывать или опровергать догмат Святой Троицы, если Бог в существе Своем непостижим? Как можно отвергать возможность приснодевства Пресвятой Богородицы, если

речь идет о новом создании Человека, еще более чудесном, чем создание Адама? Догматическое учение Церкви формировалось в больших спорах и поисках, оно чем-то схоже с математикой. Почему, например, мы верим, что «дважды два - четыре»?

Александр Иванович Все равно мне кажется, что когда теология начинает отстаивать библейские частности, это проигрышная позиция.

Барт Согласен, но еще более проигрышная, когда она бежит подстраиваться под новомодные научные теории, над которыми будут смеяться через тысячу лет. История дает множество примеров, во что может выродиться христианство, гонящееся за модой и мудрецами «века сего». И еще: догматика - это совсем не библейские частности.

Александр Иванович Давайте вернемся еще к природе идей, о которой мы говорили в прошлый раз. Я считаю, что человек не создает идеи, он их воспринимает и воплощает в реальность. Наука пока еще на эту тему мало что может сказать, так как природу идей, законы формирования и реализации идей наука практически не изучает. Философы любят порассуждать на эту тему, но философия - это все-таки не совсем наука, у нее свой метод. Об этом размышлял Юнг. Современные нейрофизиологи (Экклз, Бехтерева) высказывают свои предположения по этому вопросу. Казначеев, Горяев пытаются разрабатывать этот вопрос с позиций физики. Я пытался вытащить эту проблему на научную основу. Вывод примерно один: человеческое «я» не ограничено мозгом и является некоей подсистемой единой энергоинформационной (полевой, голографической) системы, не ограниченной в пространстве. Именно в этой системе рождаются идеи. Правда, они не столько рождаются, сколь-

ко воспринимаются нами. Нечто большее пока сказать трудно.

Барт Приведу такой пример: человек хочет построить дом, - задумчиво ответил Барт. - Он ведь берет кирпич, цемент, песок, дерево и стекло вне своего тела. Но чтобы их все собрать в один дом, нужна творческая деятельность человека. Душа не ограничена мозгом, она пронизывает все тело человека, она ограничена в пространстве. Человек может воспринимать чужие идеи, но может создавать и свои, создавать то, чего никогда не было. Идеи – это не персонифицированные существа, они возникают в результате деятельности разумных личностей, которые могут быть носителями или творцами нескольких идей. Впрочем, здесь у нас, наверное, вопрос в терминологии, мы порой одно и то же называем по-разному. Вообще, чувствуется ваше увлечение язычеством...

Александр Иванович Я не знаю, кого имели в виду древние евреи, когда говорили про язычников. Но это явно были не северные племена моих предков. Я не знаю, каким было русское язычество до прихода к нам христианства, а историкам я не верю. Сегодня я могу лишь наблюдать остатки язычества в моем народе (я имею в виду, прежде всего, деревенский уклад, а не повернутый на эклектической магии сумасшедший город).

Барт (улыбаясь) Таким образом, защищая язычество, вы фактически защищаете лишь мифологему, созданную вашим сознанием, не зная досконально сути явления. А для ученого это неправильно, - улыбнулся Карл Владимирович.

Александр Иванович Вы знаете, в деревне живут (пока еще) простые люди, которые в наших с вами беседах вряд ли поймут хотя бы пару слов. Но древняя муд-

рость и чистота этого христиано-языческого уклада (все христиане, но уклад и культура языческие) у меня не вызывает никаких ассоциаций с тем, что это мир гибели, продавший душу дьяволу, точнее падшим духам. Причем, чем дальше от города, тем больше остатков язычества и тем чище нравы и ближе, как мне кажется, к истонному совершенству, которым когда-то Бог наделил первозданный мир. Поэтому, называя себя христианином, я не питаю отвращения к остаткам русского язычества.

Барт На мой взгляд, обобщения здесь невозможны. Есть места «дальше от города», где люди видят в природе храм Божий и имеют чистые нравы, а есть (и в России их большинство), где почти все либо спиваются, попутно совершают самые разные грехи, либо бегут из этих мест поближе к «цивилизации». Что считать «языческими» культурой и укладом? Если поклонение духам тьмы, святочные гадания, магические действия «накануне Ивана Купалы» и ассоциирование всего этого с христианством – то это грех. Если бережное отношение к природе – то это освящение христианством того хорошего, что было в язычестве.

Александр Иванович Но ведь осквернение храма природы сделали вовсе не язычники!

Барт Это начали Адам и Ева и продолжают делать почти все люди, живущие на земле.

Александр Иванович То есть вы согласны, что болезнь этого тела природы исходит не от нее самой, а от человека?

Барт Конечно, христианство ведь и учит, что процесс разрушения природы был запущен грехопадением Адама и Евы и увеличивается по мере увеличения общего количества человеческих грехов. У людей помимо

личностного есть и общее – иначе не могли бы все согрешить во Адаме и все (кто деятельно захочет) быть спасены во Христе.

Александр Иванович Если я правильно понял наш прошлый разговор, вы считаете, что земные экосистемы управляются падшими ангелами. Если это точка зрения христианства, то я с этим не согласен.

Барт Вы неправильно меня поняли. Земные экосистемы управляются Ангелами, а падшие ангелы по поущению Божию могут захватить власть над той или иной местностью из-за грехов людей, и это становится гибельное место (типа Бермудского треугольника).

Александр Иванович Я считаю, что не в лесу живет демонический дух, а в человеческой душе. А леший тут не причем. Леший – это душа леса, призванная, управлять лесом так же, как моя душа управляет моим телом. Демонизировать лешего, значит оправдывать свое беззаконие по отношению к лесу.

Барт В Евангелии есть рассказ о гадаринском бесноватом. Когда Христос изгнал из него злых духов, они попросили направить их в свиней, после чего целое стадо бросилось в море. Демоны не могут жить в душе, они могут на нее воздействовать. А в теле они могут жить, если попустит Бог. И в лесу они могут жить, устанавливая в нем свои законы. А то, что люди также могут быть источниками зла, я этого и не отрицаю.

Александр Иванович А как вы относитесь к той точке зрения, что человек – это биоробот, управляемый человеческой душой, природа которой такая же, как и у ангелов. Наше тело – это неживая кукла. И только присутствие души делает ее живой?

Барт Тело – равноценная часть человека, трагизм смерти в разделении души и тела. Бог во Христе соеди-

нился не только с душой человеческой, но и с телом. Воскресение мертвых будет с телами. Природа души не такая, как у ангелов – они совершенные существа, а душа – это часть человека.

Александр Иванович К сожалению, мне нужно идти на лекцию... Но мы еще поговорим об этом!

Барт (*пожимая ему руку*) Конечно!

Александр Иванович выходит, Барт продолжает чтение.

Сцена вторая

Павел и Мэримэ, затем появляется стража

Павел Как тут быстро все меняется!

Мэримэ Это и везде так, просто ты не обращал внимания.

Павел Где мы сейчас?

Мэримэ Сложно сказать. Здесь начинается какая-то большая игра, в которой мы пешки, но имеющие свободную волю. От нашего выбора будет зависеть – выйдем ли мы в ферзи и уйдем потом с доски, или же попробуем отсидеться на своей клетке...

Павел По-моему здесь невозможно отсидеться!

Мэримэ Да, но попробовать можно, - засмеялась фея.

Их окружает стража.

Главный стражник (*властно*) Герцог приказал доставить вас во дворец!

Павел (*шепчет Мэримэ*) Очень отлично получилось отсидеться. Что будем делать?

Мэримэ (*тихо*) Подчинимся, - также тихо сказала она.

Главный стражник. Вы приглашены на бал. Следуйте за мной.

Главный стражник проводит Павла и Мэримэ в залу, где находятся несколько мужчин и женщин, все в одинаковых железных масках, мужчины в одинаковых камзолах, женщины в одинаковых платьях. Лишь один отличается тем, что его маска была из золота. Он обращается к Павлу и Мэримэ.

Герцог. Я герцог. Рад видеть вас на моем балу.

Павел А как вас зовут?

Герцог (*усмехаясь*) Зовут? А для чего же мне маска? Нас никого здесь никак не зовут; полная анонимность и полная возможность делать то, что заблагорассудится, не боясь быть узнанным.

Павел Но вас же узнают по вашей маске?

Герцог (*смеясь*) В темноте она не отличается от других. А при свете — да: ведь должны же узнавать того, кому нужно повиноваться.

Мэримэ (*тщательно подбирая слова*) Ваше приглашение было слишком неожиданным, оно застало нас врасплох. Мы как раз спешили в одно место...

Герцог (*усмехаясь*) Да ну? Вы думаете, что я ничего не знаю? Да весь интернет уже кишит рассказами о вас! И Пан, и кот Карл, и Пифия, и, кто бы мог подумать — даже одна из Мойр, написали о вас в социальных сетях. Я же не просто так вас сюда призвал. Хочу дать вам шанс испытать себя.

Павел А мы можем отказаться?

Герцог Нет. Отказаться ты мог тогда в клубе. Теперь же ты двиним прихотями владык этого мира.

Мэримэ А что вы хотите сделать?

Герцог Я хочу посмотреть — узнаете ли вы друга друга, когда на вас будут маски.

Им надевают маски и запирают их сзади маленьким ключом, который тут же уничтожают.

Герцог Эту маску очень сложно снять. Фактически невозможно. Почти никому это не удастся. И в ней очень сложно оставаться самим собой. А еще сложнее под маской разглядеть того, кого ты любишь.

Сцена третья

Павел и Мэримэ в замке масок, они не узнают друг друга

Герцог Если ты узнаешь ту, которую любишь, в маске, то маски с вас спадут. Но у тебя лишь одна попытка сказать, что это она. Если ошибешься — вы навсегда останетесь в масках и в моей власти. И под страхом самого жесточайшего наказания вы не должны никому говорить, кто вы и называть свое имя!

Павел (*подходит к девушке, у которой из под маски видны белые волосы*) Неужели это ты?

Девушка-маска (*улыбаясь*) Я? Смотря кто тебе нужен!

Павел Мне нужна моя любимая!

Девушка-маска (*игриво*) Ты хочешь, чтобы ею стала я?

Павел (*горячо*) Мне нужна только она!

Девушка-маска (*по-доброму*) Но как ты ее узнаешь? Ведь здесь это почти невозможно. А самое страшное другое: к маске так привыкаешь со временем, что забываешь кто ты, зачем живешь. В маске очень удобно: анонимность позволяет крутить романы с кем захочешь, делать то, что без маски было бы стыдно... *Внезапно ее тон опять становится игривым:* - Не хочешь попробовать?

Павел (*твердо*) Нет! Я хочу найти свою Мэримэ!
Девушка-маска (*опять по-доброму*) Мэримэ... Она эльфийка?

Павел Нет, фея.

Девушка-маска Ну, это почти одно и то же... А ты, судя по всему, человек?

Павел Да. Как ты это узнала под маской?

Девушка-маска Странно вот как-то... Мне вдруг захотелось помочь вам.

Павел А ты можешь?

Девушка-маска Да, но расплата будет ужасной.

Павел А что произойдет?

Девушка-маска Не знаю. Герцог обставляет кару большой таинственностью, ни один из тех, кто нарушил правила, не вернулся. Их уводят в особую залу, после чего никто никогда их больше не видит.

Павел Зачем же ты тогда говоришь об этом? Неужели ты думаешь, что я допущу, чтобы ты пострадала из-за меня?

Девушка-маска (*усмехаясь*) Вот как? Думаю, что у герцога нынче будет развлечение. Во всяком случае, мне надоело трястись и не быть собой под этой мерзкой маской. Я Лориэль, эльфийка. А вот твоя Мэримэ — она тыкает пальцем в стоявшую рядом девушку.

Павел (*изумленно*) Как ты это узнала?

Лориэль Когда нарушаешь запреты маски, начинаешь видеть сквозь нее.

К ним подходят стражники.

Главный стражник Вы совершили тяжелое преступление. Мы отведем вас на суд герцога.

На Лориэль, Павла и Мэримэ надевают наручники и уводят

Сцена четвертая

*Герцог в золотой маске на троне, перед ним Павел, Мэ-
римэ и Лориэль.*

Герцог Я объединяю здесь в своем лице все три ветви власти. Сейчас я судья, который будет судить вас по законам, которые сам же установил, сам же я прослежу и за исполнением приговора. На территории этого замка действует только моя юрисдикция. Так вот, Павел, эта безумная ради тебя решилась подвергнуться жесточайшему наказанию. Теперь у тебя выбор: ты можешь уйти отсюда спокойно со своей Мэримэ, забыть о той, которая пожертвовала собой, ради того, чтобы вы были счастливы вместе и жить себе спокойно. Или же взять на себя ее наказание.

Павел А что тогда будет с Мэримэ?

Герцог (*спокойно*) А все хорошо будет. Я их обеих отпущу. Но вполне возможно, что твоя фея будет счастлива с кем-то уже без тебя, забыв о том, что ты и был вообще!

Павел (*обращаясь к Лориэль*) Зачем ты это сделала? - обратился он к Лориэль.

Герцог (*одобрительно*) Хороший вопрос! Действительно, зачем?

Лориэль Я захотела и себе и им дать шанс на новую жизнь.

Герцог (*ухмыляясь*) Посмотрим же сейчас, чего стоит это шанс! Мэримэ не виновата, поэтому она получит свободу просто так, но после окончания процесса, ты свой выбор сделала, посмотрим же сейчас, каким будет его выбор.

Павел (*обращаясь к Мэриме целует ей руку*) Прости меня, но я не могу допустить, чтобы она пострадала из-за того, что решила нас спасти! *Герцогу*: - Я готов взять на себя ее наказание!

Герцог Оно очень ужасное!

Павел Ну что же...

Герцог Снимите маски с девушек!

Стражники снимают маски

Герцог (*важно*) Вы будете наблюдать за вынесением приговора и приведением его в исполнение!

Мэриме и Лориэль пытаются подойти к Павлу, но стражники их крепко держат.

Герцог (*оглашает приговор*) Согласно твоему выбору ты подвергаешься тому самому страшному наказанию, которому подвергается каждый, кто осмелится в этом замке масок обнародовать свое истинное я — маска с тебя снимается навсегда!

Павел (*изумленно*) Но... Наказание и освобождение, получается, одно и то же?

Герцог (*безмятежно*) У меня в замке — да. Такое уж дурацкое законодательство я создал.

Павел. Но почему все так тогда этого боятся?

Герцог. Никто же не знает, что будет. Неизвестность страшит. Боятся страха, там, где нет страха.

Павел. Но если они узнают?..

Герцог. Не узнают. Вас сейчас экстрадируют за пределы моих владений.

Мэриме То есть мы преступники?

Герцог Почему?

Мэриме Экстрадиция — передача преступников одной страной другой.

Герцог (*усмехаясь*) Больно ты умная! У меня вы были преступниками, там, куда вы сейчас отправитесь,

возможно, то же будете... А может, и нет... Во всяком случае, властям вас передавать не будут. Впрочем, как вы могли убедиться на примере со мной, они при небольшом желании сами легко могут вас найти.

Сцена пятая

Заместитель министра образования и науки, ректор университета, Заподлянский, Пикова, Барт и Александр Иванович в университетской аудитории. Предполагается, что вся она заполнена преподавателями университета.

Заместитель министра (стоя за трибуной, торжественно) Мы стоим перед началом новой эры науки! Скоро инновационное развитие научных технологий дойдет до такой степени, что никто кроме единиц — специалистов высочайшей квалификации, даже и не будет понимать сути происходящих процессов. Результаты будут появляться таким образом, что людям непосвященным это может казаться чудом. На самом же деле...

Барт (под нос себе, отпивая спиртное из фляжки) Это просто бесовщина!

Заместитель министра ... это прорыв человеческого гения в тонкую сферу научных знаний, которых раньше посвященные достигали через определенные ритуальные действия, теперь же они становятся доступны, благодаря...

Барт (сплевывая) Научному колдовству.

Все делают вид, что не заметили.

Заместитель министра - обобщению научного опыта поколений, изучению разных научных традиций, системному подходу, нанотехнологиям и инновацион-

ному прорыву в сферы знаний, которые нашим необразованным предкам казались магией. Они считали, что совершение определенных ритуальных действий, приносящих конкретный результат, с ними вроде бы никак напрямую не связанный, — это магия. Мы же считаем, что это просто новая отрасль научных знаний, связанная с холистическим устройством мира, когда действие в одной сфере может вызвать неожиданный результат в другой. Как писал Вернадский, «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности... Лик планеты – биосфера – химически резко меняется человеком сознательно и главным образом бессознательно... Человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет... Это новое состояние эволюции, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера»... Ход этого процесса только начинает нами выясняться...» Так вот, сегодня научные свершения таковы, что Вернадскому и не снилось. Фантастические сказки о могуществе машин начинают становиться реальностью...

Барт (*перебивая его*) Простите, а вам не кажется, что в ситуации интерфейса, мы сталкиваемся с тем, что появляется знание без понимания, а наука превращается в шаманство?

Заместитель министра (*делая вид, что не раздражен*) Хороший вопрос, а нужно ли понимание людям, которым инновационный прорыв науки обещает бессмертие?

Александр Иванович Меня приводят в некоторый ужас работы современных ученых по созданию эликсира бессмертия. Если им это удастся и человек действительно станет бессмертным, то Земля, по-видимому, погибнет вместе с бессмертными.

Пикова (*зло шепчет ректору*) Сделайте же что-нибудь!

Ректор Карл Владимирович, Александр Иванович, мы очень благодарны вам, что вы нашли возможность поучаствовать в нашем мероприятии, но у вас сейчас лекции, мы не имеем морального права лишать студентов возможности послушать таких выдающихся профессоров.

Александр Иванович Так ведь...

Барт (*беря его под руку*) Да мы идем, спасибо за содержательное выступление.

Барт и Александр Иванович уходят.

Встреча с заместителем министра заканчивается, он остается с Пиковой.

Заместитель министра А что, Адель, не пора ли нам менять ректора?

Пикова Давно пора!

Заместитель министра И есть кто на примете?

Пикова А вон Кака Заподлянский — чем не ректор?

Заместитель министра С таким именем и фамилией он должен быть министром образования, но, для начала пусть будет и ректором.

Пикова А с этими чего будем делать?

Заместитель министра С профессорами? Да ничего. Если не дураки — сами убегут из высшей школы, а так пусть выпускают пар. Все равно ведь всем по фигу, чего бы они ни говорили.

Сцена шестая

Павел, Мэриэмэ и Лориэль в каком-то ином месте, напоминающем джунгли

Лориэль Видимо, герцог сюда нас отправил.

Мэриэмэ А может Великий Пан вмешался *обратившись к Павлу, недовольно*: - Слушай, а ты, собственно говоря, почему это собрался ради нее идти на какие-то страшные испытания, оставляя меня совсем одну? Что это значит?

Лориэль (*весело, мяукающе*) Это значит, что он в меня влюбился!!!

Мэриэмэ (*возмущенно*) Влюбился?!!

Лориэль (*довольно*) Ну да, втюрился по самые уши!

Мэриэмэ А я что такое, по-твоему?

Лориэль Ты пленила его разум, а я забрала его сердце!

Павел Девочки...

Лориэль (*торжествующе*) Вот видишь, - торжествующе сказала эльфийка, - мы обе ему нужны. Да и верно: как жить без сердца или без мозга?

Мэриэмэ (*зло*) Ты еще скажи, что ему бывшая жена нужна: как можно жить без задницы!

Лориэль (*серьезно*) О, а без этой части тела жить вообще невозможно! - Мозг и сердце могут конкурировать между собой, но если в дело вмешается задница, то она непременно их победит! - *к Павлу*: - А ты ловелас!

Павел Послушайте, с чего вы взяли, что я влюбился в Лориэль! Я просто не мог допустить, чтобы девушка пострадала по моей вине!

Лориэль (*обиженно*) Не влюбился? Я что не видела, как ты на меня смотрел?

Мэри́мэ (*грозно*) Как ты на нее смотрел?

Павел Да никак я не смотрел...

Лориэ́ль Глаза прятал?

Павел Да нет, я...

Лориэ́ль (*торжествующе*) Вот видишь, он и сам не знает, кто из нас ему дороже!

Мэри́мэ (*категорично*) Пусть выбирает!

Лориэ́ль (*с издевкой*) А может это жестоко по отношению к нему? Может, втроем останемся?

Мэри́мэ (*еще категоричнее*) Нет уж, мне такая дрянь не нужна! Пусть выбирает!

Обе пристально смотрят на Павла.

Павел (*растерянно*) А что мне выбирать? Я свой выбор сделал, один раз и навсегда.

Лориэ́ль (*уточняяюще*) Это ты про бывшую жену говоришь?

Павел Нет, это молодость, гормоны... Я про Мэри́мэ говорю. И не давал я тебе никакого повода...

Лориэ́ль (*обиженно*) Давал, еще как давал! Злые вы, ухожу я от вас!

Она поворачивает какой-то камень на кольце, надетом на безымянный палец левой руки, и исчезает.

Мэри́мэ (*удовлетворенно*) Разведенка видимо, чего с нее взять! - А ты тоже хорош: развел тут непонятные отношения!

Павел Да не развел я ничего...

Мэри́мэ Не спорь...

Павел Послушай, мне тут вспомнилась одна очень забавная история. Есть такая американская журналистка Джейн Догс, которая очень усиленно защищает американский империализм, при этом часто невпопад, так что даже получила большую известность в мире из-за ляпов, которые она допускает. И вот один русский журналист

написал про нее статью, а жена его спрашивает: «А чего это ты надумал про нее писать, влюбился, небось?» Тот так удивился, что ответил стихами:

Когда б английским лордом был,
То Джейн я пламенно б любил,
Ее блистательным умом,
Я был бы очень восхищен;
Восторгом был бы я объят,
И говорил бы всем подряд,
Что нет прекраснее, чем Джейн,
Пил вместо водки б я глинтвейн...
Но я как русский патриот,
Люблю другую как-то вот...

А жена его и спрашивает: «А кто эта другая?» Вот и мне ваш сегодняшний диалог эту историю напомнил...

Мэриэм (*безапелляционно*) Так наверняка была другая! Все вы мужики козлы!

Павел (*примиряюще*) Ладно, давай лучше решим, куда нам дальше идти.

Мэриэм (*спокойно*) Думаю, что мы пойдем на восток.

Сцена седьмая

Павел и Мэриэм в баре гоблинов. Гоблины, затем появляется Кот Карл.

Павел (*поеживаясь*) Какое-то стремное место. Чего это тебя сюда понесло?

Мэриэм (*загадочно улыбаясь*) Мне было видение, что здесь решится наша судьба.

Павел (*обреченно вздыхая*) А в менее мерзком месте она не могла решиться? Несет тебя – не пойми куда!

Мэри́мэ Кот Карл сказал мне, что не нужно ничего бояться, страхи в нашем воображении.

Павел И нужно специально искать себе приключений?

Мэри́мэ Они сами нас находят.

К их столу подходит Кот Карл.

Кот Карл Что, ребята, развлекаетесь?

Павел Не то чтобы очень...

Мэри́мэ наступает ему на ногу.

Мэри́мэ Мы очень рады видеть вас, мессир. А вы, какими судьбами здесь?

Кот Карл (*задумчиво*) Цепь золотую пропиваю... Мне открылась одна интересная вещь: смерти нет!

Павел (*насмешливо*) Да что вы говорите! И что вы надумали делать, узнав об этом?

Кот Карл Пока не решил.

Кот Карл отхлебывает приличный глоток из большой бутылки абсента и отходит от них. К столику подходят пять гоблинов, наблюдавших за ними из-за соседнего столика все время пока кот был рядом с ними.

Гоблин Думаю, что он ошибается. Так что, мужик, если не хочешь проверить на практике правду ли тебе говорил этот кот, то вали лучше отсюда, а подружку оставь нам, в качестве выкупа за твою жизнь; мы найдем ей применение!

Павел (*твердо, заслоня собой Мэри́мэ*) Никого я вам не отдам!

Гоблин (*с усмешкой*) Это ты зря так! Жизнь людей и фей здесь и гроша ломаного не стоит. Королевская полиция плевать на таких как вы хотела! Так что сейчас тогда уж прирежем тебя, а потом познакомимся с твоей подругой!

Гоблин не спеша достает длинный нож. Павел стоит, закрывая собой Мэримэ.

Гоблин (наносит удар и пронзительно кричит) Нет!!! Только не это!!! -

Кот Карл, услышавший их разговор, заслонил собой Павла. Удар пришелся ему в грудь. По полу быстро растекается лужа бордовой крови.

Второй гоблин (хватая за руку гоблина с ножом) Бежим! Это тебе не шутка: убить ученого кота! Да королевская полиция с тебя шкуру живого за него сдерет!

Павел и Мэримэ бросаются к Коту Карлу, который соединяет их руки, говорит: «Будьте вместе!» и больше не подает признаков жизни.

Сцена восьмая

Заподлянский и Пикова за столиком в ресторане

Пикова (хохоча) Это смешнее всего, что я когда-либо слышала! Представляешь, Кака... Кстати, ты не обижаешься, что я так тебя называю? Это же ласкательно!

Заподлянский (кривясь) Нет, что ты!

Пикова И правильно делаешь! Потому что это помогло твоей карьере!

Заподлянский Каким это образом?

Пикова Самым прямым. Помнишь, заместителя министра, который проводил у нас совещание?

Заподлянский Ну. И что?

Пикова Так вот он, когда я ему про тебя рассказала, заявил, что человек, которого зовут Кака Заподлянский просто не может быть на вторых ролях! Так что скоро ты будешь ректором!

Заподлянский (*заинтересованно*) Но как это технически возможно?

Пикова Технически — ты имеешь в виду ученый совет?

Заподлянский Типа того.

Пикова По результатам совещания по науке, которое провел у нас заместитель министра, ректору предложат написать заявление по собственному желанию, тебя назначат и.о., ученый совет запланируют через год... А, как ты сам прекрасно знаешь, нет ничего более постоянного, чем временное!

Заподлянский (*прочувствованно трижды целует Пикову*) Спасибо!

Пикова (*задумчиво вытираясь платком после его поцелуев*) Так вот, помнишь, как долго мы не знали, что же нам делать с этим Бартом?

Заподлянский Так мы и сейчас не знаем? Или знаем?

Пикова (*удовлетворенно*) В том-то и дело, что теперь знаем! Он допился до белой горячки. Сначала все читал какую-то тетрадку, которую ему якобы дал какой-то человек. Прикинь, я однажды заглянула в эту тетрадь. Знаешь, что там было написано?

Заподлянский Что?

Пикова В том-то и дело, что ничего! Он часами читал тетрадь, в которой ничего не написано, и раздражался, когда его от этого, так сказать чтения, отвлекали!

Заподлянский (*присвистнув*) Ни хрена себе! Но ведь этого самого по себе маловато, чтобы он был обгажен с головы до ног.

Пикова (*кивает*) Маловато, - согласилась Пикова, - но слушай, что было дальше. Однажды он допился до того, что поперся в какой-то ночной клуб...

Заподлянский (машинально) «Скотоферм»?

Пикова (заинтересованно) Да. А ты что, то же туда захаживаешь? Это же наркопритон!

Заподлянский (с деланным возмущением) Конечно же, нет! Просто предположил.

Пикова Так вот, пришел он туда в дупель пьяный, а там была одна его студентка, которую он, помнишь, говорил, что хочет в аспирантуру к себе взять. Нашла какого-то мужика себе и потащила в этот клуб. И, видимо, приняли они ЛСД, так что вставило им весьма прилично и штырило их не по-детски. И привлекли они внимание местных бандитов-наркоманов. Мужику они говорят: «типа, вали, а девчонку нам оставь».

Заподлянский А он?

Пикова Ты-то, конечно, ушел бы с превеликим удовольствием, ничуть не сомневаясь в правильности такого решения. Но это настоящий мужик был, а не заподлянский. Готов умереть за нее был, закрыл собой.

Заподлянский И что?

Пикова А вот тут самое интересное. Таких как эти парень с девкой в этом клубе легко можно списать в расход, найдут потом на помойке тело, одним висяком у полиции больше, одним меньше... Клуб-то ведь через подставных лиц министру образования принадлежит...

Заподлянский Неуж правда?

Пикова Так говорят... Но ты меня перебил. В общем, чудо их спасло, в лице Карла Владимировича...

Заподлянский В смысле?

Пикова В прямом. Закрыл он собой этого мужика, когда нарик его ножом бил. Прямо в грудь профессора пришелся удар. Растеклась бордовая лужа по полу притона... Бандюки бежать: Барта все знают, его просто так

не спишешь. Теперь скорее их тела на помойках нужно будет искать...

Заподлянский (удивленно) Что он в таком авторитете?

Пикова Типа да.

Заподлянский Так он мертв?

Пикова Вот это самое интересное. Бросились парень с девкой к нему, плачут, он их благословил на прощание, а потом сознание потерял. А мужик-то посообразительнее, чем девчонка, он приняухался: кровь как-то не так пахнет!

Заподлянский И что?

Пикова Да то! Оказывается, в кармане пиджака профессора бутылка портвейна была, в нее нож и попал. Так что не кровь это разлилась, а портвейн. Сознание он потерял, потому что сильно бухой был — одного абсента поллитра только за вечер выжрал...

Заподлянский Так он жив?

Пикова (смеясь) Живее всех живых! Полиция приехала быстро, очень их это все позабавило, от них я и знаю об этом. Дела открывать не стали, но Барта, когда он в себя пришел, так это впечатлило, что решил он идти в наркологию сдаваться... А мужик с девчонкой вроде пожениться решили... Зачем только дуракам размножаться? Клевая история, правда?

Заподлянский Типа да. Но ты думаешь, что Барта это все смутит? Он же наглый, скажет, что наоборот герой.

Пикова Так он бросить пить решил. Уверенности прежней у него уже не будет.

Заподлянский (повеселев) Это другое дело. Мне как ректору лучше было бы его нейтрализовать.

Пикова Да считай, что все решено! Кстати, знаешь, что он твердил все время, пока не пришел в себя?

Заподлянский Что?

Пикова *передразнивая интонации Карла Владимировича* Смерти нет.

Заподлянский (*испуганно*) Может быть, он видит что-то, что не видим мы?

Пикова (*равнодушно*) Попей с его, и ты увидишь! Короче, господин ректор, мы сделаем здесь такой университет, что никакая лизергиновая кислота нам не нужна будет: и так всех здесь будет штырить – будьте любезны!

**Духовные поиски
английских писателей
на рубеже XIX-XX
веков**

**в контексте формирования
глобального мира**

Монография

ПРЕДИСЛОВИЕ

Алексей Александрович Федотов, книга которого представлена вниманию читателя, – разносторонний автор: ученый-религиовед, профессиональный историк и богослов, культуролог, журналист и писатель. И каждая публикация этого автора становится неожиданным открытием новой грани его таланта. Монография, посвященная творчеству английских писателей XIX – XX веков, в очередной раз открывает перед нами совершенно неизвестную ранее ипостась научного творчества А. А. Федотова.

Обращение к проблемам художественной литературы в этой книге сопряжено с глубокими культурологическими и даже политологическими интуициями, что придает ей особый статус в контексте современных гуманитарных исследований. Это не чисто литературоведческий труд, а также и не историческое, богословское, философское, религиоведческое (и т.д.) исследование; это и не просто культурологическое исследование (хотя в нем в большей степени отражены именно культурологические масштабы идей и концепций), – всевозможные научные подходы в настоящей монографии объединяются вокруг мысли о Христе, о вере в Бога, которая пронизывает повествование, так как является лейтмотивом творчества рассматриваемых авторов.

Отталкиваясь от культурфилософских идей, философских и политических интуиций А.Ф. Лосева, Р. Гвардини, А. Тойнби, Ф. Ратцеля, В.И. Вернадского, В. И. Ленина, Д.А. Гобсона и многих других мыслителей XX века, А. А. Федотов предлагает оригинальный подход к изучению культурно-исторических закономерностей развития современного общества. Сквозь призму концепций империализма и глобального ми-

ра рассматривается процесс секуляризации исторического христианства, неизбежным результатом которого являются многочисленные кризисы в истории культуры XX века: кризис религии, кризис философии, кризис искусства, кризис литературы, кризис мировоззрения. Эта кризисность находит наиболее яркое выражение, с точки зрения А.А. Федотова, в творчестве писателей англосаксонского мира, представляющего вершину развития идеи империалистического мироустройства в эпоху рубежа XIX – XX веков. Исследователь подчеркивает, что «авторы, аспекты творчества которых были показаны в монографии, возможно и не думали, что их художественные произведения можно рассматривать в качестве источника по историко-культурологическому отражению процессов империализма и глобализации сквозь призму сознания личности, вовлеченной в эти процессы и передающих их общий фон через свое творчество». Однако именно в литературном творчестве таких английских писателей как О. Уйльд, Г. Уэллс, К.С. Льюис, Г. К. Честертон, У. С. Моэм, Дж. Р. Р. Толкин со всей очевидностью и остротой проявились духовные поиски нескольких поколений западноевропейских интеллектуалов XX века. Поэтому чрезвычайный интерес вызывает представленный в книге А. А. Федотова опыт нового прочтения и интерпретации известных произведений писателей-англичан в контексте процессов формирования современного глобального мира.

Дмитрий Леонидович ШУКУРОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета

Введение

Так называемое «Новое время» стало временем постепенного перехода от целостного (как сейчас принято говорить «холистического») восприятия мира к фрагментарному. А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа» писал, что «...понятие Бога есть условие и цель мыслимости бытия, как всего бытия, как цельного бытия. Вот почему понятие Бога рушится одновременно с разрушением интуиции цельности бытия вообще. Новоевропейская мысль не только отринула реальность Бога. Одновременно пришлось отринуть и реальность очерченного и обозримого космоса, т.е. мира вообще; пришлось отринуть реальность души, природы, истории, искусства и т.д.»¹. И в то же время происходит резкое обесценивание конкретной человеческой личности.

«В мире нет ничего, – учил В.И. Ленин, – кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени»². Основатель антропогеографии Фридрих Ратцель писал: «Всеобщие законы распространения жизни охватывают также законы распространения жизни человеческой. Поэтому антропогеография мыслима только, как отрасль биогеографии, и целый ряд биогеографических понятий может быть непосредственно перенесен на вопросы о распространении человека»³.

¹ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 2008. С. 271.

² Ленин В. И. Соч., т. 14. С. 162.

³ Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. М., 2011. С. 8.

Позднее В.И. Вернадский развил учение о ноосфере. В частности В.И. Вернадский утверждал: «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности... Лик планеты – биосфера – химически резко меняется человеком сознательно и главным образом бессознательно... Человек стремится выйти из предела своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет... Это новое состояние эволюции, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть “ноосфера”... Ход этого процесса только начинает нами выясняться...»⁴

В работе «Конец Нового времени» Р. Гвардини отмечал: «...постепенно исчезает чувство собственного бытия человека и неприкосновенной сферы “личного”, составлявшее прежде основу социального поведения. Все чаще обращение с человеком как с объектом воспринимается как что-то само собой разумеющееся: начиная от бесчисленных форм статистически-административного “охвата” и кончая невыносимым насилием над отдельными людьми, группами, даже целыми народами. И не только в критических ситуа-

⁴ См.: Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков./ Сост. Г.П. Аксенов. М., 1993. С. 505-520.

циях или пароксизмах войн – это становится нормальной формой управления»⁵.

Р. Гвардини писал о том, что раньше понимание места человека в мире «выражалось философски в теории о субъекте как основе всякого познания; политически – в идее гражданских свобод; жизненно – в представлении о том, что каждый человеческий индивидуум – носитель неповторимого внутреннего образа, – может и должен развить и выразить себя, прожив ему одному свойственную жизнь. Эта мысль связана с определенной социологической структурой, а именно, с гражданским обществом, – если брать понятие “гражданского” в его самом широком смысле, охватывающем как ориентированного на рациональную ясность, ищущего твердой почвы под ногами человека, так и его антипода – романтика и богему; как обычного, среднего человека, так и исключение – гения. Вместе с техникой оформляется иная структура, в которой, очевидно, уже не может задавать тон идея саморазвивающейся творческой личности или автономного субъекта. И раньше были многие, составлявшие бесформенную массу в отличие от высокоразвитых единиц, но они выражали лишь тот факт, что там, где единица задает ценностные нормы, в качестве ее фона и почвы должны существовать и средние люди, ограниченные повседневностью. Однако они тоже стремились стать единицами и создать свою собственную жизнь. Масса в сегодняшнем смысле слова – нечто иное. Это не множество неразвитых, но способных к

⁵ Гвардини Р. Конец Нового времени
www.krotov.info/libr_min/04_g/gva/rdini.htm (дата обращения 03 октября 2013 года)

развитию отдельных существ; она с самого начала подчинена другой структуре: нормирующему закону, образцом для которого служит функционирование машины. Таковы даже самые высокоразвитые индивиды массы. Более того, именно они отчетливо сознают этот свой характер, именно они формируют этос и стиль массы...»⁶

Рубеж XIX – XX веков характеризовался развитием глобализационных империалистических процессов⁷.

Британская империя была с одной стороны на пике своего могущества; с другой – стремительно приближалась к своему закату.

Воспевание цивилизаторской миссии Британии, апология империализма, представляемого как добровольное мученичество для «спасения» «отсталых наций», наверное, лучше всего выражены в небольшом стихотворении «Бремя Белого Человека», написанном в самом конце XIX века Редьярдом Кипплингом:

⁶ Там же.

⁷ Подробнее об этом см.: *Федотов А.А.* Формирование учения об империализме в начале XX века. Иваново, 2011; *Федотов А.А.* Проблемы империализма в книге Розы Люксембург «Накопление капитала» // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2012. № 1-2(5-6); *Федотов А.А.* Учение об империализме в работах В.И. Ленина // Актуальные вопросы образования и науки. Научный журнал. Москва - Архангельск. 2010. № 5-6. Ноябрь. С. 72-77; *Федотов А.А.* Учение об империализме в одноименной книге Д. А. Гобсона // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2011. № 1-2. С. 4-10; *Федотов А.А.* Империализм начала XX века в формировании геополитики начала XXI века // Философия хозяйства. 2013. № 6(90). С. 214-223; *Федотов А.А.* Февральская буржуазная революция 1917 года в контексте формирования новой государственности в мире // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2013. № 1-2(9-10) и др.

«Неси это гордое Бремя –
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли –
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.

<...>

Неси это гордое Бремя –
Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен:
"Чего ты хочешь, проклятый,
Зачем смущаешь умы?
Не выводи нас к свету
Из милой Египетской Тьмы!"»⁸

И в это же время многие английские писатели чувствовали приближение катастрофы, краха старого мира. Особенно острым стало ощущение, что подлинная радость и счастье находятся за пределами категорий, которые большинство англичан того времени считали единственно реальными. Появляются прекрасные произведения, в которых с одной стороны – тоска по недоступному Раю, с другой – утверждение, что Рай не где-то далеко, он всегда рядом, просто нужно суметь его увидеть.

⁸ Цит. по: <http://klock.livejournal.com/122502.html> (дата обращения 6 ноября 2013 года)

Интересно отметить, что эта тоска по Раю сквозит и в произведениях некоторых авторов совсем далеких от христианства по своим взглядам.

В данной монографии рассматривается то, как общие процессы развития империализма на рубеже XIX – XX веков отразились на духовном поиске некоторых английских писателей. Их выбор носит в какой-то мере субъективный характер, однако, представляется, что при этом отражает наиболее значимые общие тенденции.

Исследование носит историко-культурологический характер, поэтому при его написании за небольшим исключением не использовались материалы литературной критики. Некоторые могут возразить, что для лучшего понимания писателя необходимо знакомство с тем, что писали о нем и его произведениях. Однако мне ближе точка зрения К.С. Льюиса, считавшего, что «великие тем и велики, что понять их гораздо легче, чем их толкователей. Самый отсталый студент поймет почти все, что сказал Платон, но мало кто разберется в нынешней книге платоноведа. Я всегда стараюсь внушить ученикам, что узнавать все из первых рук не только достойнее, но и просто легче и приятнее»⁹.

Англия – главный центр империализма рубежа XIX – XX веков, но совсем скоро центры были перенесены в Германию и СССР, а затем в США, и это не могло не наложить свой отпечаток на творчество тех, кто писал, будучи подданным английской короны, живя в метрополии имеющей глобальный характер Британ-

⁹ Льюис К. С. О старинных книгах // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. СПб., 2004. С. 296

ской империи. Им нужно было ответить на вызовы именно той эпохи, но при этом они часто использовали образы мифологии разных народов. Например, К.С. Льюис проповедовал Христа, но с помощью художественных образов, иногда не говоря о Нем прямо, но при этом так, чтобы тронуть сердца многих из тех, кого не трогали выхолощенные богословские трактаты, а Библия виделась текстом, не имеющим отношения к их жизни.

Как именно империализм влиял на творчество писателей? Тот же К.С. Льюис в «Космической трилогии», а конкретно в «Мерзейшей мощи» говорит о «двух Англиях»: «Понимаете, есть Британия, а в ней, внутри Логрис. Разве вы сами не замечали, что есть две Англии? Рядом с Артуром – Мордред, рядом с Мильтоном – Кромвель, народ поэтов – и народ торговцев, страна сэра Филипа Сидни – и Сесила Родса. Надо ли удивляться, что нас считают лицемерами? Это не лицемерие, это борьба Британии и Логриса».

Можно видеть в этих словах совсем не то, что вижу я: не намек на реальную Британскую империю и идеальную Англию, которую искал в ней писатель, и эта точка зрения также может иметь место – на то и существуют художественные произведения. Дело в том, что в ранних своих произведениях и записях К.С. Льюис не касался проблем глобального мира; не знаю, употреблял ли он вообще термин «империализм»; но роль, место и значение личности в глобальном мире в той или иной степени рассматриваются в разных его произведениях, в первую очередь, в «Космической трилогии». Уже то, что становление Льюиса как поэта происходило во время Первой мировой, свидетель-

ствуует о влиянии на него новой глобализации: как может не влиять империализм на участника империалистической войны, хотя бы опосредованно?

В монографии рассматриваются взгляды очень разных писателей – Герберта Уэллса, Оскара Уайльда и Уильяма Сомерсета Моэма, с одной стороны, и Клайва Льюиса, Гилберта Честертона и Джона Толкина – с другой. Казалось бы, что может быть общего у них? Ответ дает один из этих писателей – К.С. Льюис в своем очерке «О старинных книгах»: «У всякой эпохи свой кругозор. Она особенно четко видит одно и особенно слепа на другое. <...> Авторы одной и той же эпохи грешат каким-нибудь общим недостатком – даже такие, которые как я, стараются идти против духа времени. Когда я читаю старые споры, меня всегда поражает, что противники принимают как данность что-нибудь совершенно для нас неприемлемое. Сами они думают, что ни в чем не согласны, а на самом деле множество мнений объединяет их друг с другом и противопоставляет прочим векам. Не сомневайтесь, что слепое пятно XX века (то самое, о котором потомки скажут: “И как они могли так думать?”) – там, где мы и не подозреваем, и роднит оно Гитлера с Рузвельтом, Уэллса с Карлом Бартом. Никому из нас не дано полностью избежать этой слепоты, но мы ее увеличим, если будем читать только своих современников»¹⁰.

При рассмотрении положения Британской империи в мире империализма нового типа рубежа XIX – XX вв. использовались работы В.И. Ленина, К. Каутского, Р. Люксембург. Глава о книге Джона Аткинсона

¹⁰ Льюис К. С. О старинных книгах // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. СПб., 2004. С. 297

Гобсона «Империализм» является переходной к основной части повествования – это английский писатель, ставший автором классического произведения о современном ему империализме.

Английские писатели, о которых пойдет речь в монографии, жили и творили в контексте общего развития процессов глобализации, которые изменили роль Британской империи («страны в которой не заходит Солнце») и поставили её на место государства, не имеющего значительного геополитического потенциала (в отличие от таких стран как Россия /Советский Союз/, США, Германия) и вынужденного отказаться от прежней колониальной политики. Это не могло не наложить отпечаток на их творчество.

Страна, в которой не заходит солнце

Такое название Британская империя начала XX века вполне оправдывала. В ее состав входили владения в Европе, Азии, Америке, Африке, вся Австралия. На первый взгляд может показаться, что на фоне жестких диктатур, существовавших в фашистской Германии и СССР, Британская империя, охватывавшая четвертую часть суши, была местом народного благоденствия. С разными оговорками, может быть, сам того не желая, такой автор, как Карл Каутский тем не менее достаточно четко проводит мысль, что Британская империя является благом для многих из объединенных под ее короной стран.

Карл Каутский объяснял империализм, как стремление промышленно развитых стран подчинить

себе аграрные. Именно Англию он объявил родиной империализма: «Империализм впервые зародился в Англии и означает особый вид политических задач, которые наметились вместе с новейшей фазой капитализма, но отнюдь не совпадают с ним. Его сущность заключается в том, что страна с высокоразвитым капитализмом стремится присоединить к себе большие сельскохозяйственные области, невзирая на то, кем эти области населены»¹¹. «Одним из способов расширения аграрной области является империализм. Ему предшествовал другой способ – свободная торговля. Теория свободной торговли получила преобладание в эпоху господства капиталистической промышленности Англии. Англия должна была стать большим заводом для всего мира, а весь мир – аграрной областью Англии»¹². «Западная Европа и Восточная Америка вопреки желанию Англии превратились из аграрных в промышленные страны. Вместо такого разделения труда, когда Англия являлась промышленной страной, а весь остальной мир – сельскохозяйственным, новые промышленные государства выдвинули принцип раздела оставшихся аграрных стран всего мира (поскольку эти аграрные страны были беззащитны) между собою. Англия реагировала на это и стала на тот же путь. Так возник империализм»¹³.

К. Каутский писал о том, как в империализме политика переплетается с экономикой, почему промышленно развитым странам выгодно не только экономи-

¹¹ *Каутский К.* Империализм // К. Каутский. Демократия и социализм. Фрагменты работ разных лет. М., 1991. С. 9

¹² Там же. С. 15.

¹³ Там же. С. 16.

ческое, но и политическое подчинение более отсталых государств: «Для того, чтобы проведение железных дорог в диких областях было выгодно или даже возможно, чтобы получить нужные рабочие руки для постройки и вообще для успешности дела, надо опираться на сильную государственную власть, преданную интересам чужого капитала и слепо защищавшую их. По мере роста вывоза капиталов из промышленных стран в аграрные области росло и желание подчинить эти области государственной власти собственной страны»¹⁴. «Для страны с высокоразвитой промышленностью возникает необходимость помешать превращению аграрной области в промышленную. Поэтому первая стремится окончательно присоединить вторую в виде колонии и подчинить ее своему влиянию, чтобы быть в силах воспрепятствовать развитию в ней промышленности и заставить ограничиться производством исключительно сельскохозяйственных продуктов. Таковы исторические корни империализма, пришедшего на смену свободной торговле»¹⁵.

Широко известен тезис К. Каутского о том, что «империализм является только вопросом силы, а не экономической необходимости. Он не только не необходим для капиталистического способа производства, но даже его значение для него часто неимоверно переоценивается»¹⁶.

К.Каутский, говоря о процессах передела мира, отмечал, что «колониальное государство не обладает

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 18.

¹⁶ *Каутский К.* Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М., 1917. С. 24.

устойчивостью и сплоченностью национального государства. Колониальные владения могут легко перейти в руки другой колониальной державы путем захвата, продажи или обмена. Энергичного сопротивления туземного населения против этих перемен не приходится опасаться. Решающим фактором в данном случае является степень военной силы владельцев колонии. Но, с другой стороны, границы расширения колониальной державы определяются также степенью ее военной мощи по сравнению с другими колониальными государствами»¹⁷.

Ярким примером этому является Индия: «Индия уже испокон веков служила приманкой для воинственных, но бедных соседей. Постоянный приток народов привел к невероятному изобилию племен, языков, каст и религий. Если пришельцы достаточно сильны, они являются в качестве завоевателей и грабителей. Но страна слишком привлекательна, чтобы покинуть ее. Они остаются, а вместе с ними и награбленные сокровища. Положение трудящихся классов остается почти без перемен, происходит только смена хозяев. Они не раздвигают рамок примитивной демократии. Сельские общины являются клетками, на которые опирается государственность. Полной демократии в общине соответствует полный деспотизм в государстве, опирающийся исключительно на силу. Так же легко, как она была завоевана одними, она может быть завоевана и другими при полном равнодушии к этому народных масс»¹⁸.

¹⁷ *Каутский К.* Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М., 1917. С. 17.

¹⁸ Там же. С. 50.

В своей работе «Национальное государство, империалистское государство и союз государств» К. Каутский дает очень высокую положительную оценку английскому империализму. С разными оговорками, может быть, сам того не желая, он тем не менее достаточно четко проводит мысль, что Британская империя является благом для многих из объединенных под ее короной стран.

«Среди колониальных держав 17 и 18-го столетия Англия была единственной, индустриальное развитие которой сильно продвинулось вперед, благодаря колониальной политике. Правда, при возникновении ее также играли роль стремившаяся к абсолютизму королевская власть и дворянство, стремившееся к феодальному землевладению, но морская торговля и колониальные владения Англии приобрели, однако, крупное значение уже в такое время, когда капиталистические классы настолько окрепли в политическом и экономическом отношении, что могли обеспечить себе долю в плодах этой власти и этих владений в интересе торговли и промышленности. Начало морскому владычеству Англии было положено буржуазной революцией. Эта революция привела в середине 17 столетия к победе и окончательно завершилась “достопавной” революцией 1688 года, ознаменовавшейся переходом государственной власти в руки новой династии и дворянства, преданных, даже подчиненных капиталистическим интересам и разделявших свою власть с представителями высших капиталистических слоев, заседавшими в парламенте. Не менее своеобразно, чем в 18 столетии сложилась английская колониальная политика в 19 столетии. Она держится на двух столпах, рав-

ными которым не обладает никакая другая колониальная страна. Одним из этих двух столпов британской колониальной империи являются ее три крупных аграрных колонии с европейской культурой: Канада, Южная Африка и Австралия. Другим – Индия»¹⁹.

Размышляя о доминионах, К. Каутский пишет, что они имеют большие политические и экономические свободы, чем европейские демократии: «Население Канады, Южной Африки и Австралии правда немногочисленно по сравнению с народонаселением всех британских владений, достигающего 400 миллионов. Канада насчитывала в 1911 году свыше 7 млн. жителей, Южно-африканский союз – 6 млн., австралийский союз государств, включая Новую Зеландию – 5,5 млн. Но они представляют собой крупную экономическую и политическую силу. Их население не только вышло уже из стадии примитивной демократии, но в полном размере проникнуто стремлениями современной демократии, даже еще в большей степени, чем любая европейская нация, потому что оно, как и население Соединенных Штатов, не обременено пережитками времен феодализма и абсолютизма, ни в государственном управлении, ни в мышлении. И в экономическом отношении эти колонии приобретают как в качестве покупателей, так и продавцов, такое колоссальное значение для мирового рынка, на которое только способно плодотворное, не обремененное никакими сильными тягостями современное сельское хозяйство»²⁰.

¹⁹ Там же. С. 42.

²⁰ Там же. С. 43.

«Строго говоря, это даже не колонии. Это – самостоятельные государства с современной демократией, т.е. национальные государства, пользующиеся большими свободами, чем какое-либо европейское государство, за исключением Швейцарии. Они в действительности не представляют подчиненных Англии владений, а находятся с ней в союзных отношениях, образуют вместе с ней союз государств с быстро растущим населением и, следовательно, также растущей силой. Этот союз государств представляет собой государство, которому суждено сыграть крупную роль в будущем. Если в нем видят признаки и цель империализма, то мы едва ли можем что-нибудь иметь против такого империализма»²¹.

В то же время К. Каутский подчеркивает уникальность доминионов, отсутствие предпосылок для подобных государственных образований в рамках какого-либо империализма, кроме британского: «Такой союз государств является, безусловно, носителем богатого будущего, он может также многому научить в нашу эру империализма. Но создать по этому образцу такой же союз из колониальных областей – невозможно по той причине, что помимо тропических стран нет свободной земли, которая могла бы перейти во владение европейской державы, и климат которой позволял бы европейцу исполнение физического труда без ущерба для здоровья. Англия может когда-нибудь лишиться этого столпа, но никогда он не будет служить опорой другой колониальной державе»²².

²¹ Там же. С. 44-45.

²² Там же. С. 48-49.

Но даже и для Индии К. Каутский видит пользу от английского империализма. И это несмотря на то, что «когда европейцы в 15-м веке пришли в Индию, индусы во многом превосходили их. Снабженная в изобилии всеми сырыми материалами, в которых нуждалось ее производство, имея к своим услугам искусных и трудолюбивых рабочих, эта колоссальная по размерам страна сама все производила для удовлетворения своих потребностей, и еще оставался большой излишек продуктов, которые охотно покупались культурными народами, индусы сами не нуждались в их изделиях. Результатом было то, что их вывоз долгое время оплачивался почти только благородными металлами. Уже с незапамятных времен не прерывался приток благородных металлов в Индию, скопившихся там в горы сокровищ»²³. И далее: «Англичане вышли победителями над своими европейскими соперниками и туземными государствами. Европейцы не являлись в Индию, как прежние завоеватели с целью обосноваться там. Этому мешало уже одно то, что климат там для них убийственный. Каждый являлся туда ради добычи, с которой потом возвращался в Европу. Новые завоеватели значительно более угнетали рабочие массы, чем прежние деспоты. Страна приходила все в больший упадок, и только за последние десятилетия английское правительство стало заботиться о противодействии этому упадку»²⁴.

К. Каутский видит пользу для Индии от нахождения в составе Британской империи в том, что именно это политическое состояние позволило индусам по-

²³ Там же. С. 49-50.

²⁴ Там же. С. 50.

чувствовать себя единой нацией, положило конец внутренним военным конфликтам, дало единый язык – английский: «Индусские националисты, несомненно, стремятся к тому, чтобы освободиться от английского гнета, но не путем замены его другим. В настоящее время английское господство обеспечивает Индии постоянный мир. В пределах самой Индии не существует на каждом шагу, как в Европе, таможенных границ. Английский язык и преподавание на английском языке стали связующим национальным звеном. Интеллигенция различных религий, племен и языков изучает поголовно английский язык, и он является на ее конгрессах общим для нее языком. Стремления индусских националистов направлены сейчас не к разрыву с Англией, а к завоеванию себе, в пределах британского союза государств, более широких свобод, парламентского представительства, как для провинций, так и для государства в целом, чтобы парламент Индии имел право издавать законы и определять размеры и применение налогов. Их конечная цель – конституция наподобие австралийской, и они полагают, что их дальнейшее пребывание в британском союзе, после того, как они достигнут этой цели, даст им одни только выгоды»²⁵.

И после периода британского владычества Индия предстает уже качественно иным государством, способным на единство и независимость: «Желание овладеть или создать такую мировую империю близко сердцу империалистов всех стран. У нас нет полной уверенности, суждено ли Англии навсегда сохранить за собой эту мировую империю, но нет сомнений, что

²⁵ Там же. С. 55-56.

никакая другая нация не может создать себе подобной империи. Есть только одна Индия. Англия может лишиться ее. Но Индия никогда, как целое государство, не может перейти во владение другой иноземной державы»²⁶.

Такая проповедь цивилизаторской миссии Англии в Индии весьма сомнительна, в силу того, что озвучена марксистом, что также вызывало резкую критику К. Каутского В.И. Лениным. Индия вполне могла бы развиваться без Англии. И об этом не только писали впоследствии М. Ганди и Д. Неру, но и сам К. Каутский начинает рассказ об Индии с того, что «когда европейцы в 15 веке пришли в Индию, индусы во многом превосходили их». И завершение рассказа о том, что англичане «значительно более угнетали рабочие массы, чем прежние деспоты» описанием того, что в конечном итоге это явилось благом для Индии, выглядит непоследовательно.

К. Каутский касается и раздела Африки Францией, Германией и Англией. «С начала 1880-х годов Франция стала вести энергичную колониальную политику. В 1881 году она заняла Тунис, в следующем году она снарядила экспедицию в Мадагаскар и одновременно предприняла войну за обладание Тонкином. С тех пор она овладела громадными территориями, особенно в Африке. В 1871 году французские владения в Африке достигали 900 тысяч кв. километров. В настоящее время они занимают территорию в 6,25 млн. кв. км. (вместе с Мадагаскаром, не считая 4 млн. кв. км. ее «сферы влияния» в Сахаре). Все население французских владений в Африке равнялось в 1871 г. 3 милл.,

²⁶ Там же. С. 57.

сейчас оно составляет 33 миллиона»²⁷. «Вслед за Францией, Германия стала в середине 80-х годов обнаруживать стремление к приобретению колоний. В настоящее время немецкие колонии возросли почти до 3 млн. кв. км., из них 2700000 в Африке, с населением 13 млн. человек»²⁸. «Англия также принимает участие в разделе Африки. Занятие Египта, предпринятое ею, главным образом, для обеспечения себе пути в Индию через Суэцкий канал, а также в ее южно-африканские владения, давало ее денежному капиталу весьма важные опорные пункты, и развитие Англии быстро продвинулось вперед. Без Египта, который формально не был английским, английские владения в Африке занимали в 1890 г. Территорию в 2 млн. кв. км., а в настоящее время 5775000 кв. км. Число подчиненного населения поднялось с 4,5 до 33 миллионов. За пределами Африки Англия приобрела очень мало новых колоний»²⁹.

Структура Британской империи была достаточно сложной. Подробнее мы рассмотрим ее в разделе, посвященном Д.А. Гобсону.

Интересен взгляд на процессы развития британского империализма, который Роза Люксембург излагает в своей книге «Накопление капитала»: «Реализованная прибавочная стоимость, которая в Англии и в Германии не может быть капитализирована и лежит там без употребления, вкладывается в Аргентине, в Австралии, в Капланде или в Месопотамии в железные дороги, в водные сооружения, в рудники и т. д. Маши-

²⁷ Там же. С. 60.

²⁸ Там же. С. 60.

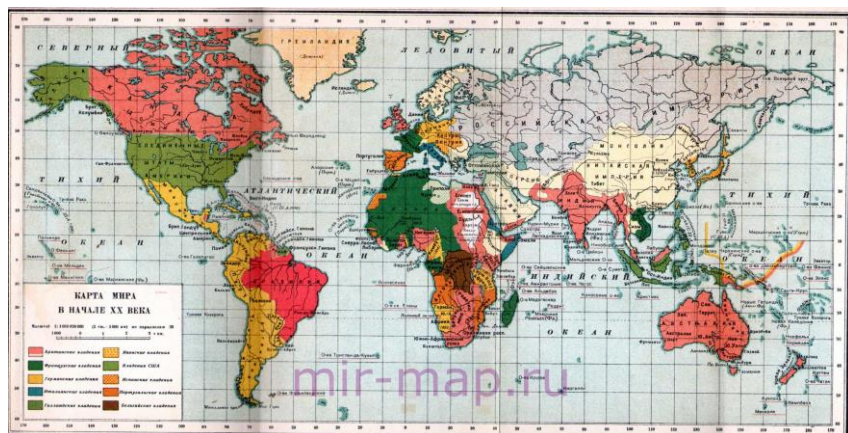
²⁹ Там же. С. 61.

ны, материалы и т. п. доставляются из той же страны, откуда получается капитал, за счет которого они и покупаются. Но ведь то же самое делается и внутри страны при условиях капиталистического производства: прежде чем получить производительное назначение, капитал сам должен купить элементы своего производства и воплотиться в них. Правда, продукт потребляется здесь внутри страны, тогда как в первом случае потребление предоставляется чужим странам. Но целью капиталистического производства является не потребление продуктов, а прибавочная стоимость и накопление. Свободный капитал внутри страны не имел возможности накапливаться, потому что не было потребности в добавочном продукте. Но за границей, где не развилось еще никакого капиталистического производства, возник или насильственно создан новый спрос в среде некапиталистических слоев. Именно то обстоятельство, что «потребление» продукта переносится на д р у г и х, и имеет решающее значение для капитала»³⁰.

«Все некапиталистические слои и общества должны стать для капитала покупателями товаров и продавать ему свои продукты. Кажется, что здесь по крайней мере начинаются “мир” и “равенство”, *do ut des*, взаимность в интересах, “мирное соревнование” и “влияние культуры”. Если капитал может насильственно отнимать у чуждых ему социальных союзов средства производства и насильственно заставлять трудящихся становиться объектом капиталистической эксплуатации, то он все-таки не в состоянии путем наси-

³⁰ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 305.

лия сделать их покупателями своих товаров и принудить их реализовать его прибавочную стоимость.

Политическая карта мира начала XX века

Эта мысль подтверждается как будто тем обстоятельством, что необходимой предпосылкой распространения товарного хозяйства в натуральнохозяйственных областях являются средства транспорта – железные дороги, пароходные сообщения и каналы. Победоносное шествие товарного хозяйства начинается большею частью с грандиозных культурных построек, сооружений средств современного транспорта; сюда относятся железные дороги, прорезающие девственные леса и горы, телеграфные провода, проходящие через пустыни, и океанские пароходы, заходящие в отдаленнейшие гавани. Но мирный характер этого переворота является лишь видимостью. Торговые сношения ост-индских компаний со странами пряностей были таким же грабежом, вымогательством и грубым обманом под флагом торговли, как и совре-

менные отношения американских капиталистов к канадским индейцам, у которых они закупают меха, или как отношения немецких купцов к африканским неграм. Классическим примером “тихой” и “мирной” торговли с отсталыми обществами служит современная история Китая. Через нее, начиная с сороковых годов, на протяжении всего XIX столетия красной нитью проходит полоса войн с европейцами, которые задали себе целью насильно открыть Китай для товарного обращения»³¹.

Роза Люксембург подробно описывает технологии современных ей империалистических захватов новых территорий. Один из примеров – Египет, попавший в зависимость от Британской империи, формально оставаясь частью Османской империи: «Европейский капитал делал в Египте беспрецедентные сказочные дела – гешефты, которые удались капиталу на его всемирноисторическом пути один только раз. Прежде всего каждый заем означал ростовщическую сделку, при которой от пятой до третьей части (и даже больше этого) якобы занятой суммы прилипало к рукам европейских банкиров. Но ростовщические проценты так или иначе должны были быть уплачены. Откуда же брались для этого средства? Их источник должен был находиться в самом Египте, и этим источником был египетский феллах, т. е. крестьянское хозяйство. Оно-то в последнем счете и доставляло все важнейшие элементы грандиозных капиталистических предприятий. Оно доставило землю, ибо так называемые личные владения хедива, выросшие в короткое время в

³¹ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 274.

грандиозные пространства и образовавшие основу для ирригационных планов и хлопчатобумажных и сахарных спекуляций, были составлены путем грабежа и вымогательства из бесчисленного множества деревень. Крестьянское хозяйство доставляло и рабочие силы, и притом доставляло их даром. Содержание рабочих во время их эксплуатации было предоставлено их собственным заботам. Крепостной труд феллаха был основой технических чудес, которые европейские инженеры и европейские машины являли в области оросительных сооружений, средств сообщения, сельского хозяйства и промышленности Египта. Над водными сооружениями у Калиуба и над Суэцким каналом, на постройках железных дорог и плотин, на хлопчатобумажных плантациях и сахарных заводах трудились бесчисленные армии барщинных крестьян; они перебрасывались по мере надобности с одной работы на другую и безмерно эксплуатировались. И если техническая неприспособленность крепостного труда к современному капиталистическому производству обнаруживалась на каждом шагу, то это, с другой стороны, покрывалось неограниченной властью над массами, которая была дана здесь в руки капитала, продолжительностью эксплуатации и условиями жизни и работы трудящихся. Но крестьянское хозяйство доставляло не только земли и рабочие силы: оно доставляло и деньги. Этой цели служила налоговая система, которая под влиянием капиталистического хозяйства наложила на феллаха кандалы»³².

³² Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 311-312.

Чем выше становилась задолженность европейскому капиталу, тем больше европейский капитал мог приступить к ликвидационным операциям: «В 1875 г. Англия купила 172 000 суэцких акций за 80 млн. марок, за что Египет ей еще до настоящего времени должен платить процентов на 394 000 египетских фунтов стерлингов. Начали действовать английские комиссии по “упорядочению” египетских финансов. Замечательно, что европейский капитал совершенно не испугался отчаянного положения обанкротившейся страны и изъявил готовность предоставлять для ее “спасения” все новые колоссальные займы. Мятеж египетских войск, которые благодаря европейскому финансовому контролю голодали, в то время как европейские чиновники получали блестящие оклады, и спровоцированное восстание обескровленных масс в Александрии дали желанный повод для решительного натиска. В 1882 г. английские войска вступили в Египет, чтобы уже не покидать его и сделать покорение страны результатом грандиозных капиталистических операций, имевших место в Египте в продолжение двадцати лет, и завершением ликвидации египетского крестьянского хозяйства европейским капиталом»³³.

Не менее показателен пример Китая: «Период открытия Китая для европейской культуры, т. е. для товарного обмена с европейским капиталом, начался войной из-за опиума, которая заставила Китай покупать яд индийских плантаций, чтобы превратить его в деньги для английских капиталистов. В XVII столетии культура опиума была введена в Бенгалии английской

³³ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 313-314.

ост-индской компанией. Ее филиальное отделение в Кантоне распространило потребление этого яда в Китае. В начале XIX века опий так сильно упал в цене, что он быстро стал “средством потребления широких народных масс”. В 1833 году был издан закон, который устанавливал для каждого курильщика опия сто ударов и выставление у позорного столба на два месяца. Губернаторам провинций было вменено в обязанность отмечать в их годовых отчетах результаты борьбы с опиумом. Эта борьба привела к двум последствиям: во-первых, внутри Китая, в особенности в провинциях Гонан, Сетшун и Квейтшан, началось культивирование мака в большом масштабе; во-вторых, Англия объявила Китаю войну, чтобы заставить его разрешить свободный ввоз опия. Тогда-то и началось знаменитое “отпирание” Китая для европейской культуры в образе трубки для курения опия»³⁴. «Открытие Китая для торговли, начавшееся войной из-за опия, закончилось целой серией “аренд” и китайской экспедицией 1900 г., в которой торговые интересы европейского капитала превратились в явный международный грабёж китайских земель»³⁵.

«Каждая война сопровождалась мародерством и кражами в крупном масштабе памятников старинной культуры, которые производились европейскими культуртрегерами в китайских императорских дворцах и правительственных зданиях. Это имело место как в 1860 г., когда императорский дворец с его сказочными

³⁴ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 275-276.

³⁵ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 279.

сокровищами был ограблен французами, так в 1900 г., когда «все нации» похищали в перегонку казенное и частное добро. Дымящиеся развалины самых крупных и старых городов, гибель земледельческого хозяйства на огромных пространствах земли, невыносимый налоговый гнет для изыскания военных контрибуций были спутниками всех европейских вторжений и шли в ногу с успехами торговли»³⁶.

Такое давление не может не вызывать противодействия. Роза Люксембург писала о том, что войны и революции являются неизбежным следствием развития капиталистических отношений: «Как расширение товарного хозяйства за счет натурального и капиталистического производства за счет простого товарного производства осуществлялось при помощи войн, социальных кризисов и уничтожения целых социальных формаций, так превращение экономических гинтерландов и колоний в капиталистические самостоятельные единицы протекает в связи с революциями и войнами. Революция необходима в процессе капиталистической эмансипации гинтерландов для того, чтобы взорвать сохранившиеся со времен натурального и простого товарного хозяйства, а потому устаревшие государственные формы и создать современный государственный аппарат, приспособленный для целей капиталистического производства. Сюда относятся русская, турецкая и китайская революции. Тот факт, что эти революции – в особенности русская и китайская – одновременно с прямыми политическими требованиями господства капитала сопровождаются от-

³⁶ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 281.

части разными устарелыми докапиталистическими претензиями, отчасти совершенно новыми, направленными против господства капитала противоречиями, обуславливает их глубину и их могущественную силу, но затрудняет и тормозит их победоносное шествие. Война является обыкновенно методом молодого капиталистического государства, чтобы сбросить опеку старых капиталистических стран; это – боевое крепление и проба капиталистической самостоятельности современного государства»³⁷.

Империализм, с ее точки зрения, непосредственным образом связан с существованием капитализма на всех ступенях его исторического развития. Он представляет из себя не что иное, как процесс первоначального накопления, предшествующий каждому шагу капитала, идущего по пути расширенного производства.

Возникновение на рубеже XIX – XX вв. империализма нового типа было связано, в первую очередь, с появлением разного рода монополий. Как писал В.И. Ленин, к началу XX века «концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железорудные земли) во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, кото-

³⁷ Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934. С. 299.

рый “делят” между собою, по договорному соглашению, эти союзы»³⁸.

Особое значение в империалистически устроенном мире приобретают банки. «Монополия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала. Каких-нибудь три-пять крупнейших банков любой из самых передовых капиталистических наций осуществили “личную унию” промышленного и банковского капитала, сосредоточили в своих руках распоряжение миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталов и денежных доходов целой страны. Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества – вот рельефнейшее проявление этой монополии»³⁹.

На примере Британской империи и США мы можем видеть убедительное подтверждение этим словам В.И. Ленина. И приход в Германии к власти Гитлера был невозможен без первоначальной поддержки его магнатами капитала, от зависимости которым он потом освободился. Однако характерно, что в Советской России, где самый непримиримый критик монополий, создал монополию правящей партии на все ресурсы государства, в том числе и людские, все банки были государственными и играли лишь исполнительские функции.

³⁸ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 320-321.

³⁹ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 421.

Империализм обуславливает то, что некоторые монополии превращаются в надгосударственные образования, которые могут диктовать их правительствам те или иные условия: «Монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты делят между собою прежде всего внутренний рынок, захватывая производство данной страны в свое, более или менее полное, обладание. Но внутренний рынок, при капитализме, неизбежно связан с внешним. Капитализм создал всемирный рынок. И по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всякие заграничные и колониальные связи и “сферы влияния” крупнейших монополистических союзов, дело “естественно” подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей. Это – новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие».⁴⁰ Монополия на власть не входила в число предметов, рассматриваемых теоретиками учения об империализме начала XX века, но она является необходимым условием создания всемирной империи. И если закрытые общества и клубы Британской империи, а в более позднее время – США, являют нам прикрытый пример монополизации власти надправительственными структурами, то правящие партии СССР и фашистской Германии уже четко ее отражают.

Глобализация экономики в начале XX века служила процессу создания единого мирового рынка.

По мнению Ленина, быстрое развитие империализма обусловило мировую войну: «*Капиталистам*

⁴⁰ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 364-365.

теперь не только есть из-за чего воевать, но и *нельзя не* воевать, ибо без насильственного передела колоний *новые* империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (*и менее сильные*) империалистские державы»⁴¹.

«Характерной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел земли, окончательный не в том смысле, чтобы не возможен был *передел*, – напротив, переделы возможны и неизбежны, – а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран *закончила* захват незанятых земель на нашей планете. Мир впервые оказался уже поделенным, так что далее предстоят лишь переделы, т.е. переход от одного владельца к другому, а не от бесхозяйности к хозяину. Мы переживаем, следовательно, своеобразную эпоху всемирной колониальной политики, которая теснейшим образом связана с “новейшей ступенью в развитии капитализма”, с финансовым капиталом»⁴², – писал В.И. Ленин в преддверии Первой мировой войны.

В.И. Ленин подчеркивал, что в условиях империализма военные или мирные пути решения неизбежно возникающих конфликтов – лишь формы, никак не влияющие на саму суть империализма, как явления: «Капиталисты делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая степень концентрации заставляет становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его “по капиталу”, “по силе” – иного способа дележа не может быть в системе товарного производства и капитализма. Сила же меня-

⁴¹ Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. С. 172-173.

⁴² Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 374.

ется в зависимости от экономического и политического развития; для понимания происходящего надо знать, какие вопросы решаются изменениями силы, а есть ли это – изменения “чисто” экономические или внеэкономические, (например, военные), это вопрос второстепенный, не могущий ничего изменить в основных взглядах на новейшую эпоху капитализма»⁴³.

Ленин приводит таблицу, отражающую состояние мировых империй перед началом Первой мировой войны:

Колониальные владения великих держав (млн. кв. км. и млн. жителей) ⁴⁴

	Колонии				Метропо- лии		Всего	
	1876		1914		1914		1914	
	кв. км	жи т.	кв. км	жи т.	кв.к м.	жит.	кв. км.	жит.
Англия	22, 5	251 ,9	33, 5	39 3,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия	17, 0	15, 9	17, 4	33, 2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	0,9	6,0	10, 6	55, 5	0,5	39,6	11,1	95,1
Герма- ния	-	-	2,9	12, 3	0,5	64,9	3,4	77,2
С. Шта- ты	-	-	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106,7

⁴³ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 372-373.

⁴⁴ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 377.

Япония	-	-	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,2
Итого 6 великих держав	40,4	27,3,8	65,0	52,3,4	16,5	437,2	81,5	960,6
Колонии остальных держав (Бельгия, Голландия и пр.)							9,9	45,3
Полуколонии (Персия, Китай, Турция)							14,5	361,2
Остальные страны							28,0	289,9
Весь мир							133,9	1657,0

Анализируя эту таблицу, В.И. Ленин отмечает, что «из 75 млн. кв. километров всех колоний мира 65 млн., т.е. 86% сосредоточено в руках шести держав; 61 млн., т.е. 81% сосредоточено в руках 3-х держав».⁴⁵

Большое внимание В.И. Ленин уделял тому, что правительства этих новых империй порой повышали уровень жизни простого населения в метрополиях за счет усиления угнетения колоний: «Эксплуатация угнетенных наций, неразрывно связанная с аннексиями, и особенно эксплуатация колоний горсткой “великих” держав все больше превращает “цивилизованный” мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов. Привилегированная прослойка пролетариата империалистических держав живет отчасти за счет сотен миллионов нецивилизованных народов»⁴⁶.

⁴⁵ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. С. 406.

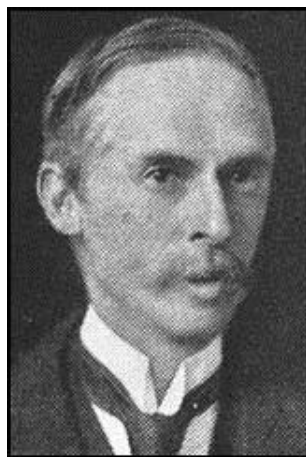
⁴⁶ Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. С. 165.

Особенно нападал он на тех, кто выступал апологетом империализма, под лозунгами улучшения положения рабочих в метрополиях. «*Оппортунисты (социал-шовинисты) работают вместе с империалистской буржуазией как раз в направлении создания империалистской Европы на плечах Азии и Африки, оппортунисты объективно представляют из себя часть мелкой буржуазии и некоторых слоев рабочего класса, подкупленную на средства империалистской сверхприбыли, превращенную в сторожевых псов капитализма, в развратителей рабочего движения*»⁴⁷.

При внимательном изучении истории развития империализма мы увидим, что его теоретики предполагали неизбежным в будущем создание единого государства, разница была лишь в том, какой они видели форму управления им. Британская империя, с ее влиянием на всех континентах, разными формами управления внутри имперского образования, в какой-то степени была прообразом современной империалистической политики США, которые могли использовать в своей геополитической стратегии ее опыт.

Так как же отразилось развитие империализма рубежа XIX – XX веков на творчестве английских писателей? Насколько удалось им показать личность в ее противостоянии глобальному миру или соработничеству с ним, насколько судьбы этого мира, по их мнению, зависели от конкретного человека? Попытка ответить на эти вопросы будет сделана в следующих главах.

⁴⁷ Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. С. 168.

Джон Аткинсон Гобсон

Учение об империализме Д.А. Гобсона

Гобсон (Hobson) Джон Аткинсон (6.7.1858, Дерби, – 1.4.1940, Лондон), английский экономист и реформист. Окончил колледж Линкольна в Оксфорде (1878). В 1887–97 читал курс политической экономии в Оксфордском и Лондонском университетах. Стронник теорий предельной полезности, предельной производительности и недопотребления. Главный труд Гобсона – «Империализм» (1902), в котором он, по словам В. И. Ленина, «... дал очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма» (Полн. собр. соч., 5 изд., т. 27, с. 309). Отвергая в целом его концепцию, В. И. Ленин использовал в книге «Империализм как высшая стадия капитализма» фактический материал и отдельные выводы его работы. Критикуя империализм, Гобсон утопически призывал возвратиться к

условиям домонополистического капитализма, отдельные пороки которого он мыслил устранить путём парламентских реформ. В 3-м издании своего труда «Империализм» (1938) Гобсон солидаризировался с демократическими силами, борющимися с фашизмом⁴⁸.

Гобсон рассматривал империализм как определенным образом обусловленную политику территориальной экспансии, являющейся чем-то ненормальным, о чем он прямо писал во вводной части своей работы: «Настоящее исследование определено относится к области социальной патологии, и потому в нем не делается никаких попыток скрыть злокачественность недуга»⁴⁹. Ученый считал колониализм и империализм различными понятиями: «Поскольку колониализм выражается в переселении части народа на свободные или малонаселенные чужие земли, где эмигранты сохраняют полные права гражданства родной страны или устанавливают местное самоуправление, согласованное с ее учреждениями и находящееся в конечном счете под ее контролем, он может рассматриваться как естественное продвижение национальности, как территориальное расширение ее земельных фондов, языка и учреждений. Однако в истории очень редко случается, чтобы колонии долго оставались в таких условиях, будучи удалены от своей родной страны. Они либо порывают связь с метрополией и устраиваются как отдельные национальные единицы, либо остаются в полнейшем подчинении от нее во всех де-

⁴⁸ dic.academic.ru» dic.nsf/bse/159941/Гобсон (дата обращения 28.04.2011 года).

⁴⁹ Гобсон Д. Империализм. Ленинград, 1927. С. 17.

лах, касающихся высшего порядка управления»⁵⁰. «Современная территориальная экспансия метрополий резко отличается от колонизации скудно заселенных земель умеренной зоны, куда белые колонисты приносят с собой систему управления, промышленность и другие достижения цивилизации родной страны. “Занятие” этих новых территорий выражается в том, что ничтожное меньшинство белых людей – чиновников, торговцев и промышленников – осуществляют свою политическую и экономическую власть над громадными ордами людей, рассматриваемых как низшая раса, неспособная пользоваться какими-либо реальными правами самоуправления в области политики или индустрии»⁵¹.

Изучая империализм, каким он являлся в начале XX века, Гобсон писал, что «особенность современного империализма, рассматриваемого с политической точки зрения, заключается, главным образом, в том, что его одновременно осуществляют несколько народов. Наличие целого ряда соперничающих в этом отношении государств – совершенно новое явление. Основная идея империи в древнем и средневековом смысле слова заключалась в федерации государств под гегемонией одного из них, обнимающей весь известный и признанный мир, как его понимал Рим в своем термине “*раха гомана*”. Когда римские граждане, обладавшие всей полнотой гражданских прав, встречались на протяжении всего известного им мира и в Африке и в Азии, равно как в Галлии и Британии, империализм заключал в себе подлинный элемент интернациона-

⁵⁰ Гобсон Д. Указ. соч. С. 21.

⁵¹ Там же. С. 36.

лизма. Империя отождествлялась с интернационализмом, хотя она и не всегда основывалась на идее равенства народов»⁵². «Современный империализм отличается от империализма былых времен, во-первых, тем, что честолюбивые стремления создать единую могучую империю уступили место теории и практике соперничающих между собой империй, из которых каждая охвачена одними и теми же вожделениями политической экспансии и коммерческой наживы; во-вторых, преобладанием интересов финансовых, интересов денежного капитала над чисто-торговыми интересами»⁵³.

Большое внимание Гобсон уделяет неравному положению различных частей Британской империи. «Британские «колониальные владения» распадаются официально на три группы: 1) «коронные колонии», в которых корона пользуется правом полного контроля над законодательством, при чем управление ведется чиновниками под контролем центрального правительства; 2) колонии, обладающие представительными учреждениями, но без ответственного правительства, и в которых корона пользуется только правом законодательного veto, а центральное правительство сохраняет контроль над государственными делами; и 3) колонии, обладающие представительными учреждениями и ответственным правительством, при чем корона пользуется только правом законодательного veto, а центральное правительство не имеет права контроля ни над одним чиновником, за исключением губерна-

⁵² Гобсон Д. Указ. Соч. С. 22-23.

⁵³ Там же. С. 242.

тора»⁵⁴. И «если наши вольные самоуправляющиеся колонии окрыляли надеждами, поощряли и отчасти направляли демократические стремления Великобритании, и не только периодическими успехами в искусстве народного управления, но и господствовавшим в них духом свободы и равенства, то наши деспотически управляемые владения всегда способствовали порче характера нашего народа, воспитывая в нем угодливость перед снобом, преклонение перед богатством и чинами, прививая скверные пережитки феодального неравенства»⁵⁵.

В противоположность Ленину, Гобсон отрицал то, что империализм является структурной потребностью экономики метрополии. В ней была возможна и необходима политика перераспределительного налогообложения, которая бы создавала обратный эффект в виде подрезания соответствующего экономического корня (конечные избыточные сбережения) и стимулирования отечественного спроса (уменьшение конечного недопотребления)⁵⁶.

«Если бы порядок распределения доходов или потребительская способность соответствовали наличности действительных потребностей, тогда, очевидно, потребление возрастало бы с каждым подъемом производительности, так как людские потребности безграничны, и не было бы избыточных сбережений. Но дело обстоит совсем иначе в таком экономическом

⁵⁴ Там же. С. 34-35.

⁵⁵ Там же. С. 128.

⁵⁶ "The new Palgrave a Dictionary of Economics". Ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. Перевод А. С. Скоробогатова. library.by > portalus/modules/economics/referat (Дата обращения 28.04.2011 года).

строе общества, в котором распределение не согласовано с потребностями, а определяется иными условиями; в котором часть людей обладает потребительской способностью далеко превосходящей их действительные нужды или возможные потребности, тогда как другая настолько лишена этой способности, что не может удовлетворить даже основных требований своего физического существа»⁵⁷.

«Теперь очевидно, что заблуждение – считать империалистическую экспансию неизбежной, как необходимый выход для развивающейся промышленности. Не прогресс промышленности требует открытия новых рынков и новых сфер помещения капитала, а плохое распределение потребительских способностей, мешающее поглощению продуктов и капитала внутри страны. Избыточные сбережения, являющиеся экономическим корнем империализма, оказываются, при более близком рассмотрении, рентой, монопольной прибылью и вообще нетрудовым и исключительным доходом, который, не являясь продуктом ручного или умственного труда, не имеет законного *raison d'être*. Не имея никакого отношения к процессу производства, эти доходы не побуждают тех, кто их получает, к соответствующему расширению их потребления: они образуют излишек благ, который не имея надлежащего места в нормальной экономике производства и потребления, принуждает к чрезмерному накоплению. Пусть какое-нибудь изменение политико-экономических сил отвлечет от этих собственников излишек их доходов и передаст его или рабочим – в форме повышенной заработной платы их – или же гос-

⁵⁷ Там же. С. 81.

ударству – в форме налогов; тогда этот излишек будет расходоваться, а не сберегаться и способствовать тем или иным путем повышению потребления, – а в таком случае не нужно будет сражаться из-за иностранных рынков или иностранных территорий ради выгодного размещения капиталов»⁵⁸.

«Хотя с 1870 г. Произошло значительное увеличение британских владений, вызвавшее соответствующее сокращение числа и размера “чужих земель” эта империалистическая экспансия, тем не менее, не сопровождалась увеличением торговли между метрополией и ее владениями, насколько можно судить по великобританскому импорту и экспорту»⁵⁹. «Политика территориальной экспансии, как мера для обеспечения избытка населения в настоящем или будущем, не является реальной необходимостью. Вся британская эмиграция представляет лишь небольшую часть населения Великобритании, в течение последних лет территориального расширения это соотношение даже уменьшилось: небольшая часть эмигрантов селится в старых британских владениях, и невероятно малая часть селится в странах, приобретенных при господстве нового империализма»⁶⁰. «Политика империализма последних тридцати лет, как политика торговая, оказалась обреченной, так как при огромных материальных затратах она дала лишь ничтожное, невыгодное и ненадежное увеличение рынка, поставив в то же время на карту все достояние нации и вызвав неудо-

⁵⁸ Там же. С. 83-84.

⁵⁹ Там же. С. 42.

⁶⁰ Там же. С. 53.

вольствие других народов»⁶¹. «Роль подобной торговли во всей хозяйственной жизни Великобритании очень незначительна, но некоторая часть ее весьма влиятельна и способна оказывать определенное давление на политику при помощи торговых палат, парламентских представителей и полуполитических, полукommerческих учреждений вроде “Имперской Южно-Африканской ассоциации” или “Китайской лиги”»⁶².

«Государство, в котором хозяйственные интересы отдельных хорошо организованных классов могут брать перевес над слабыми, расплывчатыми интересами всего общества, принуждено вести политику, которая содействует закреплению их господства над последним»⁶³.

В своей книге Гобсон достаточно прямо пишет о фактически надправительственных структурах, определяющих империалистическую политику: «Богатство банкирских домов, размах их операций и их космополитическая организация делают их первыми и решительными сторонниками империалистической политики. Они, обладая самой большой ставкой в деле империализма и обширнейшими средствами, могут навязать свою волю международной политике»⁶⁴.

Однако тут же Гобсон непоследовательно пишет о том, что «двигающая сила империализма не исключительно финансовая: финансы скорее управляют империалистической машиной, направляя ее энергию и определяя ее работу, но не они являются непосред-

⁶¹ Там же. С. 55.

⁶² Там же. С. 58.

⁶³ Там же. С. 57.

⁶⁴ Там же. С. 66.

ственным источником ее могущества. Финансы пользуются патриотическими чувствами, которые таят в себе политики, солдаты, филантропы и торговцы; но увлечение территориальной экспансией, которое питается из этого же источника, даже сильное и искреннее, само по себе беспорядочно и слепо; финансы же обладают той способностью оформлять и зорко рассчитывать, которая необходима для того, чтобы пустить империализм в ход»⁶⁵.

Непоследовательность данного положения Гобсона заключается в том, что он путает массовую базу и социальную сущность, недооценивая в целом роль финансового капитала в развитии империализма, основа которого в том виде, в каком он сложился к началу 20 века, является исключительно финансово-монополистической. Финансы не просто управляют машиной империализма, они являются причиной ее работы.

И в других местах своей книги Гобсон об этом пишет: «Если частные интересы владельцев капитала могут столкнуться с общественными и привести к гибельной политике, то еще большую опасность представляют специфические интересы финансиста, главного дельца по размещению капиталов. Станет ли кто-нибудь утверждать серьезно, что европейские державы могут предпринимать большие войны или размещать крупные государственные займы без согласия банкирского дома Ротшильда или его союзников?»⁶⁶

Это относится не только к Европе, но и к США: «Смелый энтузиазм президента Рузвельта и его пар-

⁶⁵ Там же. С. 66.

⁶⁶ Там же. С. 64.

тии, говорящей о “предуказанных судьбах” и “просветительных миссиях” народа не должен вводить нас в заблуждение. Империализм нужен мистеру Рокфеллеру, Пирпунту Моргану, Ганна и Швабу и их союзникам, и они взваливают его на плечи великой республики Запада. Им нужен империализм потому, что они хотят использовать народные средства для выгодного помещения своих капиталов, которые при других условиях оказались бы праздным избытком»⁶⁷.

Гобсон писал о том, что действия этих людей определяются исключительно жадой прибыли, при этом интересы даже целых народов никак не учитываются. В частности, об англо-бурской войне он написал: «Для “посвященных” финансовых дельцов тяжкие страдания Англии и Южной Африки во время войны оказались источником огромных барышей. Эти люди – единственные, кто выиграл на войне, и большинство их барышей основано на потерях усыновившей их родины или на личных потерях их сограждан. Правда, не обязательно, чтобы политика этих людей всегда требовала войны: там, где война может вызвать чересчур большой и продолжительный вред для промышленности, которая является важнейшим и основным базисом спекуляции, их влияние обращается в сторону мира»⁶⁸.

Конечно, финансовые магнаты не являются единственной движущей силой империализма. Гобсон указывает тех, на кого они на тот момент опирались в достижении своих целей: «Таков боевой состав реальных экономических сил, работающих в пользу империализма: большая группа лиц торговых и свободных

⁶⁷ Там же. С. 77.

⁶⁸ Там же. С. 65-66.

профессий, ищущая выгодных дел и прибыльных занятий от расширения военной и гражданской службы, от расходов на военные операции, от новых территориальных владений и торговли с ними, от концентрации новых капиталов, в которых эти операции нуждаются, – и все они находят центральную руководящую и направляющую силу во власти финансового дельца. Игра этих сил не проявляется открыто. Они обыкновенно паразитируют на патриотизме и принимают на себя его защитную окраску. С уст их представителей не сходят благородные фразы, выражающие желание расширить сферу цивилизации, учредить хорошее управление, распространить христианство, уничтожить рабство и поднять низшие расы»⁶⁹. «В Англии заявление лорда Розбери о том, что Британская империя есть “величайшее в мире агентство для насаждения общего блага, когда-либо известное миру”, всегда будет служить главным оправданием империализма»⁷⁰.

Размышляя об образовании и воспитании, на примере Англии того времени, Гобсон писал о том, что они все более становятся зависимыми от финансирующего их частного капитала: «Философия, естественные науки, история, экономика, социология – должны возводить новые укрепления в защиту денежных интересов плутократии от нападков обездоленных масс»⁷¹. «В воспитании решающие моменты определяются следующими тремя вопросами: “Кто будет учить? Чему будут учить? Как будут учить?” Там, где доходы

⁶⁹ Там же. С. 67.

⁷⁰ Там же. С. 187.

⁷¹ Там же. С. 176.

университета зависят от щедрот богатых людей, от милосердия миллионеров, там, по необходимости, будут даны следующие ответы: “Благонамеренные учителя”, “Благонамеренной науке”, “Здоровыми (т.е. ортодоксальными) методами”. Народная поговорка, гласящая: “на чьем возу сидишь, тому и песню поешь”, вполне применима здесь, и никакие вздорные разговоры об академической гордости и интеллектуальной честности не могут заставить нас закрыть глаза на это обстоятельство»⁷².

«Страдая от перепроизводства во всех профессиях, военных и гражданских, в армии и дипломатии, в церкви и суде, в педагогике и инженерном искусстве, Великобритания облегчает таким образом перегрузку отечественных рынков, дает возможность выдвинуться энергичным людям и любителям приключений и создает удобное место уединения для неудавшихся карьер и испорченных репутаций. Расширение этого поля деятельности является могущественной двигательной силой империализма»⁷³.

В книге, написанной в 1902 году, Гобсон говорил о существовании предпосылок для начала мировой войны. Так он писал о Британской империи:

«Если мы хотим удержать за собой все, что мы захватили, начиная с 1870 года, если мы хотим состязаться с юными промышленными народами в деле раздела территорий и сфер влияния в Азии и Африке, мы должны готовиться к войне»⁷⁴. «Часто утверждают, что процесс территориального расширения фактиче-

⁷² Там же. С. 177.

⁷³ Там же. С. 59.

⁷⁴ Там же. С. 113.

ски уже закончен. Это совершенно неверно. Правда, большинство “отсталых” рас поставлено в некоторую зависимость от той или иной “цивилизованной” державы: созданы колонии, протектораты, сферы влияния. Но в большинстве случаев все это указывает скорее на начало империализации, чем на полную законченность этого процесса»⁷⁵.

Гобсон писал о том, что «Великое испытание западного империализма – это Азия, где живут многочисленные народы, наследники таких же сложных цивилизаций, как наша собственная, но более древних и вековым навыком более прочно вкоренившихся в повседневную жизнь. На африканские расы можно было смотреть, как на дикарей, как на детей, как на “оставших” на том самом пути цивилизации, на котором англо-саксонская раса является авангардом, а потому требующих поддержки со стороны более культурных народов. Не так легко найти благовидный предлог для установления контроля Запада над Индией, Китаем и другими азиатскими странами»⁷⁶.

Его фантазии о будущем Китая, в которые он сам, судя по всему, не верил, через сто лет во многом воплотились в жизнь: «В наших отношениях к отсталым расам, способным к восприятию западных промышленных навыков, можно различить три стадии. Прежде всего, идет обыкновенная торговля, обмен нормальными излишками производства обеих стран. Затем, когда Великобритания или другая западная держава приобретет какую-нибудь территорию или вложит капиталы в чужой стране с целью разработки ее

⁷⁵ Там же. С. 179.

⁷⁶ Там же. С. 228.

естественных богатств, наступает период оживленного и широкого экспорта товаров в виде рельс, машин и прочих видов реализованного капитала, при чем не требуется, чтобы экспорт был непременно сбалансирован с импортом, так как он фактически поглощает финансирующий капитал. Эта стадия может продолжаться очень долго, если в новой стране не окажется капитала или предпринимательской инициативы. Но остается еще третья стадия, которая может быть достигнута, по крайней мере, в Китае, в недалеком будущем, – она наступает тогда, когда капитал и организаторские способности имеются внутри страны и реализуются либо основавшимися здесь европейцами, либо туземцами. Народ, вооруженный всеми производительными ресурсами, необходимыми для дальнейшего внутреннего развития своей страны, может обратиться против своего цивилизатора; выбившись из под его промышленной опеки, он станет продавать дешевле его на своих собственных рынках, он захватит в свои руки его иностранные рынки и присвоит себе остальную часть культурной работы, которую еще остается сделать в других девственных частях земного шара»⁷⁷.

Гобсон отмечал, что к началу XX века «империализм еще только начинает осуществлять свои возможности и превращать в тонкое умение управлять людьми; широкое доверие к нему народа, просвещение которого ограничивается искусством, не разбираясь, читать по печатному, очень благоприятствует намерениям смелых дельцов, держащих в своих руках прессу, школу, а в случае надобности и церковь, и внушающих

⁷⁷ Там же. С. 244-245.

массам империализм под привлекательной личиной патриотизма»⁷⁸.

Сравнивая современный ему империализм с Римской империей, Гобсон предсказывает, что его ждет такой же конец, в силу законов обожествляемой Гобсоном «природы»: «Современный империализм в наиболее существенных чертах ничем не отличается от старого примера. Элемент политической дани сейчас отсутствует или играет второстепенную роль; наиболее грубые формы рабства исчезли, а некоторые факты более естественного или бескорыстного управления смягчают или оттеняют его определенно паразитарную сущность. Но природу не обманешь: законы ее действуют всюду, они обрекают паразита на атрофию, на вымирание и полное исчезновение; этих законов не избежать ни народам, ни отдельным организациям»⁷⁹.

Альтернативой империализму Гобсон видел иные формы глобализации: «Подлинный сильный интернационализм, будь то форма или идея, подразумевает наличность могущественных, уважающих себя национальностей, ищущих союза на почве общих народных нужд и интересов. Такой ход исторического развития соответствует больше законам социального роста, чем зарождение анархического космополитизма индивидуальных единиц посреди общего упадка национальной жизни. Национализм – прямой путь к интернационализму, и если между ними замечается антагонизм, мы вправе подозревать искажение его природы и целей. Подобным искажением является империализм,

⁷⁸ Там же. С. 281.

⁷⁹ Там же. С. 286.

при котором народы, нарушая границы естественной ассимиляции, превращают здоровое соревнование различных национальных типов в разбойную борьбу, соперничающих друг с другом империй»⁸⁰.

«Международные договоры, международный кредит и обмен, общая почтовая, а в более узких границах – и общая железнодорожная система, не говоря уже о конвенциях и конференциях, которыми обеспечивается согласованность международных действий, наконец, все неписанные законы о войне, о международной учтивости, о посольствах, консульствах и тому подобных учреждениях – все это покоится на основе признания некоторых взаимных обязанностей, нарушение которых наказывается потерей прав наиболее благоприятствуемого государства, бойкотом и, быть может, даже соединенным вмешательством других государств. В этих институтах мы видим начало действительной международной федерации и зачатки легальных санкций для установления и закрепления ее прав»⁸¹.

«Если цивилизованные белые нации постепенно сбросят с себя бремя классовой борьбы, интересы которой на стороне войн и территориальной экспансии, если они сократят прирост своего населения посредством предупредительных мер против дурного потомства и употребят свою энергию на использование естественных богатств (все это вполне возможно) – тогда исчезнут всякие поводы для международных конфликтов: торговые связи и дружественные сношения будут

⁸⁰ Там же. С. 24.

⁸¹ Там же. С. 140-141.

поддерживать вечный мир на основе международной солидарности»⁸².

Здесь обращают внимание на себя положения о искусственном регулировании населения, «дурном потомстве», характерные для автора, религией которого являлась теория эволюции.

Гобсон является первым серьезным исследователем новых форм империализма, появившихся к началу XX века, обозначившим значение именно финансового капитала в их появлении и развитии. Какие-то из положений его книги с позиций сегодняшнего дня выглядят прозрением будущего, а какие-то, наоборот, несколько наивными. В любом случае нельзя отрицать, что именно Гобсон оказал большое влияние на формирование нового учения об империализме в начале XX века, на работы в данном направлении В.И. Ленина, взявшего на себя даже труд перевода книги английского экономиста.

⁸² Там же. С. 153.

Оскар Уайльд

Когда красота становится уродством. Перечитывая Оскара Уайльда...

Прагматичный XIX век, отвергающий все чудесное, сменил XX, который сумел разрушить и прагматику и иллюзии. Две страшнейшие мировые войны, которых доселе не знало человечество; беззаконие, творимое под видом совершенных во благо народа революций; преступления которых доселе не знал мир – вот что давало миру «просвещение» без Христа. Этого нельзя было не предвидеть. Некоторые мыслители, такие как, например, Ф.М. Достоевский, говорили об этом прямо. Были и те, которые предвидели, что та правда, которую выберет человечество, окажется слишком страшной и невыносимой – настолько, что её не сможет вместить человеческое сознание.

Заглядывая в своем воображении в неумолимо приближающийся двадцатый век, Оскар Уайльд пророчески писал о том будущем, которое когда-то придет на смену рационализму века девятнадцатого: «Факты будут считаться чем-то постыдным. Истина пригорюнится в своих оковах, а поэзия со своими сказками вновь вернется на землю. Картина мира преобразится перед нашими изумленными взорами. Драконы закопшатся в пустынях и Феникс взвоется в воздух из своего гнезда. Мы руками прикоснемся к Василиску и узрим драгоценный камень в голове у жабы. Жуя свой золотой овес, Гиппогриф будет стоять в наших стойлах, а над головами будет носиться Синяя Птица с песнями о прекрасном, несбыточном, о том чего нет и не будет»⁸³.

Сегодня во многом мы наблюдаем воплощение этих слов – возврат к средневековью, когда астрология, нумерология и хиромантия начинают претендовать на звание точных наук, авторитет которых в нашей стране подрывается, как бедственным материальным положением ученых, так и некоторыми реформами в образовательной сфере. А «прогресс» обобщается тем, что телевидение и компьютеры, с их все более совершенными технологиями создания «виртуальной реальности», все более отрывают множество людей от внимания к проблемам тех, кто рядом с ними, способствуя созданию общества, в котором господствуют уже не традиционные ценности. Но Оскар Уайльд, возможно, имел в виду не совсем это; он пытался построить выдуманный мир красоты, в кото-

⁸³ Цит. по: *Аникст А.* Оскар Уайльд. // *О. Уайльд Избр. произвед.* В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 10-11.

рый можно было бы уйти от ужасной реальности сформировавшегося империализма.

Писатель остро осознавал несовершенство мира, в котором ему приходилось жить. В сказке «Рыбак и его Душа» Душа, обращаясь к Рыбаку, так описывает бытие вокруг: «И она сказала молодому Рыбаку:

– Я говорила тебе о радостях мира сего, но не слышало меня ухо твое. Дозволь мне теперь рассказать тебе о скорбях человеческой жизни, и, может быть, ты услышишь меня. Ибо поистине Скорбь есть владычица этого мира, и нет ни одного человека, кто избег бы ее сетей. Есть такие, у которых нет одежды, и такие, у которых нет хлеба. В пурпур одеты иные вдовицы, а иные одеты в рубище. Прокаженные бродят по болотам, и они жестоки друг к другу. По большим дорогам скитаются нищие, и сумы их пусты. В городах по улицам гуляет Голод, и Чума сидит у городских ворот»⁸⁴.

Но взгляд писателя многомерен; в той же сказке та же Душа рисует и иную картину мира: «Зачем сокрушаться тебе о грехах? Разве то, что приятно вкушать, не создано для вкушающего? И в том, что сладостно пить, разве заключается отрава? Забудь же твою печаль, и пойдем со мной в другой город. Есть маленький город неподалеку отсюда, и в нем есть сад из тюльпанных деревьев. В этом прекрасном саду есть павлины белого цвета и павлины с синею грудью. Хвосты у них, когда они распускают их при сиянии солнца, подобны дискам из слоновой кости, а также позолоченным дискам. И та, что дает им корм, пляшет, чтобы доставить им радость; порою она пляшет на ру-

⁸⁴ Уайльд О. Рыбак и его Душа // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 357-358.

ках. <...> Забудь же свою печаль, и пойдем со мной в этот город»⁸⁵.

Эта небольшая сказка – очень сложное философское произведение, показывающее, насколько сложен внутренний мир Уайльда, как своеобразно происходило преломление в его сознании элементов христианской и языческой культурных традиций. Рыбак ради любви к Деве морской с помощью колдовства прогоняет от себя Душу. Он не дает ей сердце, и она, скитаясь по миру, совершает множество зла. Наконец, она возвращается, что становится мучением для Рыбака, начавшего совершать зло по приказу Души, ушедшего от своей возлюбленной, но затем отказавшегося повиноваться ей и остаток жизни проведенного на берегу в ожидании любимой. Когда же волны вынесли на берег ее мертвое тело, он умирает рядом с ней, в момент перед смертью Душа вновь становится с ним одним целым.

В конце этой сказки писатель вкладывает в уста Рыбака такой гимн любви: «Любовь, – говорил он, – лучше мудрости, ценнее богатства и прекраснее, чем ноги у дочерей человеческих. Огнями не сжечь ее, водами не погасить. Я звал тебя на рассвете, но ты не пришла на мой зов. Луна слышала имя твое, но ты не внимала мне. На горе я покинул тебя, на погибель свою ушел от тебя. Но всегда любовь к тебе пребывала во мне, и была она так несокрушимо могуча, что все

⁸⁵ Уайльд О. Рыбак и его Душа // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 355-357.

было над нею бессильно, хотя я видел и злое и доброе. И ныне, когда ты мертва, я тоже умру с тобой»⁸⁶.

Уайльд, безусловно, сознавал не христианский характер истории любви, которая была им написана, любви запретной, разрушительной, несущей нарушение естественного хода вещей и смерть. И он вкладывает эту оценку сначала в тираду Священника, который «громко возопил и сказал:

– Я не пошлю благословения морю и тому, что находится в нем. Проклятие Обитателям моря и тем, которые водятся с ними! А этот, лежащий здесь со своею возлюбленной, отрекшийся ради любви от Господа и убитый праведным Господним судом – возьмите тело его и тело его возлюбленной и схороните их на Погосте Отверженных, в самом углу, и не ставьте знака над ними, дабы никто не знал о месте их упокоения. Ибо прокляты они были в жизни, прокляты будут и по смерти»⁸⁷.

Но через три года в «день праздничный Священник пришел в храм, чтобы показать народу раны Господни и сказать ему проповедь о гневe Господнем. И когда он облачился в свое облачение, и вошел в алтарь, и пал ниц, он увидел, что престол весь усыпан цветами, дотолe никем невиданными. <...> красота этих белых цветов волновала его, и сладостен был их аромат для него, и другое слово пришло на уста к нему, и заговорил он не о гневe Господнем, а Боге, чье

⁸⁶ Уайльд О. Рыбак и его Душа // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 359.

⁸⁷ Уайльд О. Рыбак и его Душа // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 360.

имя – Любовь. И почему речь его была такова, он не знал»⁸⁸.

Второе же свидетельство о не христианском характере любви Рыбака к Деве морской намного определеннее, чем эмоциональная тирада Священника, которую можно толковать в смысле узости и нетерпимости христиан. Так вот когда, узнав о том, что цветы, которые так все перевернули в нем, с Погоста Отверженных, Священник задрожал «и вернулся в свой дом молиться. И утром, на самой заре, вышел он с монахами, и клиром, и прислужниками, несущими свечи, и с теми, которые кадят кадильницами, и с большою толпой молящихся, и пошел он к берегу моря, и благословил он море и дикую тварь, которая водится в нем. И Фавнов благословил он, и Гномов, которые пляшут в лесах, и тех, у которых сверкают глаза, когда они глядят из-за деревьев. Всем созданным Божьего мира дал он благословение; и народ дивился и радовался»⁸⁹. И что же произошло после этого? «Но никогда уже не зацветают цветы на Погосте Отверженных, и по-прежнему весь Погост остается нагим и бесплодным. И Обитатели моря уже никогда не заплывают в залив, как бывало, ибо они удалились в другие области этого моря»⁹⁰. Может быть, после такой великой любви, как у Рыбака и Девы морской сказке уже не осталось места в этих краях? Но можно понять данную концовку и в том смысле, что христианская любовь Священника, кото-

⁸⁸ Уайльд О. Рыбак и его Душа // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 360-361.

⁸⁹ Там же. С. 361.

⁹⁰ Там же.

рую он обрел, дала силу его молитве, расколдовавшей эти места.

Любовь в сознании О. Уайльда тесно связана со смертью; как писал А. Аникст в творчестве писателя «она оказывается страстью, которая губит и любящего и предмет его любви»⁹¹. В «Балладе Рэдингской тюрьмы» переживший двухлетнее тюремное заключение поэт написал такие строки:

«Но каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал,
Один – жестокостью, другой –
Отравую похвал,
Трус – поцелуем, тот, кто смел, –
Кинжалом наповал»⁹².

Несовершенство земной любви, несовершенство красоты, относительность земной истины – то, что заставляло Оскара Уайльда в его книгах погружаться все глубже в самые сокровенные тайники человеческой жизни, в поисках ответа на мучившие его вопросы. Главное произведение, в котором писатель показывает, как красота, когда ей поклоняются, превращается в уродство, – это, безусловно, «Портрет Дориана Грея». Там нет и тени морализаторства. В своем предисловии к этому роману Уайльд прямо указывает на субъективный характер любого художественного произведения: «В сущности, Искусство – зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь»⁹³.

⁹¹ Аникст А. Оскар Уайльд. // О. Уайльд Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 25.

⁹² Уайльд О. Баллада Рэдингской тюрьмы // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 398.

⁹³ Уайльд О. Портрет Дориана Грея // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 30.

Один из главных героев этой книги, лорд Генри, в таких выражениях описывает молодому Дориану, единственным достоинством которого является его внешность, преимущества красоты: «Вы удивительно хороши собой, мистер Грей. Не хмурьтесь, это правда. А Красота – это один из видов Гения, она еще выше Гения, ибо не требует понимания. Она – одно из великих явлений окружающего нас мира, как солнечный свет, или весна, или отражение в темных водах серебряного щита луны. Красота неоспорима. Она имеет высшее право на власть и делает царями тех, кто ею обладает. <...> Новый гедонизм – вот что нужно нашему поколению. И вы могли бы стать его зримым символом. Для такого как вы, нет ничего невозможного. На короткое время мир принадлежит вам... <...> к нам молодость не возвращается. Мы превращаемся в отвратительных марионеток с неотвязными воспоминаниями о тех страстях, которых мы слишком боялись, и соблазнах, которым мы не посмели уступить»⁹⁴.

Дориан жадно внимает ему. Художник Бэзил Холлуорд пишет портрет юноши, который приобретает магическую силу: он стареет вместо того, кто на нем изображен. Сам Грей потом так рассказывает создателю картины об этом: «Много лет назад, когда я был еще почти мальчик, – сказал Дориан Грей, смяв цветок в руке, – мы встретились с вами, и вы тогда льстили мне, вы научили меня гордиться своей красотой. Потом вы познакомили меня со своим другом, и он объяснил мне, какой чудесный дар молодость, а вы написали с меня портрет, который открыл мне великую си-

⁹⁴ Уайльд О. Портрет Дориана Грея // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 50-51.

лу красоты. И в миг безумия, – и я сейчас еще не знаю, сожалеть мне об этом или нет, – я высказал желание... или, пожалуй, это была молитва...»⁹⁵.

Художник ужасается, он призывает Дориана к покаянию, а тот в ответ убивает его, затем уничтожает тело. Чем больше пороков овладевают Греем, чем больше грехов он совершает, тем более мерзкий вид приобретает портрет: «под влиянием какой-то неестественно напряженной скрытой жизни портрета проказа порока постепенно разъедала его. Это было страшнее, чем разложение тела в сырой могиле»⁹⁶.

Внешне прекрасный как в юности, Дориан неспокоен, он осознает, что его внешняя красота – это духовное уродство: «Эта красота его погубила, красота и вечная молодость, которую он себе вымолил! Если бы не они, его жизнь была бы чиста. Красота оказалась только маской, молодость – насмешкой»⁹⁷. Он думает, что нужно уничтожить портрет, который не дает ему спокойно жить, является его совестью. Но Грей недооценил того, насколько сильна его связь с портретом. «Дориан осмотрелся и увидел нож, которым он убил Бэзила Холлуорда. Он не раз чистил этот нож, и на нем не было ни пятнышка, он так и сверкал. Этот нож убил художника – так пусть же сейчас он убьет и его творение, и все, что с ним связано. Он убьет прошлое, и, когда прошлое умрет, Дориан Грей будет свободен! Он покончит со сверхъестественной жизнью души в портрете, и когда прекратятся эти зловещие предосте-

⁹⁵ Уайльд О. Портрет Дориана Грея // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 174.

⁹⁶ Там же. С. 175.

⁹⁷ Там же. С. 232.

режения, он вновь обретет покой. Дориан схватил нож и вонзил в портрет. Раздался громкий крик и стук от падения чего-то тяжелого. Этот крик смертной муки был так ужасен, что проснувшиеся слуги в испуге выбежали из своих комнат. <...> Войдя в комнату, они увидели на стене великолепный портрет своего хозяина во всем блеске его дивной молодости и красоты. А на полу с ножом в груди лежал мертвый человек во фраке. Лицо у него было морщинистое, увядшее, отталкивающее. И только по кольцам на руках слуги узнали кто это»⁹⁸.

Оскар Уайльд – автор и ряда произведений, в которых чувствуются христианские мотивы; ему знакома и подлинная красота, та, перед которой бессильна даже смерть; в целом ряде произведений он ее показывает. Но, чтобы увидеть ее, нужно очиститься, пройдя сквозь горнило страданий. И тогда

«Как счастлив тот, кто смыл свой грех
Дождем горячих слез,
Разбитым сердцем искупил
И муки перенес, –
Ведь только к раненым сердцам
Находит путь Христос.

<...>

Рука, поднявшая кинжал,
Теперь опять чиста,
Ведь только кровь отмоеет кровь,
И только груз креста
Заменит Каина клеймо

⁹⁸ Там же. С. 234-235.

На снежный знак Христа»⁹⁹.

В сказке «Мальчик-звезда» писатель рассказывает историю злоключений мальчика, через которые он должен был пройти, чтобы очистилась его душа. А когда этот катарсис произошел, то неожиданно для себя, идя на смерть, он оказался призван, чтобы быть королем. И вот об этом периоде его жизни Уайльд говорит очень лаконично и емко, так, что словам его можно поверить: «И был он справедлив и милосерден ко всем. Он изгнал злого Волшебника, а Лесорубу и его жене послал богатые дары, а сыновей их сделал вельможами. И он не позволял никому обращаться жестоко с птицами и лесными зверями, и всех учил добру, любви и милосердию. И он кормил голодных и сирых и одевал нагих, и в стране его царили мир и благоденствие. Но правил он недолго. Слишком велики были его муки, слишком тяжкому подвергся он испытанию – и спустя три года он умер. А преемник его был тираном»¹⁰⁰. Здесь писатель подчеркивает то, что земной рай – это утопия, тот, кто его строит должен осознавать земную недолговечность результатов его деятельности, которая имеет при этом онтологическое вневременное значение и подлинную оценку которой может дать только Бог.

В написанной в 1888 году, возможно, самой красивой сказке «Счастливый Принц» Оскар Уайльд описывает статую Счастливого Принца и Ласточку, отдавших все, что у них было, даже саму жизнь ради то-

⁹⁹ Уайльд О. Баллада Рэдингской тюрьмы // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 397.

¹⁰⁰ Уайльд О. Мальчик-звезда // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 378.

го, чтобы помочь тем, кто рядом с ними. «Принц был покрыт сверху донизу листочками чистого золота. Вместо глаз у него были сапфиры, и крупный рубин сиял на рукояти его шпаги»¹⁰¹. Но под этим великолепием статуя была из обычного материала, даже сердце ее было оловянным. И вот всю свою драгоценную внешность, даже свои глаза Счастливый Принц отдает погибающим от нужды, а Ласточка, чтобы помочь ему сделать это, не улетает на зиму в теплые края. «Ласточка, бедная, зябла и мерзла, но не хотела покинуть Принца, так как очень любила его. Она украдкой подбирала у булочной крошки и хлопала крыльями, чтобы согреться. Но, наконец, она поняла, что настало время умирать. Только и хватило у нее силы – в последний раз взобраться Принцу на плечо. И она поцеловала Счастливого Принца в уста и упала мертвая к его ногам. И в ту же минуту странный треск раздался у статуи внутри, словно что-то разорвалось. Это раскололось оловянное сердце. Воистину был жестокий мороз»¹⁰². И Оскар Уайльд с удивительной художественной достоверностью показывает тот суд, который выносят Принцу и Ласточке люди, и какое определение о них Господа: «И они приблизились к статуе, чтобы осмотреть ее.

– Рубина уже нет в его шпаге, глаза его выпали, и позолота с него сошла, – продолжал Мэр. – Он хуже любого нищего!

И расплавили статую в горне.

¹⁰¹ Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 265.

¹⁰² Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 272.

– Удивительно, – сказал Главный Литейщик. – Это разбитое оловянное сердце не хочет расплавляться в печи. Мы должны выбросить его прочь.

И швырнули его в кучу сора, где лежала мертвая Ласточка.

И повелел Господь Ангелу Своему:

– Принеси мне самое ценное, что ты найдешь в этом городе.

И принес ему Ангел оловянное сердце и мертвую птицу.

– Правильно ты выбрал, – сказал Господь. – Ибо в Моих райских садах эта малая пташка будет петь во веки веков, а в Моем сияющем чертоге Счастливый Принц будет воздавать Мне хвалу»¹⁰³.

¹⁰³ Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961. С. 273.

Герберт Джордж Уэллс

Научно-фантастический ад. Некоторые аспекты творчества Герберта Уэллса

Герберт Уэллс (1866-1946), наверное, самый знаменитый из английских писателей-фантастов. Его книги – отражение того, как вера во всемогущество человеческого разума и благотворность плодов научно-технического прогресса, в связь нравственности и интеллекта, присущая XIX веку, исчезает в реалиях жестокого XX века, ставшего самым кровавым в истории человечества.

Будущие судьбы рода людского видятся писателю мрачными. В «Машине времени» он описывает будущее человечества, выродившегося в элоев и пожирающих их, и в то же время обеспечивающих их жизнь, как обеспечивают домашний скот морлоках: «Мне стало горько при мысли, как кратковременно было торжество человеческого разума, который сам совершил самоубийство. Люди упорно стремились к благосостоя-

нию и довольству, к тому общественному строю, лозунгом которого была обеспеченность и неизменность; и они достигли цели, к которой стремились, только чтобы придти к такому концу»¹⁰⁴. В эпилоге этого произведения, написанного в 1895 году, автор описывает отношение того, от лица кого ведется повествование и путешественника во времени к тем достижениям человеческого разума, которыми так гордился XIX век: «Я лично не могу поверить, чтобы наш век только начавшихся исследований, бессвязных теорий и всеобщего разногласия по основным вопросам науки и жизни был кульминационным пунктом развития человечества! Так по крайней мере думаю я. Что касается до него, то он держался иного мнения. Мы не раз спорили с ним об этом задолго до того, как была сделана Машина Времени, и он всегда мрачно относился к Прогрессу Человечества. Развивающаяся цивилизация представлялась ему в виде беспорядочного нагромождения материала, который в конце концов должен обрушиться и задавить строителей»¹⁰⁵.

Уэллс описывает с одной стороны могущество знания, которое становится доступным благодаря развитию науки, но как честный художник, он не скрывает и горькие плоды действий ученых, посчитавших, что им все дозволено.

В «Острове доктора Моро» писатель показывает ученого, который посвятил десятилетия тому, чтобы путем операций делать из животных людей. И вот как

¹⁰⁴ Уэллс Г. Машина времени // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964. С. 129.

¹⁰⁵ Уэллс Г. Машина времени // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964. С. 142.

сам доктор Моро оценивает итоги своего труда: «Человеческий облик я придаю животному почти без труда, я умею надеть его гибкостью и грациозностью или огромными размерами и силой, но все же и теперь у меня часто бывают затруднения с руками и когтями: они такие тонкие и чувствительные, что я не решаюсь свободно изменять их форму. Но главная трудность заключается в изменении формы мозга. Умственное развитие этих созданий бывает иногда непостижимо низким, со странными провалами. И совсем не дается мне нечто, что я не могу найти, нечто лежащее в самой основе эмоций. Все стремления, инстинкты, желания, вредные для человечества, вдруг прорываются и захлестывают мое создание злобой, ненавистью или страхом. Вам эти твари кажутся отталкивающими с первого взгляда, мне же после того, как я их окончу, они представляются бесспорно человеческими существами. И только после того, как я понаблюдаю за ними, уверенность эта исчезает. Обнаруживается сначала одна звериная черта, потом другая... Но я еще надеюсь победить. Всякий раз, когда я погружаю это существо в купель жгучего страдания, я говорю себе: на это раз я выжгу из него все звериное, я сделаю разумное существо <...> А все же они возвращаются к своему первоначальному состоянию. Как только я оставляю их, зверь начинает выползать, проявляться...»¹⁰⁶

Но разве сами ученые всегда ведут себя нравственнее, чем эти несчастные звери, изуродованные опытами доктора Моро, при всем его интеллекте проявляющим к тем, кто для него лишь объекты для

¹⁰⁶ Уэллс Г. Остров доктора Моро // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964. С. 212.

эксперимента большую жестокость, чем имеют они, которых Моро в ней обвиняет?

Талантливый физик Гриффин, став человеком-невидимкой, хочет использовать свое изобретение для того, чтобы «не бессмысленно убивать, а разумно отнимать жизнь. Дело обстоит следующим образом: они знают, что существует Невидимка не хуже нас с вами. И этот Невидимка, Кемп, должен установить царство террора. Вы изумлены, конечно. Но я говорю не шутя: царство террора. Невидимка должен захватить какой-нибудь городок, хотя бы этот ваш Бэрдок, терроризировать население и подчинить своей воле всех и каждого. Он издает свои приказы. Осуществить это можно тысячью способов, скажем, подсовывать под двери листки бумаги. И кто дерзнет его послушаться, будет убит, также как и его заступники»¹⁰⁷.

Фантазии Уэллса о вземных цивилизациях порой оборачиваются пророческим предвидением империалистической мировой войны; страшные прозрения писателя были воплощены людьми без всяких марсиан.

В «Войне миров» (1898) Уэллс описывает ужасы марсианского нашествия, но разве они большие, чем те, которые менее чем через двадцать лет после написания романа принесла Первая мировая война? «Даже треск пожара показался мне приятным. Еще дальше, около Бромптона, на улицах опять мертвая тишина. Здесь я вновь увидел черную пыль на улицах и мертвые тела. Всего на протяжении Фулхем-роуд я насчитал около двенадцати трупов. Они были полусасыпа-

¹⁰⁷ Уэллс Г. Человек — невидимка // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964. С. 378-379.

ны черной пылью, лежали, очевидно, много дней; я торопливо обходил их. Некоторые были обглоданы собаками. Там, где не было черной пыли, город имел совершенно такой же вид, как в обычное воскресенье: магазины закрыты, дома заперты, шторы спущены, тихо и пустынно»¹⁰⁸. А разве ощущения пережившего марсианское нашествие не схожи с ощущениями человека, пережившего большую войну? «Ночью мне снится черная пыль, покрывающая безмолвные улицы, и исковерканные трупы в черном саване; они поднимаются, страшные, обглоданные собаками. Они что-то бормочут, беснуются, тускнеют, расплываются – искаженные подобия людей, и я просыпаюсь в холодном поту во мраке ночи. Если я еду в Лондон и вижу оживленную толпу на Флит-стрит и Стрэнде, мне приходит в голову, что это лишь призраки минувшего,двигающиеся по улицам, которые я видел такими безлюдными и тихими; что это лишь тени мертвого города, мнимая жизнь в гальванизированном трупе»¹⁰⁹.

Таким был мир мрачных фантазий Уэллса. А каким он видел реальный мир, который строился в соответствии с тем, что ему казалось закономерным? В своей книге «Россия во мгле», задуманной в целом, как апология Советской России, Герберт Уэллс так характеризовал то, что увидел в ней в 1920 году: «Основное наше впечатление от положения в России – это картина колоссального непоправимого краха. Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее админи-

¹⁰⁸ Уэллс Г. Война миров // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятидесяти томах. Том 2. М., 1964. С. 142.

¹⁰⁹ Уэллс Г. Война миров // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятидесяти томах. Том 2. М., 1964. С. 157.

стративной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы. На наш взгляд, этот крах затмевает даже самую Революцию»¹¹⁰.

Уэллс понимал, что все эти страдания и катастрофы оставляют абсолютно равнодушными большинство из тех, кого не касаются непосредственно. «Игрок в крокет» заканчивается следующим показательным диалогом:

«– Но что значит крокет, – крикнул Нобрет нетерпеливо, – когда мир рушится у вас на глазах?

Он сделал такое движение, словно собирался преградить мне путь. Ему хотелось продолжить свои апокалиптические пророчества. Но я был сыт ими по горло.

Я посмотрел ему в глаза твердым, спокойным взглядом и сказал:

– А мне наплевать! Пусть мир провалится. Пусть возвращается каменный век. Пусть это будет, как вы говорите, закатом цивилизации. Очень жаль, но сегодня утром я ничем не могу помочь. У меня другие дела. Что бы там ни было, но в половине первого я, хоть тресни, должен играть с тетушкой в крокет!»¹¹¹

Однако это мир жути не мог удовлетворить душу писателя, которая искала что-то светлое.

¹¹⁰ Уэллс Г. Россия во мгле // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 15. М., 1964. С. 316.

¹¹¹ Уэллс Г. *Игрок в крокет* // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 12. М., 1964. С. 526.

В своем написанном в 1911 году рассказе «Дверь в стене» он так описывал чудесный край, открывшийся его герою в детстве, в который тот попал случайно, зайдя в волшебную дверь: «В самом воздухе было что-то пьянящее, что давало ощущение легкости, довольства и счастья. Все кругом блистало чистыми, чудесными, нежно светящимися красками. Очутившись в саду испытываешь острую радость, которая бывает у человека только в редкие минуты, когда он молод, весел и счастлив в этом мире. Там все было прекрасно...»¹¹². Но пребывание в чудном мире не было долгим: «Я был маленьким жалким созданием! И снова вернулся в этот жестокий мир!»¹¹³. На протяжении жизни герой мечтает о возвращении в сказочную страну. И на протяжении жизни чудесная дверь, ведущая в нее, вновь появляется перед ним несколько раз. Но каждый раз у него находятся более важные дела, которые не дают пойти за мечтой. Первый раз это было в школьные годы: «в голове вертелась лишь одна мысль: вовремя поспеть в школу, – ведь я оберегал свою репутацию примерного ученика. У меня, вероятно, тогда явилось желание хотя бы приоткрыть эту дверь. Иначе и не могло быть... Но я так боялся опоздать в школу, что быстро одолел это искушение»¹¹⁴. В следующий раз дверь появляется перед ним в преддверии поступления в университет. После некоторых колебаний герой проезжает мимо нее на экипаже: «Если бы я остановил извозчика, – размышлял я, – то не

¹¹² Уэллс Г. Дверь в стене // Собр. соч. в 15 томах. Т. 6. М., 1964. С. 358.

¹¹³ Уэллс Г. Указ. соч. С. 362.

¹¹⁴ Уэллс Г. Указ. соч. С. 364.

сдал бы экзамена, не был бы принят в Оксфорд и наверняка испортил бы предстоящую мне карьеру». Я стал лучше разбираться в жизни. Этот случай заставил меня глубоко призадуматься, но все же я не сомневался, что будущая моя карьера стоила такой жертвы»¹¹⁵. Годы шли, карьера становилась все важнее для героя. Еще раз дверь является ему, когда он шел на свидание, к той, к которой его влекла не любовь, а амбиции: «В глубине души я был уверен, что она распахнется для меня, но тут я подумал, что ведь это может меня задержать, я опоздаю на свидание, а ведь дело идет о моем самолюбии»¹¹⁶.

Еще трижды герой проходит мимо двери на взлете своей политической карьеры, все более сожалея об этом: «За последние два месяца я почти не работаю, буквально через силу выполняю самые неотложные свои обязанности. Я не нахожу себе места. Меня томит глубокая, безысходная печаль. По ночам, когда меньше риска с кем-нибудь встретиться, я отправляюсь бродить по городу. Да, любопытно, что подумают люди, если вдруг узнают, что будущий министр бредет в темноте один-одинешенек, чуть ли не вслух оплакивая какую-то дверь, какой-то сад...»¹¹⁷.

Внешняя судьба героя, когда он решился, наконец, войти в волшебную дверь, выглядела весьма непривлекательной: «Его тело нашли рано утром в глубокой яме, близ Восточно-Кенсингтонского вокзала. Это была одна из двух траншей, вырытых в связи с расширением железнодорожной линии на юг. Для

¹¹⁵ Уэллс Г. Указ. соч. С. 368.

¹¹⁶ Уэллс Г. Указ. соч. С. 369.

¹¹⁷ Уэллс Г. Указ. соч. С. 372.

безопасности проходящих по шоссе людей траншеи были обнесены сколоченным наспех забором, где был прорезан небольшой дверной проем, куда проходили рабочие. По недосмотру одного из десятников дверь оказалась незапертой, и вот в нее-то и прошел Уоллес»¹¹⁸. Но интересен вывод, который делает сам Уэллс: «Все вокруг кажется нам таким простым и обыкновенным, мы видим только ограду и за ней траншею. В свете наших обыденных представлений нам, заурядным людям, кажется, что Уоллес безрассудно пошел в таивший опасности мрак, навстречу своей гибели. Но кто знает, что ему открылось?»¹¹⁹.

И в написанном четверть века спустя, в 1935 году сценарии «Облик грядущего» Уэллс в итоговом диалоге героев остро ставит вопрос о смысле человеческого бытия в обезбоженном мире, о том, что сколько бы человек не достиг, этого будет мало его душе, пока человек остается человеком:

«Кэбел. Каждый человек находит покой. Его слишком много, и наступает он слишком рано, и мы называем его смертью. Но для ЧЕЛОВЕКА нет отдыха и нет конца. Он должен идти вперед – от победы к победе. Познать нашу маленькую планету, и ее пути, и ветры, и все законы духа и материи, которые стесняют его. Потом полет на планеты, окружающие его и наконец, в бесконечное мировое пространство, к звездам. И когда он наконец покорит все пучины пространства и все тайны времени, он все еще будет у начала»¹²⁰.

¹¹⁸ Уэллс Г. Указ. соч. С. 372-373.

¹¹⁹ Уэллс Г. Указ. соч. С. 373.

¹²⁰ Уэллс Г. Облик грядущего // Г. Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 13. М., 1964. С. 513-514.

Мысли о религии посещают Уэллса. В написанном в 1933 году «Бэлпингтоне Блэпском» он описывает мысли измученного жизнью героя в Вестминстерском соборе: «Он размышлял о своем положении. Война, любовь, искусство – Бэлпингтон Блэпский изведal все, но что он ни пробовал, что он ни делал, душа его не обрела покоя. Жестокость мужчин, черствость женщин, зло неодоухотворенной жизни разрушили его благородные надежды и высокие стремления. Но здесь, несомненно, было нечто более глубокое и долговечное»¹²¹.

И.Б. Кригер в диссертации «Философия Герберта Уэллса», защищенной в 2005 году на соискание ученой степени кандидата философских наук, приводит некоторые мысли писателя, которые не были известны в России массовому читателю и вместе с тем необходимы для понимания его мировоззрения: «Уэллс говорил о том, что не может доказать существование свободы воли, но может верить в истинность этого утверждения: “Для того, чтобы урегулировать и определить свою жизнь, которая иначе остается бесцельной и неудовлетворительной, я утверждаю, что непостижимая до конца Вселенная вокруг меня представляет собой систему, а не хаос и что я, моя воля и принимаемые мной решения, и тому подобные вещи важны для этой системы”»¹²². Интересен и еще один момент, на котором заострил внимание И.Б. Кригер: «Уэллс работал над

¹²¹ Уэллс Г. Бэлпингтон Блэпский // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 13. М., 1964. С. 31.

¹²² Кригер И.Б. Философия Герберта Уэллса. Автореферат дисс. ... канд. философ. наук. М., 2005 <http://cheloveknauka.com/filosofiya-gerberta-uellsa#ixzz3JFm6hHEh>

учреждением “всемирного мозгового центра” для обслуживания “мировой энциклопедии”. Он говорил о том, что человечество должно “иметь доступ в мировом масштабе ко всему объему знаний и идей, которыми оно когда-либо располагало <...> Постоянно обновляемая, модернизируемая всеобщая энциклопедия становится основой системы образования в мировой общине”. Уэллс, разумеется, не мог знать о том, что спустя несколько десятилетий планету опутает Всемирная паутина. Интернет станет аналогом “мировой энциклопедии” Уэллса»¹²³.

Писатель всматривался в глобальный мир сформировавшегося империализма нового типа, в котором он жил, и мир этот не вселял радужных надежд. В каких-то из своих прозрений Герберт Уэллс достаточно близко подходил к христианскому взгляду на мир, но при этом его не принял. И прекрасно описанному научно-фантастическому аду смог противопоставить только смутную надежду на прекрасный мир за дверью в стене. А вот вера в свободу воли человека и его возможность силой своих поступков менять мир вокруг нашла в его произведениях гораздо меньшее отражение.

¹²³ Там же.

Клайв Стейплз Льюис

Клайв Стейплз Льюис о Боге, о вере и о человеке

Клайв Стейплз Льюис – один из наиболее выдающихся христианских мыслителей и писателей XX века. В молодости он все сильнее терял всякую веру. После духовных поисков на 33-ем году жизни стал убежденным христианином. Характерно, что его считают едва ли не единственным христианским писателем, который не является православным, но чьи труды при этом неизменно положительно оцениваются православными богословами. Человек энциклопедических знаний и пытливого ума, уверовав, он приложил много сил для изучения истории религий, в том числе первоисточников, прежде чем его христианские убеждения стали осмысленными и непоколебимыми.

Сам он писал об этом так: «Я начал понемногу разбираться в сложном многообразии религий. Мне уже не требовалось просто обнаружить единственно верную религию среди тысяч заведомо ложных – мне нужно было понять, в какой точке религия достигает зрелости, каким образом осуществились чаяния язычников»¹²⁴.

К.С. Льюис не считал личный религиозный опыт решающим в вопросах определения истинности той или иной религии. Вспоминая беседу с одним военным, который говорил о том, что пережил однажды в пустыне ощущение присутствия Бога, после чего все религиозные рассуждения кажутся ему безжизненной схоластикой, Льюис так писал об этом: «В каком-то смысле я согласен с этим человеком. Вполне возможно, что он и впрямь пережил встречу с Богом в той пустыне. И когда от личного опыта он обратился к христианской доктрине, то, видимо, почувствовал, что переходит от чего-то реального к отвлеченному и не очень значимому. Наверное, что-то подобное испытывал бы человек, который видел Атлантический океан с берега, а теперь рассматривает его на карте. Сравнимы ли океанские волны с куском раскрашенной бумаги? Карта ... составлена на основании открытий, сделанных сотнями и тысячами людей, плававших по настоящему Атлантическому океану, то есть, как бы впитала в себя богатый опыт, не менее реальный, чем тот, который пережил человек, стоявший на берегу. За одним исключением. Человек этот видел океан лишь в каком-то одном, доступном ему ракурсе. Карта же сконцен-

¹²⁴ Льюис К. С. Настигнут радостью // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000. С. 433.

трировала в себя все опыты вместе взятые. Теология подобна карте. Доктрины – это не Бог. Они вроде карты. Но карта эта составлена на основании того, что пережили сотни людей, которые вошли в реальное соприкосновение с Богом. В сравнении с этим любые чувства, которые, возможно, посетили вас или меня, очень примитивны и расплывчаты. Иными словами, теология – это практическая наука, особенно в наши дни»¹²⁵.

Религиозный поиск писателя был долгим и непростым. Но сделанный выбор был уже однозначен: «Если вы христианин, вы не обязаны верить, что все остальные религии неверны от начала до конца. Если вы атеист, вам приходится верить, что в основе всех религий – одна гигантская ошибка. Если вы христианин, вы вольны думать, что все религии, в том числе самые странные, содержат хотя бы крупинку истины. Когда я был атеистом, я пытался убедить себя, что человечество в большинстве своем всегда заблуждалось в самом важном; став христианином, я обрел способность взглянуть на вещи с более либеральной точки зрения. Но, безусловно, христианин не сомневается, что всюду, где христианство расходится во взглядах с другими религиями, право оно, другие религии ошибаются. Как в арифметике, возможен лишь один правильный ответ на задачу, все остальные неверны; но некоторые из неверных ответов ближе к верному, чем другие»¹²⁶.

¹²⁵ Льюис К. С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 139-141.

¹²⁶ Льюис К. С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 47-48.

В эпоху все более завоевывающего сознание масс материалистического мировоззрения К.С. Льюис пишет: «В самых общих чертах существуют две точки зрения. Первую называют материалистической. Люди, которые разделяют ее, считают, что материя и пространство просто есть и были всегда, неизвестно почему; что материя, которая ведет себя определенным, раз и навсегда установленным образом, случайно ухитрилась произвести такие создания, как мы с вами, то есть способные думать. По какому-то счастливому случаю, вероятность которого ничтожно мала, что-то ударило по нашему солнцу, и от него отделились планеты, а по другой такой же случайности, вероятность которой не выше, на одной из планет возникли химические элементы, необходимые для жизни, и необходимая температура, так что часть материи ожила, а потом, пройдя через длинную серию случайностей, живые существа развились в такие высокоорганизованные как мы с вами.

Вторая точка зрения – религиозная. Согласно ей, источник видимой Вселенной, скорее всего, в каком-то Разуме. Этот Разум обладает сознанием, у него свои цели, он отдает предпочтение одним вещам перед другими. С религиозной точки зрения, именно он создал мироздание, частично – ради каких-то целей, о которых мы не знаем, а частично – и для того, чтобы произвести существа подобные себе самому, то есть наделенные разумом. Пожалуйста, не подумайте, что одна из точек зрения бытовала давным-давно, а другая постепенно ее вытесняла. Всюду, где когда-либо жили мыслящие люди, существовали обе. И заметьте еще одно. Вы не можете установить, какая из двух теорий

правильна с научной точки зрения. Если за всей обозреваемой нами действительностью “нечто” существует, то оно либо останется неизвестным, либо даст знать о себе каким-то особым путем. Решать же существует оно или нет, в компетенцию науки не входит. Настоящие ученые этим не занимаются. Чаще все это говорят журналисты и авторы популярных романов, нахватавшиеся непроверенных данных из учебника»¹²⁷.

К. С. Льюис много думал о сходстве и различии христианского вероучения с языческими религиями, в которых содержится учение об умирающем и воскресающем боге. Он писал о природных религиях, которые видели образ такого бога в смене времен года, в умирающем и воскресающем зерне. Его мучил вопрос: «Быть может, таков и Христос?». И вот как на него ответил Льюис: «В определенном смысле Христос именно таков (с той разницей, что Адонис и Озирис жили неизвестно где и когда, а Он был казнен историческим лицом в сравнительно установленном году). Но если христианство произошло из тех религий, почему же зерно, упавшее в землю – всего лишь одна из наших притч? Религии этого рода весьма популярны, почему же наши первые учителя скрыли, что учат именно этому? Поневоле, кажется, что они и сами не знали, как близки к таким религиям. Почему единственная выжившая и поднявшаяся на неслыханные духовные высоты религия «умирающего бога» выпала на долю единственного народа, которому чужды были эти представления? Евангелия являют нам Человека, который “исполняя роль” умирающего бога, чрезвычай-

¹²⁷ Льюис К. С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 36-37.

но далек от связанных с нею идей. По-видимому, на свете и впрямь случается то, чему учат природные религии, но случилось это там, где и не думали о них»¹²⁸.

Льюис писал, что для выхода из этого мнимого противоречия необходимо понимать, что христиане не учат, что во Христе воплотился не некий «бог вообще», а воплотился Единый Истинный Бог. «Он – не природный бог, а Бог природы: Он изобрел ее, придумал, сделал. Он владеет ею и бдит над ней. Теперь станет понятней, почему Христос и похож на умирающего бога, и не говорит о нем. Они похожи, потому что умирающие боги природных религий – Его изображение. Сходство их не поверхностно и не случайно: те боги родились через наше воображение от явлений природы, а явления природы испещряют природу, потому что они – Божьи. А понятия природной религии отсутствуют в учении Христовом и подводящем к нему иудаизме именно потому, что в них являет себя подлинник. Там, где есть Бог, нет Его тени; там, где Его нет, она есть»¹²⁹.

К. С. Льюис писал свои произведения в то время, когда популярный дарвинизм был в сознании масс незыблемой догмой. Полемике с ним мыслитель посвятил свое небольшое, но замечательное произведение «Похороны Великого Мифа». Он пишет: «Главная идея Мифа – то, что верящие в него называют «эволюцией» или «теорией развития», «Теорией происхождения», так же как главная идея мифа об Адонисе – это Смерть и Возрождение. Я не хочу сказать, что эволюционная доктрина, с которой имеют дело биологи-

¹²⁸ Льюис К. С. Чудо // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000. С. 225-226

¹²⁹ Там же. С. 228.

практики – тоже миф. Это – гипотеза; может быть, менее удовлетворительная, чем надеялись ученые пятьдесят лет назад; но это еще не причина называть ее мифом. Это настоящая научная гипотеза. Но мы должны четко различать теорию эволюции как биологическую теорему и популярный эволюционизм, каковой и является Мифом»¹³⁰.

И далее: «Популярный эволюционизм, или Учение о Развитии, отличается *по сути* от Теории Эволюции настоящих биологов. Для биолога Эволюция – это гипотеза. Она объясняет больше фактов, чем любая другая из тех, что сейчас имеется в наличии, и, таким образом, будет приниматься, если (или пока) не появится другая гипотеза, объясняющая больше фактов с меньшей степенью допущения. Правда, профессор М.Д. Уотсон не заходит так далеко. По его словам, Эволюция “принята зоологами не потому, что кто-то наблюдал, как она происходит, или что ее истинность может быть доказана логически, но потому, что ее единственная альтернатива – Творение, явно неправдоподобна” (цит. по: “Девятнадцатый век”, “Наука и Би-Би-Си”, апрель 1943). Это должно означать, что единственное основание для веры в нее имеет природу не эмпирическую, а метафизическую. Это – догма метафизика-любителя, полагающего Творение неправдоподобным»¹³¹.

Ненаучный характер популярного дарвинизма Льюис доказывает тем, что предмет веры последовате-

¹³⁰ Льюис К.С. Похороны Великого Мифа / Собр. соч. в 8 томах. Том 8. М., 2000. С. 425.

¹³¹ Льюис К.С. Похороны Великого Мифа / Собр. соч. в 8 томах. Том 8. М., 2000. С. 427-428.

лей этого учения расходится с тем, что могут дать реальные наблюдения за миром: «В науке Эволюция – теория *изменений*, в Мифе – факт *улучшения*. Такой крупный ученый, как профессор Дж.Б. Холдейн, горячо доказывает, что в популярной Эволюции совершенно неоправданно подчеркиваются изменения, делающие живые существа (по человеческим стандартам) “лучше” или интересней. Он добавляет: “Таким образом, мы настроены воспринимать прогресс как эволюционное правило. На самом же деле это – исключение, и на каждый его случай приходится десять случаев дегенерации (“Дарвинизм сегодня”, *Возможные миры*, с. 28). Но Миф попросту отбрасывает эти десять случаев дегенерации. В расхожем сознании при слове “Эволюция” возникает картинка движения “вперед и вверх”, и ни в каком ином направлении»¹³².

Льюис показывает, что, если мы принимаем положения популярного дарвинизма, то ни о какой доказательной системе речи уже в принципе идти не может: «Чтобы усвоить положения реальной науки, которые потом поглощаются Мифом, – мы должны воспринимать разум как абсолют. Но при этом Миф требует, чтобы я поверил, будто разум – это попросту непредвиденный и непреднамеренный побочный продукт бессмысленного процесса на одной из стадий бесконечного и бесцельного становления. Таким образом, самая суть Мифа выбивает у меня из-под ног единственное основание для веры в то, что этот Миф – истина. Если мой разум – продукт иррационального; если то, что кажется мне ясным логическим мышлением, всего-навсего комплекс ощущений, свойственный

¹³² Там же. С. 428.

подобным мне существам, то как же могу я доверять своему разуму, когда он говорит мне об Эволюции? Ведь в результате говорят следующее: “Я докажу, что то, что мы называем доказательством, есть всего лишь следствие ментальных привычек, а они – плод наследственности, а она – следствие биохимии, а уж она – следствие физики”. Но это все равно, что сказать: “Я докажу, что доказательства иррациональны”; или еще короче: “Я докажу, что доказательств нет”. Некоторые ученые не замечают здесь противоречия, и научить их замечать его совершенно невозможно; а это подтверждает подозрение, что мы имеем дело с болезнью, самым радикальным образом поразившей весь стиль мышления. Однако человек, замечающий это, уже не может не отвергнуть как мифическую всю ту космологию, на которой был воспитан»¹³³.

Писатель не мог не уделить внимания и истокам популярного дарвинизма – его востребованности империалистической цивилизацией, приобретающей все более глобальный характер: «без Мифа не было бы современной политики. Миф возник в Эпоху революций и только благодаря политическим концепциям этой эпохи был усвоен сознанием. Отсюда ясно, почему Миф сосредоточивается на одном холдейновском случае биологического “прогресса” и отвергает десять случаев “дегенерации”. Если бы эти случаи дегенерации принимались во внимание, невозможно было бы не понять, что любое изменение в жизни общества ровно настолько же способно уничтожить уже имеющиеся свободы и блага, насколько и создать новые; что опасность оступиться и упасть так же велика, как

¹³³ Там же. С. 432.

возможность двигаться дальше; что разумное общество должно тратить на сохранение не меньше энергии, чем на улучшение. Осознание этих трюизмов оказалось бы гибельным как для политических левых, так и для политических правых нового времени. Миф же затуманивает это знание. Большие партии заинтересованы в Мифе и вкладывают в него капиталы»¹³⁴.

И Клайв Стейплз Льюис предлагает своим читателям верить совсем в иное; верить, даже, если весь мир будет говорить им обратное. Один из героев его сказки «Серебряное кресло» говорит колдунье, представившей ему «неоспоримые» доказательства того, что всего, во что он верил, не существует: «Все, что вы сказали, верно. Я всегда хочу знать худшее и держаться как можно лучше. Поэтому спорить не стану. Допустим, мы видели во сне или выдумали все это: деревья, траву, солнце, звезды и даже Аслана. Но тогда выдумка лучше и важнее реальности. Допустим, это мрачное место и есть единственный мир. Тогда он никуда не годится. Может, мы и дети, играющие в глупую игру. Но четверо детей создали игрушечный мир, который лучше вашей реальной ямы. Я не предаю игрушечного мира. Я останусь с Асланом, даже если Аслана нет. Я буду жить как нарниец, даже если нет Нарнии. Благодарю за ужин, но мы четверо покинем ваш двор, вступим в темноту и будем искать дорогу наверх. Не думаю, что жизнь эта будет долгой, но стоит ли о том жалеть, если мир таков, каким вы его описали»¹³⁵.

¹³⁴ Там же. С. 436.

¹³⁵ Льюис К.С. Серебряное кресло / Собр. соч. в 8 томах. Том 6. М., 2000. С. 95.

Льюис в одной из своих сказок очень образно показывает, что плохое и хорошее находятся внутри человека, который, как дитя глобальной цивилизации слишком много думает о том, что «настоящее», а что нет, а потому не способен радоваться тому хорошему, что имеет:

«– Здесь не темно, бедные глупые гномы, – сказала Люси, – разве вы не видите? Оглянитесь! Разве вы не видите небо, и деревья, и цветы? Разве вы не видите меня?

– Как, во имя всех обманов, могу я видеть то, чего здесь нет? Или видеть вас, или вы – меня в такой темноте?

– Слушайте, гномы, – сказала она, – если у вас что-то с глазами, может, носы в порядке – вы чувствуете запах? – она поднесла свежие, влажные цветы к шишковатому носу Диггла и тут же отпрыгнула, чтобы не получить по рукам маленьким крепким кулачком.

– Как ты смеешь! – завопил гном. – Чего ты суешь мне в нос вонючую подстилку? Да тут еще чертополох! Что за наглость! Кто вы такие?

Аслан поднял голову и тряхнул гривой. В то же мгновение роскошные кушания оказались на коленях у гномов: пироги, мясо и птица, пирожные и мороженое, и у каждого гнома в правой руке – кубок доброго вина. Увы, и это не помогло. Гномы жадно накинудись на еду, но совершенно не чувствовали ее вкуса. Они ведь думали, что нашли ее в хлеву. Поэтому один сказал, что пытается есть сено, другой – что нашел старую редьку, третий – сухой капустный лист. Они подносили к губам кубки с красным вином и говорили: “Фу, пить воду из ослиной поилки! Кто думал, что мы до

этого докатимся”. Очень скоро каждый гном заподозрил, что другой нашел что-то получше, и кинулся отнимать; они перессорились и передрались, размазали прекрасную еду по лицам, по одежде, растоптали ногами. Когда все, наконец, расселись по местам, потирая синяки и разбитые носы, то сказали:

– Ничего, по крайней мере, тут все без обмана. Мы не дали себя провести. Гномы за гномов.

– Вот видите, – сказал Аслан. – Они не дадут себе помочь. Они выбрали выдумку вместо веры. Их тюрьма – в их воображении, но они – в тюрьме. Я не могу вывести их наружу, потому что они слишком много думают о том, чтоб не дать себя провести»¹³⁶.

Писатель обличает распространившееся в западном мире восприятие религии, как чего-то прикладного, призванного удовлетворять «потребности» человека». В «Письмах к Малькольму» он писал: «Рабский страх, конечно, низшая из форм религии. Но бог, который ни при каких обстоятельствах не станет причиной даже для рабского страха, безопасный бог, ручной бог – фантазия, и здравый ум ее быстро разоблачит. Я не встречал людей, которые, совершенно отрицая существование ада, имели бы живую и животворящую веру в рай»¹³⁷.

В «Хрониках Нарнии» Льюис писал об Аслане, что это не ручной Лев. Вера, в которую человек не верит, вера, которая существует для него лишь для того, чтобы прикрыться ей, в итоге не преминет обличить и

¹³⁶ Льюис К. С. Последняя битва // Собр. соч. в 8 т. Т. 6. СПб., 2000. С. 362-364.

¹³⁷ Льюис К. С. Письма к Малькольму // Собр. соч. в 8 т. Т. 8. СПб., 2000. С. 391.

наказать кощунника. В завершающей серию книг писателя «Хроники Нарнии» «Последней битве», рассказывается об Обезьяне, который учил, что добро и зло – одно и то же, и мучительно погиб от вызванного им духа, в которого не верил.

Но там же мы видим и другой пример. Юноша – воин, всю жизнь искренне служил злу, полагая его добром, всю жизнь творил благородные поступки во имя этого зла. Но когда перед лицом смерти он оказывается рядом с воплощенным Добром (у Льюиса Аслан) и Злом (у Льюиса Таш), то зло не может его коснуться, а Добро говорит, почему принимает его: «Не потому я принял твое служение, что мы (добро и зло) – одно, а потому, что мы противоположны, я и она столь различны, что если служение мерзко, оно не может быть мне, а если служение не мерзко – не может быть ей. Итак, если кто клянется именем Таш и держит клятву правды ради, мной он клянется не ведая, и я вознагражу его. Если же кто-то совершит зло во имя мое, пусть говорит он “Аслан” – Таш он служит и Таш принимает его служение»¹³⁸.

Говоря о смерти, Льюис, оценивая весь ее ужас и неестественность для человеческой природы, тем не менее, пишет: «Это – спасение, ибо для падшего человека телесное бессмертие было бы ужасным. Если бы ничто не мешало нам прибавлять звено за звеном к цепям гордыни и похоти и класть камень к камню нашей чудовищной цивилизации, мы превратились бы из падших людей в истинных дьяволов, которых, быть может, и Богу не спасти. Люди должны свободно при-

¹³⁸ Льюис К. С. Последняя битва // Собр. соч. в 8 т. Т. 6. СПб., 2000. С. 315.

нять смерть, свободно склониться перед ней, испытать ее до дна и обратить в мистическое умирание, сокровенную основу жизни»¹³⁹. «Но лишь Тому, Кто разделил добровольно нашу невеселую жизнь; Тому, Кто мог бы не стать человеком и стал Единым Безгрешным, дано умереть *совершенно* и тем победить смерть. Он умер за нас в самом прямом смысле слова, и поистине умер, ибо Он один поистине жил. Он, знавший изначально непрестанную и блаженную смерть послушания Отцу, принял во всей воле Своей, во всей полноте, столь ужасную для нас смерть тела. Предстательство – закон созданного Им мира, и потому смерть Его – наша смерть. Чудо Воплощения и Смерти Господней, не отрицающая ничего, что мы знаем о природе, пишут комментарий к ней, и неразборчивый текст становится ясным»¹⁴⁰.

О Воскресении Христа Льюис писал не только в философских трактатах, но и аллегорически, в форме его всемирно знаменитых сказок «Хроники Нарнии». Как он написал в первой, самой известной книге этой серии «Лев, колдунья и платяной шкаф» «когда вместо предателя на жертвенный Стол по доброй воле войдет тот, кто ни в чем не виноват, кто не совершал никакого предательства, Стол сломается и сама смерть отступит перед ним»¹⁴¹.

О важности принятия для каждого человека добровольной жертвы Христа Спасителя Льюис пишет такими словами: «Самый первый шаг на этом пути – по-

¹³⁹ Льюис К. С. Чудо // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000. С. 235-236

¹⁴⁰ Там же. С. 238.

¹⁴¹ Льюис К. С. Лев, колдунья и платяной шкаф // Собр. соч. в 8 т. Т. 5. СПб., 1999. С. 103.

стараться забыть о себе. Ваше подлинное новое “я” (личное “Я” Христа, но и ваше, и ваше только потому, что оно – Его) не придет к вам до тех пор, пока вы стараетесь найти его. Оно придет, когда вы станете искать Христа. Принцип этот пронизывает всю жизнь. Отдайте себя – и вы обретете себя. Будете искать “себя” – и вашим уделом станут лишь ненависть, одиночество, отчаяние, гнев и гибель. Но если вы будете искать Христа, то найдете Его, и “все остальное приложится вам”»¹⁴²...

Литературное наследие Льюиса помогло многим людям стать христианами, так как он сам прошел мучительный и долгий путь от неверия к глубокой искренней вере. И сегодня, в мире, как его иногда называют, «постхристианских ценностей» оно приобретает особую значимость, помогая людям уверовать во Христа.

Космическая трилогия К.С. Льюиса

На тему «Есть ли жизнь на Марсе» в Советском Союзе проходило множество лекций для широких слоев населения. В двадцатом веке тема жизни на других планетах вообще была очень широко обсуждаема. Людям, которые не могли найти общий язык с себе подобными, хотелось верить в то, что они «не одни во вселенной», и общение с представителями иных миров восполнит то, что с другими людьми они общаться разучились. При этом большинство научно-фантастических книг помимо прочего ставило своей

¹⁴² Льюис К. С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 200-201.

задачей «развенчание религиозных мифов», якобы обреченных на отмирание по мере развития научно-технического прогресса. Какие могут быть ангелы или демоны? Это пришельцы иных миров, которых мифологизировало примитивное сознание человека, не вступившего еще в эпоху империализма, когда, как отмечал В.И. Ленин, все на земле уже посчитано и прибрано к рукам, а теперь возможен только передел того, что есть. И разве есть место тайне в индустриальном обществе? И разве есть предел возможностям гордого человеческого разума?

Космическая трилогия замечательного английского писателя Клайва Стейплза Льюиса – ответ на эти и многие другие вопросы. В нее входят три романа – «За пределы безмолвной планеты»(1938), «Переландра»(1943) и «Мерзейшая мощь»(1945). Льюис пришел к вере в Иисуса Христа как Спасителя мира уже в зрелом возрасте, после продолжительного периода внутренней борьбы и исканий. Поэтому христианство для него – не просто религиозная традиция, а самое важное, что только может быть в жизни, ее сердцевина. И на вопрос о возможности существования инопланетных цивилизаций он отвечает по-христиански. Но Льюис не только христианин, а и ученый-филолог, талантливый писатель. Его романы имеют много граней, и не каждый заметит, в чем же тут христианский смысл, как не заметили этого многие из критиков его первого романа «За пределы безмолвной планеты».

Главный герой всей трилогии профессор-филолог Рэнсом. В первом из романов он в результате случайной встречи с другим ученым Уэстоном и финансирующим его опыты Дивайном, вопреки своей воле, летит

с ними на Марс, называемый автором Малакандрой. Дивайна интересуется золотом Марса. Уэстон же, как он сам считает, озабочен грядущими судьбами человечества; во имя эфемерного блага будущих поколений он готов на любое зло, любые жестокости: «Во имя могущества самой Жизни, я готов не дрогнув водрузить флаг человека на земле Малакандры: идти вперед шаг за шагом, вытесняя, где необходимо, низшие формы жизни, заявляя свои права на планету за планетой, на систему за системой до тех пор, пока наше потомство – какую бы необычную форму и непредсказуемое мировоззрение оно ни обрело – не распространится по Вселенной везде, где только она обитаема»¹⁴³. Пока это чисто империалистическая философия, но во втором романе она доходит до своего логического завершения, когда уже на Венере (у Льюиса Переландра) Уэстон заявляет Рэнсому: «Человек сам по себе – ничто. Поступательное движение жизни – возрастание в духовности – это все. Великая непостижимая сила изливается на нас из темных начал бытия. Она сама избирает себе орудие. Подумайте только, чистый дух, всепоглощающий вихрь саморазвивающегося, самодовлеющего действия. Вот она, конечная цель»¹⁴⁴. И по завершении диалога, в котором Уэстон рассказывает, что эта таинственная сила является и причиной его научных открытий и необычайных знаний и возможностей и именно ей он направлен на Венеру, в него входит демон. И между ним и Рэнсомом начинается продолжительная борьба, казалось бы, совсем непо-

¹⁴³ Льюис К. С. Космическая трилогия. М.- СПб., 2011. С. 139

¹⁴⁴

Там же. С. 239.

сильная для филолога, из которой он, однако, выходит победителем.

Рэнсом, против своей воли, доставленный в чужой ему мир, бежит от своих похитителей. Он знакомится с жителями этого мира – тремя видами разумных существ, облеченными плотью и имеющими иную природу, эльдилами, под которыми Льюис подразумевает ангелов. Как филолог, Рэнсом овладевает их языком. Уэстон с Дивайном уже второй раз на Марсе. Они привезли сюда Рэнсома, потому что этого потребовал Уарса Малакандры через тех жителей планеты, с которыми они вступили в контакт. На их взгляд, человек нужен для какого-то ритуального жертвоприношения. Но оказывается, что жители Малакандры не знают греха. Они управляются эльдилами и верховным из них – Уарсой Малакандры (под Уарсами Льюис имеет в виду Ангелов, которые руководят всеми стихиями и всем живым на конкретной планете). Человек же ему потребовался потому, что ему интересна судьба Земли, называемой здесь «безмолвной планетой».

По художественной версии Льюиса, восстание ангелов и превращение их в демонов завершилось тем, что они оказались заперты на Земле и не могут выбраться за пределы земной атмосферы. Этот своего рода «карантин» необходим для того, чтобы зло не распространялось дальше по вселенной. Не могут попасть на Землю и те Ангелы, которые находятся за ее пределами. Люди изобретением космического корабля пробивают брешь в этом «карантине». Между мирами становится возможно общение. Первый роман заканчивается тем, что Уарса Малакандры отправляет на Землю Уэстона и Дивайна, убивших нескольких жите-

лей Марса, а вместе с ними и Рэнсома. После их прибытия на Землю он уничтожает их корабль, чтобы они больше не выходили в космос.

Второй роман – «Переландра» – очень красивая, хотя местами и довольно жестокая сказка о том, что было бы, если бы первые люди не совершили грехопадения. Рэнсома Уарса Малакандры отправляет на Венеру (Переландру) с ответственной миссией, сути которой герой не знает. Он присутствует при творении жизни на этой планете, видит ее изменяющиеся формы, причем перемены происходят почти мгновенно, прямо у него на глазах. И он встречается там женщину (Льюис называет ее «Королева»), во многом похожую на земных женщин, – своего рода Еву до грехопадения. Ей поразительно много открыто, но она еще так многого не знает, не знакомы ей и добро и зло. В неустойчивом мире Королева где-то потеряла своего Короля, и знакомится с жизнью. Им дана только одна заповедь: не ночевать на твердой земле, ночь они должны проводить на плавучих островах. Это заповедь послушания; и одновременно, это их доверие к Богу, которого они зовут «Малельдил», потому что они тем самым естественным образом лишены какой-либо стабильности, и живут каждый день так, как Он им даст, не думая о завтрашнем.

Рэнсом не понимает для чего послан в этот мир до того момента, как на Переландру прилетает Уэстон. Ученый оказывается лишь орудием для демона, без которого он не смог бы проникнуть на Венеру. И на Переландре дух зла входит в Уэстона (как когда-то на Земле в змея), который начинает рассказывать Королеве о преимуществах той жизни, которая ей неведо-

ма. И начинается история искушения. Но от земной она отличается тем, что здесь присутствует Рэнсом, хорошо знающий, чем это закончилось на Земле. Он страшится того, что должен принять участие в событии космического масштаба; того, что ему предстоит бороться с тем, чьи силы в несчетное количество раз превосходят его собственные. Но ему предстоит бороться, сначала словом. Филолог так объясняет Королеве смысл данной им заповеди: «Я думаю, Малельдил дал тебе такой закон, чтобы ты исполнила его ради послушания. Слушаясь Малельдила, ты делаешь то, что нравится и тебе. Ты исполняешь его волю, но не только ради того, чтобы ее исполнить. Удовлетворится ли этим любовь? Как бы ты вкусила радость послушания, если бы не было заповеди, чей единственный смысл – исполнение Его воли?»¹⁴⁵

Филологу становилось все тяжелее. В разговорах с Королевой Уэстон, ставший Нелюдь, «выказывал и ум, и тонкость, но Рэнсом понял, что все это – лишь оружие, и в свободные часы для него пользоваться умом также странно, как для солдата отрабатывать на досуге штыковой удар. Мысль была лишь орудием, средством, сама по себе она его не интересовала. Он брал разум взаймы, как взял тело Уэстона, будто нечто внешнее и никак с собою не связанное. Едва повернувшись спиной к Королеве, он позволял себе расслабиться. Нелюдь не был похож даже на нечестного политика – скорее уж казалось, что возишься со слабым, или со злой мартышкой, или с очень испорченным ребенком»¹⁴⁶. И на каком-то этапе Рэнсом по-

¹⁴⁵ Там же. С. 262.

¹⁴⁶ Там же. С. 271.

нял, что ему предстоит и физическая битва с Нелюдью. Она далась ему очень тяжело, но Рэнсом вышел победителем, разбив голову того, кто раньше был Уэстоном камнем, а тот прокусил ему пятку, и рана эта болела потом всю жизнь...

А грехопадения на Переландре не произошло. Королева и нашедший ее Король стали полностью властвовать над планетой, не знающей теперь зла, Уарса Переландры стал им в этом помогать, передав свои полномочия. Интересно, что на вопрос о том есть ли жизнь на Венере и, если есть, то распространяются ли на ее жителей последствия первородного греха, в свое время в данном ключе ответил и великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов: «Некоторые спрашивают, ежели-де на планетах есть живущие нам подобные люди, то какой они веры? Проповедано ли им Евангелие? Крещены ли они в веру Христову? Сим дается ответ вопросный. В южных великих землях, коих берега в нынешние времена почти только примечены мореплавателями, тамошние жители, также и в других неведомых землях обитатели, люди видом, языком и всеми поведением от нас отменные, какой веры? Ежели кто про знать или их обратить и крестить хочет, тот пусть по евангельскому слову (“не стяжите ни злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапог, ни жезла”) туда пойдет. Только бы труд его не был напрасен. Может быть тамошние люди в Адаме не согрешили, и для того всех из того следствий не надобно»¹⁴⁷.

¹⁴⁷ См.: *Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце: Прибавление (полностью) // Полное собрание сочинений. Том 4. Труды по фи-*

Но еще более с «Преландрой» перекликаются мысли Святителя Феофана Затворника, писавшего своему духовному чаду: «Вы уверены, что все небесные тела населены разумными существами, что эти разумные существа подобно нам, по склонности ко злу (уж почему бы не сказать, как падшие), имеют нужду в средствах ко спасению, что средство это и для них одно: изумительное строительство смерти и Воскресения Христа Бога. Из этих мыслей вытекает у Вас неразрешимое недоумение: как мог Господь Иисус Христос быть для них Спасителем? Неужели мог Он в каждом из этих миров воплощаться, страдать и умирать? Неумение решить этот вопрос беспокоит и колеблет веру Вашу в Божественность домостроительства нашего спасения.

Что такие мысли колеблют и беспокоят Вас – это по собственной Вашей вине, а не по свойству мыслей. Эти мысли – цепь мечтаний, не представляющих ничего несомненно верного, домостроительство спасения есть дело несомненно верное, доказавшее и постоянно доказывающее свою Божественность. Можно ли позволять, чтоб эту твердыню колебали мечтательные предположения?

Хоть Вы издавна содержите мысль о бытии разумных существ на других мирах, и хотя она имеет много за себя, – но все же она не выходит из области вероятных предположений. **Очень вероятно, что там есть жители – но все только вероятно.** Сказать “есть” не имеете права, пока не удостоверитесь делом, что есть. Правильнее выражаясь об этом, я говорю так: ве-

зике, астрономии и приборостроению 1744-1765гг. М.-Л.: Академия наук СССР, 1955, с.370-376.

роятно, есть; а может быть, и нет. А Вы взяли одно предположение, заимствовав его от нас, да и стали на нем. У нас было падение – ну и там, мы склонны ко греху – ну и те; у нас нужно домостроительство спасения – нужно и там; у нас Единородный Сын Божий благоволил воплотиться – и там уместен только этот способ спасения.

А Вам следовало бы идти в своих предположениях так: положим, что есть разумные жители на других мирах; что ж они, соблюли ли заповеди, пребыли ли покорными воле Божией или преступили заповеди и оказались непокорными? Вы не можете сказать ни того, ни другого; а я думаю, что или согрешили, или не согрешили, ибо и наших прародителей грех не был необходимостью, а зависел от их свободы. Они пали, но могли и не пасть. Так и жители других планет: могли сохранить заповедь, могли и не сохранить. Если они сохранили, то все дальнейшие мечты о способах их спасения прекращаются сами собою: они пребывают в первобытном общении с Богом и святыми Ангелами и блаженствуют, находясь в том состоянии, какого чаем и мы по воскресении.

Но пусть и пали. Нет основания думать, чтобы им неизбежно нужно было воплощение, чтоб оно совершилось на каждой планете. Сила воплощения и искупительная жертва спасают нас чрез усвоение их верою. Почему не предположить, что искупительная жертва, совершенная на Земле, подействовала благотворно и на другие миры? Почему не предположить, что и тамошние разумные твари приняли ее верою и таким образом спасаются? В способах сообщения и произведения веры у Господа не может быть недостатка: есть

даже Ангелы, в служение посылаемые для желающих наследовать спасение. Все планеты состоят между собою в связи и взаимовлиянии, для нас неведомом. Чтобы какая-нибудь из них была исключена из этого союза, этого предположить нельзя»¹⁴⁸.

Третий роман «Мерзейшая мощь» вызвал в адрес автора много нападков со стороны ученых. И неудивительно: ведь главные отрицательные герои здесь – люди науки, пытающиеся из науки сделать новую религию, причем сатанинскую. Дивайн из первого романа теперь стал лордом Феверстоном, одним из тех, кто стоит у истоков создания государственного научно-исследовательского института, призванного изменить природу людей, лишить их свободы воли, создать нового человека. Главные деятели этого института – Уизер и Фрост – дошли до того, что для достижения своих целей хотят соединить современную им науку с древней магией. Бытовая сторона романа после всех событий 20 века вроде бы не кажется чем-то особенным. Переводчица романа на русский язык Наталья Трауберг писала о нем: «Сама я люблю этот роман больше всех других – так люблю, что переводила его для друзей в те самые годы, когда наша жизнь была такой, как в нем, только хуже (1980-1983)»¹⁴⁹. Но именно обыденность зла, как показывает роман, и затрудняет противостояние ему.

Ученые института готовят новое жесточайшее тоталитарное общество, приучая общественное мнение к

¹⁴⁸ Цит. по: Кураев А., диак. *Ответы молодым* lib.eparhia-saratov.ru/Books/10k/kuraev/answer/70.htm (дата обращения 14.12.12).

¹⁴⁹ Трауберг Н. Космическая трилогия / К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М., 2003. С. 337.

необходимости этого при помощи СМИ. Они «оживляют» отрубленную голову убийцы, через которую говорит дух тьмы, хотят разбудить спящего несколько столетий древнего мага Мерлина, чтобы с его помощью войти еще в больший контакт с силами зла. И опять им противостоит Рэнсом и собравшаяся вокруг него небольшая община. И в решающий момент проснувшийся Мерлин приходит не к силам зла, а к Рэнсому. И Уарсы через Мерлина получают возможность вмешаться в земные дела, и институт саморазрушается, злодеи гибнут. А на Земле продолжается самая обычная жизнь – муж Марк, из желания попасть в высшее общество, ставший сотрудником института, возвращается к своей жене Джейн, нашедшей пристанище в общине Рэнсома...

Льюис в «Переландре» дает достаточно четкое определение современной ему научной фантастики: «Они считают, что человечество, достаточно испортив свою планету, должно распространяться пошире и надо прорваться сквозь огромные расстояния – сквозь карантин, установленный Самим Богом. Но это только начало. Дальше идет сладкая отравка дурной бесконечности – безумная фантазия, что планету за планетой, галактику за галактикой, Вселенную за Вселенной можно вынудить всюду и навеки питать только нашу жизнь; кошмар, порожденный страхом физической смерти и ненавистью к духовному бессмертию; мечта, лелеемая множеством людей, которые не ведают, что творят, а некоторые и ведают. Они вполне готовы истребить или поработить все разумные существа, если они встретятся на других планетах»¹⁵⁰. И он противо-

¹⁵⁰ Льюис К. С. Указ. соч. С. 230.

поставляет ей своей трилогией качественно иную фантастику, основанную на христианском миропонимании. Важно не то, что творится на других планетах – важно то, что творится у тебя в душе – в этом с Льюисом созвучны и Святитель Феофан Затворник и Михаил Васильевич Ломоносов.

В заключение хочется привести еще одни слова Натальи Трауберг: «В мир, где царствует Бог, нельзя войти, если не станешь доверчивым и беспомощным, как хороший ребенок. Романы, которые писал Льюис, годятся только для такого царства»¹⁵¹.

¹⁵¹ Трауберг Н. Космическая трилогия / К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М., 2003. С. 337.

Гилберт Кийт Честертон

**«Пройти через огонь, чтобы
добыть первоцвет»**

**Гилберт Кийт Честертон – христианский
рыцарь XX века.**

Гилберт Кийт Честертон – христианский рыцарь XX века не только по своим образу мыслей и поступкам, но и в самом прямом смысле – рыцарь-командор со звездой ватиканского ордена Святого Григория Великого. Его творчество настолько диалектично, полемично и одновременно сказочно, что собранное вместе рождает очень необычные образы: «Я чувствовал, что нужно поститься сорок дней, чтобы увидеть дроз-

да; пройти через огонь, чтобы добыть первоцвет. Любители прекрасного не могут даже протрезвиться ради дрозда, претерпеть обычное христианское бракосочетание в уплату за первоцвет. За необычайные радости надо платить соблюдением обычной морали»¹⁵², – пишет Честертон в 34 года в своей знаменитой книге «Ортодоксия».

Писатель проповедовал Христа в мире, который формально был христианским, на деле же – антихристианским. В романе «Мерзейшая мощь» другого английского писателя-христианина К.С. Льюиса один из героев, когда ему говорят о Христе, реагирует на это так: «Марк легко прочитал бы юным студенткам лекцию об абортах и педерастах, но при этом имени он смутился, покраснел и так рассердился и на себя, и на Стрейка, что покраснел еще больше»¹⁵³. Честертон в романе «Шар и крест» описывает похожую картину:

«– Он мой враг, – отвечал Эван. – Он враг Богу.

Судья выпрямился и едва удержал пенсне.

– Прошу вас, без ... э ... выражений! – торопливо сказал он. – При чем тут Бог?

Эван широко открыл светлые глаза.

– Бог... – начал он.

– Прошу вас! – строго сказал судья. – И вам не стыдно говорить о таких вещах на людях ... э ... в полиции? Вера – частное дело, ей здесь не место.

¹⁵² Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 397-398.

¹⁵³ Льюис К. С. Мерзейшая мощь // Собр. соч. в 8 т. Т. 4. СПб., 2003. С. 61.

– Неужели? – спросил житель гор. – Тогда зачем они клялись на Писании?»¹⁵⁴.

Честертон заявляет, что «Самая малость христианства – приговор нынешнему миру. Ведь мир этот держится не тем, что богатые бывают полезны (это бы еще ничего), а тем, что на богатых можно положиться. Во всех дискуссиях, диспутах и спорах вам твердят, что богатых подкупить нельзя. На самом же деле подкупить их можно – они уже подкуплены, потому и богаты. В том-то и дело, что человек, зависящий от удобства и роскоши, уже испорчен. Христианин может сказать: “Я не презираю этого человека, хотя он занимает высокий пост и берет взятки”. Но он не может сказать (как в наше время говорят с утра до ночи): “Он занимает такой высокий пост, что взятку брать не станет”. Христианство учит, что любой человек на любой высоте может брать взятки. Так учит христианство – и, по забавной случайности, тому же учит история. Разве лорд Бэкон чистил сапоги? Разве герцог Мальборо подметал улицы?»¹⁵⁵.

Писатель утверждает, что «материализм накладывает более строгие ограничения, нежели вера. Христианин вправе верить, что в мире достаточно упорядоченности и направленного развития; материалист не вправе добавить к своему безупречному механизму ни крупицы чуда или духа»¹⁵⁶. Он откровенно издевается над современной ему критикой религии: «Часто

¹⁵⁴ Честертон Г.К. Шар и крест. М., 2008. С. 35.

¹⁵⁵ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 444.

¹⁵⁶ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 370.

говорят, что наши мудрецы не могут найти разгадку религии. Но беда не в том, что они не могут найти разгадку; беда в том, что наши мудрецы не видят самой загадки. Они похожи на глупых детей, не находящих странного в шутовском утверждении, что дверь – не дверь. Бесплезно твердить о выборе между логикой и верой: сама логика – вопрос веры. Нужна вера, чтобы признать, что наши мысли имеют какое-то отношение к реальности. Если вы стали скептиком, вы рано или поздно спросите: «Почему что-либо должно быть правильно, даже наблюдение и дедукция? Почему хорошая логика не может быть так же обманчива, как плохая? Ведь и та и другая – только циркуляция в мозгах озадаченной обезьяны»¹⁵⁷. Честертон пишет, что за крахом авторитета религии неизбежно придет и крах авторитета науки: «мы видим, как скептицизм прорывает кольцо старых авторитетов и сбрасывает разум с трона. Когда уходит религия, уходит и логика, ибо обе они первичны и властны; обе – доказательство, которое не может быть доказано. Уничтожая идею божественного авторитета, мы подорвали авторитет человеческий, необходимый даже для решения школьных задач»¹⁵⁸.

Как следствие этого – крах вообще всех авторитетов и смыслов, бунт ради бунта, бессмысленный и беспощадный: «современный революционер ставит под сомнение не только то учение, которое он осуждает, но и то учение, на основании которого он берется су-

¹⁵⁷ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 377-378.

¹⁵⁸ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 378.

дить. В качестве политика он провозглашает, что война – бессмысленный расход жизней, а в качестве философа, что жизнь – бессмысленный расход времени. Русский пессимист осуждает полицейского за убийство крестьянина и крестьянина за то, что он не покончил с собой. Человек осуждает брак как ложь и распутных аристократов за презрение к браку. Такой человек сперва отправляется на политическое собрание и там жалуется, что к дикарям относятся как к животным, а затем берет шляпу и зонтик и идет на научное собрание, где доказывает, что они и есть животные. Бунт современного бунтаря стал бессмысленен: восставая против всего, он утратил право восставать против чего-либо»¹⁵⁹.

Честертон диалектически показывает превосходство христианства над современными ему модными учениями на примере Жанны д'Арк с одной стороны и Ф. Ницше и Л.Н. Толстого с другой: «Я ... вижу неизбежный крах ницшеанства, толстовства и других современных учений также ясно, как видят с воздушного шара, что поезд несется к пропасти. Все эти учения – работа ума, доведенная до отказа, а они подошли к нему вплотную. И вот, когда я бился и томился над умными, блестящими и бесполезными книгами, взгляд мой упал на одно из заглавий “Жанна д'Арк”. Франс писал свою книгу в странном тоне почтительно-скепсиса. Он отверг свидетельства о чудесах, основанные на предании, чтобы рассказать нам вещи просто ни на чем не основанные. Он не верит в те или иные подвиги святой – и делает вид, что знает допод-

¹⁵⁹ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 385.

линно ее ощущения и думы. Но я упомянул о книге не для того, чтобы ее ругать: просто имя натолкнуло меня на мысль. Жанна д'Арк не топталась на распутье, отбросив все пути, как Толстой или приняв их как Ницше. Она выбрала путь и ринулась по нему стремительно, как молния. Тем не менее в ней было все то, что есть хорошего в Толстом и Ницше, все, что есть в них мало-мальски сносно. Толстой воспел крестьян – она была крестьянкой. Ницше воспел войну – она воевала. И главное – она делала и сделала много, а они размышляли. Как же тут не подумать, что ее вера владеет тайной нравственной цельности и осязаемой пользы? Так я и подумал, и за спиной Иоанны встал ее Создатель»¹⁶⁰.

Ощущение жизни, как самой прекрасной из сказок, где добро побеждает зло, где есть место героизму и есть место повседневности, Честертон вынес из детства: «Мою первую и последнюю философию, в которую я твердо верю, я усвоил в детской от няни – величественной, вдохновенной жрицы демократии и традиции. Крепче всего я верил и верю в волшебные сказки. Они кажутся мне удивительно разумными. Это не фантазия, рядом с ними все остальное фантастично, даже религия и рационализм: религия невероятно права, рационализм невероятно не прав. Страна чудес – не просто солнечный край здравого смысла. Не земля судит небо, а небо землю, и точно также, по-моему, землю укоряет сказочная страна»¹⁶¹. «Я чувствовал и

¹⁶⁰ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 386-387.

¹⁶¹ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 390.

чувствую, что жизнь ярка, как бриллиант, но хрупка как оконное стекло, и когда небеса сравнивали с кристаллом, я вздрагивал – как бы Бог не разбил мир вдребезги. Но помните, бьющееся не обречено на гибель. Ударьте по стеклу – оно не проживет и секунды, берегите его – оно проживет века. Такова радость человека; как в стране эльфов, так и на земле счастье продлится, пока вы *не сделаете чего-то*, что вы можете сделать в любую секунду, часто не понимая, почему этого делать нельзя»¹⁶².

Проповедь Честертонка казалась безумием многим из его современников, не случайно, что образ Дон Кихота был близок писателю; возможной реализации этого образа в современной ему Англии он посвятил одну из своих книг. Один из героев романа «Возвращение Дон Кихота» говорит о средних веках: «в них была правда, а вы погрязли во лжи. Я не думаю, что тогда не было греха и страданий. Я только думаю, что грех и страдания так и называли. Вы вечно толкуете о деспотах и вассалах, но ведь и у вас есть насилие, и неравенство, только вы не смеете называть их по имени. Вы защищаете их, давая им другие имена. У вас есть король, но вы говорите, что ему не разрешается править. У вас есть палата лордов, но вы сообщаете, что она не выше палаты общин. Когда вы хотите подольститься к рабочему или крестьянину, вы зовете его джентльменом, а это то же самое, что назвать его виконтом. Когда вы хотите подольститься к виконту, вы хвалите его за то, что он обходится без титула. Вы оставляете миллионеру миллионы и хвалите его за

¹⁶² Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 396.

простоту, то есть за унылость, словно в золоте есть что-нибудь хорошее, кроме блеска. Вы терпите священников, когда они на священников не похожи, и бодро заверяете нас, что они могут играть в крикет. Ваши ученые отрицают доктрину, то есть – учение, ваши богословы отрицают Бога. Повсюду обман, малодушие, низость. Все существует лишь потому, что само не признает себя»¹⁶³. «– Как вы не поймете? – вопрошал он. – Ваша техника стала такой бесчеловечной, что уподобилась природе. Да, она стала второй природой, далекой, жестокой, равнодушной. Рыцарь снова блуждает в лесу, только вместо деревьев – трубы. Ваша мертвая система так огромна, что никто не знает, где и как она сломается. Все рассчитано, и потому нельзя ничего рассчитать. Вы оправдали наваждение Дон Кихота: мельницы ваши – великаны»¹⁶⁴.

Подобно многим своим современникам, Г.К. Честертон критиковал время, в которое ему выпало жить за отсутствие масштабных личностей, преданных идее, способных менять мир: «Серьезные и даже великие изменения в нашей культуре и политике произошли в начале XIX века, не позже. То было время черного и белого; люди твердо верили в кальвинизм, в реформацию, в реакцию, а нередко и в революцию. Каждый, кто верил, упорно бил в одну точку, не зная сомнений, – поэтому они чуть не свалили и Церковь, и палату лордов. У радикалов хватило мудрости на верность и постоянство, хватило мудрости на консерватизм. А

¹⁶³ Честертон Г.К. Возвращение Дон Кихота // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992. С. 338-339.

¹⁶⁴ Честертон Г.К. Возвращение Дон Кихота // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992. С. 406.

сейчас, теперь, у радикалов нет ни времени, ни силы что-нибудь сокрушить. <...> покоем мы обязаны полнейшему безверию»¹⁶⁵.

Освальд Шпенглер, не замечая жившего в то время, когда он создавал свой знаменитый «Закат Западного мира» В.И. Ленина, писал: «Переводя взгляд на современных философов, испытываешь стыд. Какая мелкотравчатость личности! Почему уже одно простое представление о том, что кому-то из них выпало доказывать свою духовную значимость в качестве государственного деятеля, дипломата, организатора большого масштаба, управляющего каким-либо мощным колониальным, торговым или же транспортным предприятием, вызывает прямо-таки жалость?»¹⁶⁶.

А в это время в России философы-марксисты не просто доказывали свою значимость, а делали попытки построить государство абсолютно нового типа. И еще при жизни Шпенглера на его родине к власти пришел тоже своего рода «философ» – автор «Майн кампф» Адольф Гитлер. Можно спорить о том были ли это философы в классическом понимании (хотя почему нет? Тот же Н.И. Бухарин был даже академиком), но, безусловно, что это были создатели стройных идеологических систем, изменивших жизнь миллиардов людей и многим десяткам миллионов людей стоивших жизни.

Роман Гвардини в «Конце Нового времени» писал об обезличивании человека XX века: «Нам могут, правда, возразить, что личностное начало проявляется

¹⁶⁵ *Честертон Г.К.* Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 435.

¹⁶⁶ *Шпенглер О.* Закат Западного мира. М., 2010. С. 58.

в вождях, которых порождает этот человеческий тип; в новой разновидности властителей и преобразователей человечества. Но, как мы уже отмечали, это будет неверно; главная особенность нынешнего вождя состоит, видимо, как раз в том, что он не является творческой личностью в старом смысле слова, то есть развивающейся в исключительных условиях индивидуальностью; он лишь дополняет безликое множество других, имея иную функцию, но ту же сущность, что и они»¹⁶⁷.

Но в отличие от Шпенглера и Гвардини, Честертон больше верит в своих современников. Ничего не изменилось в мире, люди стоят перед тем же нравственным выбором: «Один из умнейших агностиков нашего времени спросил меня как-то: как я считаю, становится человечество лучше или хуже или не меняется? Он был уверен, что назвал все возможные варианты. Я спросил его, как он считает, мистер Смит из Голдер-Грин стал лучше или хуже или не изменился от тридцати до сорока лет? Тут он начал догадываться, что это зависит от мистера Смита, от его выбора. Он никогда раньше не думал, что путь человечества – не прямая линия, прочерченная вперед, или вверх, или вниз; он извилист, как след через долину, когда человек идет, куда хочет, и останавливается, где хочет, может пойти в церковь, может свалиться пьяным в канаву. Жизнь человека – повесть, приключенческая повесть»¹⁶⁸.

¹⁶⁷ Гвардини Р. Конец Нового времени www.krotov.info/libr_min/04_g/gva/rdini.htm (дата обращения 03 октября 2013 года).

¹⁶⁸ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 248.

И, будучи героем этой сказочной повести, «можно бросить вызов всем силам мироздания, не предавая знамени. Можно вступить с миром в схватку и быть ему преданным другом. Можно сражаться с драконом, если тот больше великих столиц и вечных гор, и даже всей земли, и убить его во имя столиц, земли и гор. Неважно, кто сильнее, – важно, кто прав. Святой Георгий вонзит копье, даже если перед ним нет ничего, кроме дракона, и само небо – черная дыра в рамке разверстой пасти»¹⁶⁹. А главный движущий стержень добрых и злых поступков – это вера: «Почему практичные люди убеждены, что зло всегда побеждает? Что умен тот, кто жесток, и даже дурак лучше умного, если он достаточно подл? Почему им кажется, что честь – это чувствительность, а чувствительность – это слабость? Потому что они, как и все люди, руководствуются своей верой»¹⁷⁰.

По-журналистски едко Честертон высмеивает изыски современной ему науки, которая на основании нескольких картинок, найденных в пещерах, рисует панораму жизни «древних» людей: «В конце концов, и в наших пещерах можно найти надписи. Правда, наука не признает их древними, но время сделает свое дело, и, если ученые не изменятся, они смогут вывести немало занимательного из того, что нашли в пещерах давнего, XX века. Например: 1) поскольку буквы нацарапаны тупым лезвием, в нашем веке не было резца, а тем самым и скульптуры; 2) поскольку буквы заглав-

¹⁶⁹ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 414.

¹⁷⁰ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 185.

ные и печатные, у нас не было скорописи и малых букв; 3) поскольку складывались они в непроизносимые сочетания, наш язык был сродни гэлльскому, а еще вероятнее – семитским, не изображавшим гласных на письме; 4) поскольку нет причин полагать, что надписи эти – религиозный символ, наша цивилизация не знала религии. Последнее ближе всего к истине: религиозная цивилизация была бы хоть немного разумней»¹⁷¹. Честертон высмеивает абсурдность актуальных и в его время попыток заменить смыслы слов, изменяя при этом и сами слова. Старик, герой романа «Перелетный кабак» говорит: «– Я ничуть не хочу утверждать, что в моей теории нет трудных случаев. Не все примеры так бесспорны, как те, что я сейчас привел. Скажем, совершенно очевидно, что “Голова сарацина” – искажение исторической истины, гласящей “Глава наш – сарацин”. Далеко не так очевидно, что “Зеленый Чурбан” – это “Зеленый Тюрбан”, хотя в моей книге я надеюсь это доказать. У нас был знаменитый воин, Амар али Бен Боз, а вы переделали его имя в “Адмирал Бенбоу”»¹⁷².

Научная картина мира менялась на глазах; но при этом вера все также считалась противоречащей науке. Причину этого Честертон видел в догматическом мышлении материалистов, сделавших материю предметом своей веры: «То, что старая наука, по крайней мере, решительно отвергла бы как чудо, ежеминутно подтверждает наука новая. Только новая теология еще

¹⁷¹ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 115.

¹⁷² Честертон Г.К. Перелетный кабак // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992. С. 15-16.

достаточно свободна, чтобы отрицать чудеса. И даже если свободно отрицать чудеса, это еще не значит, что их нет на самом деле. Это безжизненный предрассудок, исток которого – не свобода мысли, а материалистическая догма. Человек XIX века не верил в Воскресение не потому, что его либеральное христианство позволяло усомниться в нем, а потому, что его строжайший материализм запрещал ему верить. Сомнения агностика – это всего-навсего догмы материалиста»¹⁷³.

Результат долгих духовных поисков Честертона – осознание того, что то, что он искал, всегда было рядом¹⁷⁴. Как апологет христианства, Честертон также диалектик, некоторые его высказывания могут смутить тех, кто большее внимание уделяет форме, в которую облечена мысль: «Те, кто считает христианство узким и фанатичным, обречены на удивление. Мы – аскеты и воюем с аскезой; мы – наследники Рима и воюем с Римом; мы монотеисты – и бьемся с монотеизмом»¹⁷⁵.

Христианство для Честертона – не отвлеченное понятие, а жизнь в Церкви, жизнь, которая шире любых философских систем: «Христианство смотрит на жизнь через тысячу окон, а древние стоики или агностики – через окно. Оно смотрит на жизнь глазами самых разных людей. У него найдется ключ для всех настроений, для всех человеческих типов, ему ведомы тайны психики, бездны зла, оно умеет отличать лож-

¹⁷³ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 450-451.

¹⁷⁴ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 360-361.

¹⁷⁵ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 238.

ное чудо от истинного, а его реальность, такт, изображение – многообразны, как реальная жизнь, которую не охватишь заунывными или бодрыми трюизмами древней и новой этики. Наша вера не только вещественней поэзии и вместительней философии – в ней есть еще и вызов, есть борьба. Она достаточно широка, чтобы принять любую истину, но не примет заблуждения»¹⁷⁶. «В Церкви есть то, чего нет в мире. Мир сам по себе не может обеспечить нас всем. Любая другая система узка и ущербна по сравнению с Церковью; это не пустая похвальба, это – реальность. Как ни бьются над этим современные синкретисты, им не удастся создать ничего, что было бы шире Церкви. Всякий раз они просто выбрасывают что-нибудь не из Церкви, а из жизни: знамя, или харчевню, или детскую книжку про рыцарей, или плетень в конце поля»¹⁷⁷.

Перешедший в зрелом возрасте из протестантизма в католичество Гилберт Кийт Честертон делает это не вследствие интеллектуального решения. Он объясняет это так: «Когда меня или кого-нибудь другого спрашивают: “Почему вы приняли католичество?”, мы отвечаем быстро и точно, хотя и не для всех понятно: “Чтобы освободиться от грехов”»¹⁷⁸. Евангелие для писателя – не этическое учение, это проповедь Воплощенного Бога, главное в которой – сам факт Боговоплощения: «Сквозь все поучения Христа проходит нить, почти незаметная для тех, кто говорит, что это

¹⁷⁶ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 207.

¹⁷⁷ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 203-204.

¹⁷⁸ Честертон Г.К. Бог с золотым ключом (из «Автобиография») // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 207.

именно поучение. Когда читаешь Евангелие, так и кажется, что на самом деле Он пришел не для того, чтобы учить»¹⁷⁹. «Простые слова Евангелия тяжелы как жернова, и тот, кто может читать их просто, чувствует, что на него свалился камень»¹⁸⁰.

Быть героем в мире, лежащем во зле, совсем не просто. В «Перелетном кабаке» Честертон в маленьком диалоге показывает, какая судьба героя может ждать:

«– Что еще можно сделать с героем, – спросила миссис Макинтош, – как не поклониться ему?

– Его можно распять, – сказала Джоан»¹⁸¹.

Но Честертон при этом не ищет мученического пути. В предисловии к «Ортодоксии» он пишет: «нам нужна жизнь повседневной романтики; жизнь, соединяющая странное с безопасным. Нам надо соединить уют и чудо. Мы должны быть счастливы в нашей стране чудес, не погрязая в довольстве»¹⁸². И писатель говорит о том, что «христианство имеет дело с весомой, вне нас существующей реальностью, с внешним, а не только с вечным. Оно возвещает, что мир действительно есть, что мир – это мир. В этом оно совпадает со здравым смыслом»¹⁸³.

¹⁷⁹ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 220.

¹⁸⁰ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 223.

¹⁸¹ Честертон Г.К. Перелетный кабак // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992. С. 231.

¹⁸² Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 359-360.

¹⁸³ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 175.

И единственный источник истинной жизни для человека – это Христос, но нужно поверить в Него – Воплощенного Бога: «Если считать, что Он только человек, вся история становится несравненно менее человеческой. Исчезает ее суть, та самая, что поистине пронзила человечество. Люди отвергают догму не потому, что догма плоха, а потому что она слишком хороша. Она дарует слишком большую свободу, чтобы оказаться правдой. Она дарует немислимую свободу, ибо человек может пасть. Она дает небывалую свободу – сам Бог может умереть. Вот что должны были бы сказать просвещенные скептики, и я ни в малейшей степени не собираюсь возражать им. Для них – мироздание – тюрьма, жизнь – сплошные ограничения; не случайно, говоря о причинной связи, они вспоминают цепь. Им кажется, что поверить в нашу свободу – все равно, что поверить в страну фей. Мы вправе вполне буквально сказать, что истина сделала нас свободными»¹⁸⁴.

Трактаты Честертон порой непростые, лично у меня его любовь к диалектике вызывает ассоциации с работами А.Ф. Лосева. Художественные произведения английского писателя также многоплановы. Н. Трауберг так написала о нем: «он, всегда за все плативший, намеренно снижал жанр, слог, манеру и своего добился – проповедь его прикрыта, прикровенна. Нельзя гордиться, что ты его читал, нельзя глубокомысленно его цитировать; многого с ним сделать нельзя. Если он для вас не “учитель надежды” (одно из его прозваний – *Doctor spei*), вы усмехнетесь в лучшем

¹⁸⁴ Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 246-247.

случае снисходительно, в худшем – презрительно. С глупой, многозначительной серьезностью к нему относиться невозможно»¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Трауберг Н. Гилберт Кийт Честертон и его трактаты // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 8.

Уильям Сомерсет Моэм

Уильям Сомерсет Моэм – «исповедь» писателя

Рубеж XIX – XX столетий был сложным для всего мира, ощущавшего приближение катастрофических событий. Для Британской империи, внешне еще находившейся на пике своего могущества, он знаменовал и формирование нового мироощущения англичан, что нашло свое отражение в произведениях литературы. Дальнейший отход от христианских ценностей в пользу мифов глобального мира, примитивизма которых не замечали обвинявшие в примитивности христианство, требовал и появления проповедников этих мифов – искренних, убежденных в своей правоте, талантливых, глубоко видящих жизненные процессы. Но нередко, обладая талантом, они создавали произведения намного более глубокие, чем та идейная почва,

которая составляла основу мировоззрения их авторов. В этой связи очень интересно посмотреть на творчество известного английского писателя У.С. Моэма.

Уильям Сомерсет Моэм прожил очень долгую жизнь: он родился в январе 1874 года, а умер в декабре 1965 года. Можно сказать, что он пережил Британскую империю, как великую державу. Впрочем, вряд ли можно назвать его патриотом. Как сам Моэм писал: «Я люблю Англию, но никогда не чувствовал себя там вполне дома. Англичан я стеснялся. Англия была для меня страной обязанностей, которые мне не хотелось исполнять, и ответственности, которая меня тяготила. Чтобы почувствовать себя свободным, мне нужно отдалиться от родины хотя бы на ширину Ла-Манша. Есть счастливицы, умеющие обрести свободу внутри себя; я, не обладая их духовной силой, нахожу ее в путешествиях»¹⁸⁶. В молодости он пробовал себя на медицинском поприще, в годы Первой мировой войны был резидентом английской разведки. Но главным делом его жизни были литература и драматургия, которыми он занимался профессионально, написав 78 книг. Писать было для него потребностью: «писать для меня было такой же инстинктивной потребностью как дышать»¹⁸⁷; «писать было для меня с самого начала так же естественно как для утки – плавать. Я до сих пор удивляюсь, что я – писатель; к этому не было никаких при-

¹⁸⁶ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 432-433.

¹⁸⁷ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 390.

чин, кроме непреодолимой склонности, а почему такая склонность во мне возникла – непонятно»¹⁸⁸.

Моэм – один из самых популярных писателей 1930-х годов, тонкий психолог, автор некоторых удивительных по своей глубине книг, в которых жизненная правда повествования оказывается зачастую намного сильнее попыток творца обрисовать ее сквозь призму своего мироощущения. Блестящие по своей психологической глубине «Бремя страстей человеческих», «Луна и грош», «Подводя итоги» показывают многое и из того, что самому автору не было видно. Как писал по поводу авторского восприятия собственных произведений В.П. Океанский (не в связи с творчеством Моэма): «Но стоит тут обратить серьёзное внимание и на возможные возражения в наследии величайших русских философов, столь разных, как, например, метафизик отец Павел Флоренский и феноменолог И. А. Ильин: первый из них писал, что “сочинитель не есть надёжный толковник своего труда, и сказать что именно написал он, нередко может с меньшей уверенностью, нежели любой из внимательных его читателей” (“Пути и средоточия”); второй же отмечал, что “художник часто знает о своём произведении меньше, чем его произведение ”высказывает“ о самом себе” (“О чтении и критике”))»¹⁸⁹.

Историю начала потери своей веры Моэм передает в романе «Бремя страстей человеческих»: мальчик молится об исцелении своей больной ноги, сопровождая свое обращение к Богу массой суеверных риту-

¹⁸⁸ Там же. С. 384.

¹⁸⁹ Океанский В.П. Средние века продолжаются // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2013. № 3-4(11-12). С. 76.

алов: «на этот раз Филипп принял и другие меры, чтобы его заветное желание было исполнено: он загадывал его, глядя на молодой месяц или на коня в яблоках; ждал, не упадет ли звезда; во время короткой побывки дома им как-то подали курицу, и он ломал дужку с тетей Луизой, загадывая снова и снова, чтобы его нога стала здоровой, как у других. Бессознательно он взывал к богам куда более древним, чем Бог Израилев. Он засыпал Всевышнего своими молитвами во всякое время дня, когда бы он об этом не вспомнил, но всегда в одних и тех же выражениях: ему почему-то казалось, что точность слов очень тут важна. Однако скоро он начал чувствовать, что и теперь его веры не хватает. Он уже не мог подавить в себе сомнения. И дело кончилось тем, что свой личный опыт он возвел в общее правило. <...> Текст, где говорилось, что вера движет горами, был лишним примером того, что в книгах пишется одно, а на деле выходит совсем другое»¹⁹⁰.

В книге «Подводя итоги» писатель описывает и дальнейшее развитие идей, заставивших его порвать с религией. Он пишет про своего дядю-священника, что «к нему наезжали священники из соседних приходов. Одного из них суд графства приговорил к штрафу за то, что он морил голодом своих коров, другого уволили за пьянство. Меня учили, что все мы ходим под Богом и что первый долг человека – заботиться о спасении души. Я видел, что ни один из этих священников не делает того, к чему призывает в своих проповедях. Как ни горяча была моя вера, мне до смерти надоело

¹⁹⁰ *Мозм У.С.* Бремя страстей человеческих. Л., 1984. С. 53-54.

ходить в церковь сначала дома, потом в школе»¹⁹¹. С детства воспитанный в том, что все кроме англикан пойдут в ад, оказавшись в Германии, где ему встретилось много истово верующих католиков, молодой Моэм задумался, что «вполне мог бы родиться на юге Германии и тогда, безусловно, был бы воспитан в католической вере. Мне показалось обидным, что в этом случае я без всякой своей вины был бы осужден на вечные муки. <...> верования, внушенные мне с детства, крепко переплелись друг с другом, и когда одно из них стало казаться нелепым, остальные разделили его участь. Все жуткое сооружение, основанное не на любви к Богу, а на страхе перед адом, рассыпалось как картонный домик»¹⁹².

В этой же книге Моэм пытается дать и более весомые основания своего неверия, которые, чем больше он их приводит, тем более шаткими представляются: «Я лично не могу поверить в Бога, который на меня сердится за то, что я в Него не верю. Я не могу поверить в Бога, у которого нет ни чувства юмора, ни здравого смысла. <...> Но хотя люди приписывают Богу недостатки, которых сами стыдились бы, это еще не доказывает, что Бога нет. Это доказывает только, что религии, принятые людьми – лишь просеки, теряющиеся в непроходимой чаще»¹⁹³.

Подавленное религиозное чувство иногда невольно прорывалось у Моэма в его произведениях.

¹⁹¹ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 519-520.

¹⁹² Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 520-521.

¹⁹³ Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 531.

Так в «Острые бритвы» он описывает ощущения героя, от лица которого ведет повествование (предполагается, что это он сам), когда в соседней комнате католический епископ причащает умирающего: «Я остался один. Снова послышался голос епископа, и я понял, что он читает отходную. Потом снова молчание – это Элиот вкушал крови и тела Христова. Сам я не католик, но всякий раз, бывая на мессе, я испытываю чувство трепетного благоговения, должно быть унаследованного от далеких предков, когда звоночек служки возвещает, что священник поднял для обозрения святыне дары; и сейчас меня также пронизала дрожь, как от холодного ветра – дрожь восторга и страха»¹⁹⁴.

В том же «Острые бритвы» священник говорит главному герою (так и кажется, что и автору): «если человек поступает как верующий, вера будет ему дана; если он молится искренне, сомнения его рассеются <...> Возможно, я знаю вас лучше, чем вы сами себя знаете. Стена, отделяющая вас от веры, не толще листка папиросной бумаги»¹⁹⁵.

В 1938 году Моэм написал «Подводя итоги» – в какой-то мере главную свою книгу. Потребность «исповеди» он объясняет в ней так: «Я пишу эту книгу, чтобы вытряхнуть из головы некоторые мысли, которые что-то уж очень прочно в ней застряли и смущают мой покой. Я не стремлюсь никого убеждать. У меня нет педагогической жилки, и, когда я что-нибудь знаю, я не испытываю потребности поделиться своими

¹⁹⁴ Моэм У.С. Острые бритвы // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 214.

¹⁹⁵ Моэм У.С. Острые бритвы // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 227.

знаниями. Мне более или менее все равно, согласны ли со мной другие. Разумеется, я считаю, что я прав – иначе я бы не думал так, как думаю, – а они не правы, но их неправота меня мало трогает. Не волнуюсь я и тогда, когда обнаруживаю, что мое суждение идет вразрез с суждением большинства. Я до некоторой степени доверяю своему инстинкту»¹⁹⁶. Впрочем, писатель не хотел полностью открыться в этой книге, при этом пытаясь доказать, что это и в принципе невозможно сделать, а те вещи, которые говорить другим не хочется – в сущности малозначимы: «У меня нет ни малейшего желания обнажать свою душу, и я не намерен вступить с читателем в слишком интимные отношения. Есть вещи, которые я предпочитаю держать про себя. Никто не может рассказать о себе всю правду. Тем, кто пытался открыть себя людям, не только самолюбие мешало рассказать всю правду, но и самая направленность их интереса; от разочарования в самих себе, от удивления, что они способны на поступки, казалось бы ненормальные, они без нужды раздувают эти эпизоды, более обыденные, чем это им представляется»¹⁹⁷.

В этой книге Моэм не может не уделить самого пристального внимания вере. Он пишет: «и выходит, что ни одно из доказательств существования Бога не выдерживает критики. Но если нельзя доказать, что Бог есть, это еще не доказывает, что Его нет. Остается в силе чувство благоговейного страха, чувство беспомощности человека и стремление достичь гармонии

¹⁹⁶ *Моэм У.С.* Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 383.

¹⁹⁷ Там же. С. 382.

между собой и вселенной. А именно эти чувства, скорее чем поклонение силам природы или культ предков, магия или этика, лежат в основе религии. Нет оснований полагать, что все желаемое существует, но было бы жестоко отрицать за человеком право верить в то, чего он не может доказать. Пусть человек верит сколько угодно, лишь бы он знал, что вера его бездоказательна. Тот, кто по природе своей ищет утешения и любви, которая поддерживала бы его и подбодряла, – тот, думается мне, не требует доказательств и не нуждается в них. Ему достаточно интуиции»¹⁹⁸.

Итог многолетних духовных поисков писателя, честно пытавшегося понять сущность человеческой природы, смысл человеческой жизни – приближение к отвергнутому им в юности христианству, но без Христа и даже без Бога: «Доброта – единственная ценность, которая в нашем мире видимостей как будто имеет основания быть самоцелью. Добродетель сама себе награда. Мне стыдно, что я пришел к столь банальному выводу. При моей врожденной любви к эффектам я хотел бы закончить эту книгу каким-нибудь неожиданным парадоксом или циничной эпиграммой, которая дала бы читателю повод с усмешкой заметить, что он узнает мою манеру. А выходит, что мне почти нечего сказать сверх того, что можно прочесть в любых прописях или услышать с любой церковной кафедры. Я проделал долгий кружной путь, чтобы прийти к тому, что всем уже было известно»¹⁹⁹.

¹⁹⁸ *Мозэм У.С.* Подводя итоги // У.С. Мозэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 532.

¹⁹⁹ *Мозэм У.С.* Подводя итоги // У.С. Мозэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 554-555.

В своих тезисах Моэм очень созвучен с родившимся как и он в 1874 году Гилбертом Кийтом Честертоном. Результат долгих духовных поисков Честертона – осознание того, что то, что он искал, всегда было рядом: «Я охотно сознаюсь во всех дурацких предрассудках конца XIX века. Как все важничающие мальчишки, я пытался опередить век. Как они, я пытался минут на десять опередить правду. И я увидел, что отстал от нее на восемнадцать веков. По-юношески преувеличивая, я мучительно возвышал голос, провозглашая мои истины, – и был наказан как нельзя удачнее и забавнее: я сохранил мои истины, но обнаружил, что они не мои. Я воображал, что я одинок, – и был смешон, ибо за мной стояло все христианство. Может быть, прости меня Господи, я пытался оригинальничать, но я создал только ухудшенную копию традиционной веры»²⁰⁰. И в то же время в отличие от Честертона Моэм не решается сделать дальнейшие шаги навстречу Христу.

Однако ему удается от юношеского максимализма прийти к терпимости к людям. В «Острые бритвы» он говорит: «Когда я хорошо отношусь к человеку, я могу скорбеть о его грехах, но на мое отношение к нему это не влияет»²⁰¹. А в «Подводя итоги» Моэм восклицает: «Люди страстны, люди слабы, люди глупы, люди жалки; обрушивать на них нечто столь грандиозное, как Божий гнев, представляется мне в высшей степени бессмысленным. Прощать людям их грехи не так уж трудно. Стоит поставить себя на их место, и по-

²⁰⁰ Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991. С. 360-361.

²⁰¹ Моэм У.С. Острые бритвы // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985. С. 274.

что всегда можно понять, что толкнуло их на тот или другой недозволенный поступок, а значит, и найти для них оправдание»²⁰².

Разум писателя остановил движения его души, что в итоге привело к трагическому ощущению нереальности собственной жизни: «Когда я оглядываюсь на свою жизнь с ее успехами и срывами, ее бесчисленными ошибками, ее обманами и свершениями, радостями и горестями, она кажется мне до странности нереальной. Она призрачна и невещественна. Может быть, мое сердце, нигде не найдя покоя, глубоко затаило древнюю жажду Бога и бессмертия, с которой мой разум не желал считаться»²⁰³.

Уильям Сомерсет Моэм так и не прошел сквозь стену толщиной в листок папиросной бумаги, отделяющую его от веры, – ведь для его материалистического сознания она была также непроницаема, как была бы кирпичная. Но в своих книгах он запечатлел искренний духовный поиск истины и добра, занявший у него не одно десятилетие. Поэтому его книги, которые сложно назвать светлыми и добрыми, но можно назвать честными, и не оставляли равнодушными миллионы читателей.

²⁰² *Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 531.*

²⁰³ *Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 555.*

Плоды греха в романах У.С. Моэма «Луна и грош» и «Бремя страстей человеческих»

У.С. Моэм, без сомнения, – один из популярнейших писателей своего времени. За 60 лет его творческого пути было продано более 40 миллионов экземпляров его книг²⁰⁴. Посвятивший свою жизнь изучению и описанию человека в разных его проявлениях Уильям Сомерсет Моэм, конечно же, не ставил своей целью описывать развитие греха и его плоды. Однако в его талантливых произведениях многое проявляется и помимо автора. Особенно ярко тема греха и воздаяния отражена в романах «Луна и грош» и «Бремя страстей человеческих».

«Луна и грош» (1919) – рассказ о судьбе художника; прототипом героя является Поль Гоген, впрочем, критики нередко упрекали Моэма за искажение правды образа и отход от фактов²⁰⁵. На эти упреки можно ответить словами самого Моэма из предисловия к «Записной книжке»: «Я никогда не считал, что могу написать что-то из ничего, я всегда нуждался в каком-нибудь реальном факте или характере в качестве исходной точки, но затем мое воображение, моя выдумка, чувство драматизма неизменно превращали все это в нечто принадлежавшее мне»²⁰⁶. В предисловии к двухтомному собранию сочинений Моэма В. Скороденко отмечает: «Чарз Стрикленд, преуспева-

²⁰⁴ Дьяконова Н. Я. «Роман, автобиография или биография» // Моэм У.С. Бремя страстей человеческих. Л., 1984. С. 671.

²⁰⁵ См. например, предисловие в кн. *Моэм С. Луна и грош*. М., 1960. С. 5-12.

²⁰⁶ Вопросы литературы. 1966. № 4. С. 139.

ющий биржевик, бросивший работу, семью, родину, чтобы исковеркав несколько судеб, стать живописцем, создать гениальные полотна, оцененные уже после его смерти, и погибнуть на Таити в нищете и неизвестности, несомненно, принадлежит Моэму и только ему»²⁰⁷.

Стрикленд, разрушавший свою жизнь и походя разрушавший жизни тех, кому не посчастливилось встретиться ему на жизненном пути, «жил беднее любого батрака. И работал тяжелее, нимало не интересуясь тем, что большинство людей считает украшением жизни. К деньгам он был равнодушен, к славе тоже. Но не стоит воздавать ему хвалу за то, что он противостоял искушению и не пошел ни на один из тех компромиссов с обществом, на которые мы все так охотно идем. Он не знал искушения. Ему ни разу даже не пришла на ум возможность компромисса. В Париже он жил более одиноко, чем отшельник в Фивейской пустыне. Стремясь к одной лишь цели, он для ее достижения был готов пожертвовать не только собой – на это способны многие, – но и другими. Он был визионер и одержимый»²⁰⁸.

Об одержимости Стрикленда автор не раз потом говорит в романе, что подчеркивает душевную болезнь этого человека, по своему величественного – в финале романа слепого, умирающего от проказы, расписывающего стены хижины, которую его жена-таитянка сжигает по его завещанию...

²⁰⁷ Скороденко В. Предисловие // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 19.

²⁰⁸ Моэм У.С. Луна и грош // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984. С. 155.

Показательно описание одной из картин, созданных Стриклендом, «обычный» натюрморт: «Какая болезненная фантазия создала эти плоды? Они выросли в полинезийском саду Гесперид. Было в них что-то странно живое, казалось, что они возникли в ту темную эпоху истории земли, когда вещи еще не затвердели в неизменности форм. Они были избыточно роскошны. Тяжелы от напитавшего их мрака тропиков. Они дышали мрачной страстью. Это были заколдованные плоды, отведать их – значило бы прикоснуться к тайнам человеческой души, проникнуть в неприступные воздушные замки. Они набухли неожиданными опасностями, и того, кто надкусил бы их, могли обратиться в зверя или бога. Все здоровое и естественное, все приверженное добру и простым радостям простых людей должно было в страхе отшатнуться от этих плодов – и все же была в них необоримо притягательная сила: подобно плоду от древа познания добра и зла, они были чреватые всеми возможностями Неведомого»²⁰⁹.

Вот эти плоды в какой-то мере и символизируют плоды греха, показанные Моэмом в его произведениях. Грех заразен; он уничтожает человека также, как метастазы онкологической болезни. Человек может чувствовать надвигающуюся гибель, но не всегда он способен что-то этому противопоставить, и идет навстречу смерти с безропотностью обреченности.

Моэм блестяще показывает это, показывает и то, к чему приводит игра в «добренького». Один из героев романа «Луна и грош» Дирк Струве решает привести к себе домой большого Стрикленда. И это несмотря на то, что его жена Бланш говорит ему: «Умоляю тебя, не

²⁰⁹ Там же. С. 201.

приводи Стрикленда. Приведи вора, пропойцу, первого попавшегося бродягу с улицы, и я обещаю тебе с радостью ходить за ним. Только не Стрикленда, заклиная тебя, Дирк.

– Но почему?

– Я боюсь его. Он приводит меня в ужас. Он причинит нам страшное зло. Я это знаю. Чувствую. Если ты приведешь его, это добром не кончится»²¹⁰.

Но Струве не слушает жену, напротив, он ее шантажирует:

«– Разве ты не была в великой беде, когда тебе протянули руку помощи? И ты еще помнишь, как много это значит. Неужели ты не хотела бы, если тебе представляется случай, вызволить из беды другого человека?»²¹¹.

В итоге Бланш ломается, она ухаживает за больным Стриклендом, а когда тот выздоравливает, и Дирк говорит ему, что пора уходить, заявляет, что уходит с ним. Опять играющий в благородного Струве уходит сам, ведет себя как шут, безуспешно пытаясь вернуть жену, которая презрительно отвергает все его знаки внимания. Заканчивается это тем, что Стрикленду надоедает Бланш, он ее бросает, а та выпивает кислоту. Как пишет тот, от лица кого ведется повествование «Бедная женщина лежала неподвижно и отказывалась говорить; глаза ее, устремленные в одну точку, казалось, уже видели смерть. Теперь это был вопрос двух-трех дней, не более. И когда Струве пришел

²¹⁰ Там же. С. 104.

²¹¹ Там же. С. 105.

ко мне поздно вечером, я понял, что она умерла»²¹². И даже перед смертью она не хотела видеть мужа.

Что же произошло с Бланш, которая до какого-то момента внешне относилась с любовью к Дирку? Свет на то, что происходило в ее душе, проливает рассказ Стрикледа: «Она была гувернанткой в семье какого-то римского князя, и сын хозяина совратил ее. Она думала, что он на ней женится, а ее выгнали на улицу. Она была беременна и пыталась покончить с собой. Струве подобрал ее и женился на ней»²¹³. (И, добавим: этим ее попрекнул и шантажировал в момент, когда она почувствовала надвигающуюся угрозу). Ребенок родился мертвым. Повествователь задает вопрос Стрикленду:

«– А почему, скажите на милость, вы заинтересовались Бланш Струве?

Он не отвечал так долго, что я уже собирался повторить свой вопрос.

– Откуда я знаю? – проговорил он наконец. – Она меня терпеть не могла. Это было забавно.

– Понимаю.

Стрикленд вдруг разозлился.

– Я ее хотел.

Но он тут же овладел собой и с улыбкой взглянул на меня.

– Сначала она была в ужасе.

– Вы ей сказали?

– Зачем? Она и так знала. Я ей ни слова не говорил. Она меня боялась. В конце концов, я взял ее»²¹⁴.

²¹² Там же. С. 130.

²¹³ Там же. С. 143.

²¹⁴ Там же. С. 143-144.

И после этого Бланш попадает в психологическую зависимость от Стрикленда, решает оставить мужа и быть с ним. Он же свое отношение к ней описывает так: «Когда она сказала, что уйдет со мной, я удивился не меньше Струве. Я ей сказал, что, когда она мне надоест, ей придется собирать свои манатки, и она ответила, что идет на это. – Он сделал паузу. – У нее было дивное тело, а мне хотелось писать обнаженную натуру. После того как я закончил портрет, она меня не интересовала»²¹⁵. Когда же его упрекают в том, что виновник ее смерти, Стрикленд спокойно говорит: «Бланш Струве покончила с собой не потому, что я бросил ее, а потому, что она была женщина вздорная и неуравновешенная. Но хватит говорить о ней, не такая уж она важная персона. Пойдемте, я покажу вам свои картины»²¹⁶.

Что творилось в душе Бланш? Почему она не могла видеть мужа? По мнению Стрикленда, «женщина может простить мужчине зло, которое он причинил ей, но жертв, которые он ей принес, она не прощает»²¹⁷.

Вряд ли можно согласиться с этими объяснениями. Скорее всего, однажды пройдя через те муки, которые приносит запретная страсть и через попытку самоубийства, она инстинктивно чувствовала надвигающуюся угрозу и безошибочно определила ее источник. Она поняла, что, возможно, ей предстоит второй раз пройти через те муки, которые однажды уже были в ее жизни, и в этот раз она не справится. В сво-

²¹⁵ Там же. С. 144.

²¹⁶ Там же. С. 145-146.

²¹⁷ Там же. С. 143.

ем слабом муже она искала защиту, а тот наоборот толкнул ее к тому, кто должен ее погубить. Он тем самым предал ее, предал в том, что она не могла простить, даже находясь перед лицом смерти. После того, как человек, ухаживать за которым муж ее фактически принудил, изнасиловал ее, в душе Бланш запустился механизм распада, развития греховного начала. Она пыталась еще создать какую-то иллюзию нормальной жизни со Стриклендом, но разве это было в принципе возможно? И как итог: потеря смысла жизни и повторение попытки самоубийства, на этот раз приведшее к мучительной смерти.

Как же ведет себя Дирк Струве со Стриклендом после трагических событий?

«– Что же ты сказал Стрикленду, когда встретился с ним?

– Я предложил ему поехать со мной в Голландию.

Я опешил и с дурацким видом уставился на Струве.

– Мы оба любили Бланш. В доме моей матери для него нашлась бы комнатка. Мне казалось, что соседство простых бедных людей принесет успокоение его душе. И еще я думал, что он научится у них многим полезным вещам.

– Что же он сказал?

– Улыбнулся и, кажется, подумал, что я дурак. А потом заявил, что “ерундить” ему неохота»²¹⁸.

Поступок Дирка – это не христианское прощение, это какая-то уродливая форма толстовства, которая под видом непротивления злу дает почву и возможность тому развиваться. И все это под красивые сло-

²¹⁸ Там же. С. 138.

ва, из высоких соображений. Такие вот «обычные» люди по-своему хуже, чем Стрикленд, с которым изначально все понятно, – он болен, одержим своими страстями. Эти же страшны своей внешней респектабельностью, они уничтожают человека, прикрываясь веером красивых фраз.

Если отвлечься от творчества Моэма, то блестяще это передает фильм «Догвилль» – в затерянный американский городок, где живут «обычные добропорядочные люди» попадает девушка, которая от кого-то скрывается. Парень, который ее встречает, любит высокопарно рассуждать, говорит ей, что она должна заслужить доверие жителей городка. В итоге же оказывается, что внешняя благопристойность – лишь ширма. Над девушкой издеваются, ее все подряд насилюют, потом вообще сажают на цепь. Узнав, что ее разыскивает мафия, решают получить за нее вознаграждение. И при этом продолжают считать себя цивилизными гражданами. А вот тут их ждет разочарование. Отец девушки – главарь мафии. Она бежала от него, думая, что в другом месте сможет жить чистой жизнью. И вот что нашла... Отец предлагает ей сделать с жителями городка все, что она захочет, и девушка убивает всех...

Этот фильм Ларса фон Триера показывает, как страшен «маленький» грех, скрывающийся под маской приличия, в котором человек и самому себе не хочет признаться; как страшно самооправдание, как растут в геометрической прогрессии грех и зло, как снежный ком, катящийся с горы; как грех неизбежно рождает смерть, что не нужно бежать куда-то от себя, точку опоры нужно искать в собственной душе. И эти про-

блемы переплетаются с теми, которые проявляются в романе «Луна и грош».

Другой, во многом автобиографический, роман Моэма «Бремя страстей человеческих» очень многопланов и сложен. Поэтому хотелось бы выделить в рамках этой работы один лишь пример: Милдред Роджерс, к которой главный герой Филипп Кэрри пылает необъяснимой страстью. По мнению Н.Я. Дьяконовой «Моэм нередко даже выходит за границы правдоподобия, изображая свою героиню настолько отталкивающей, что невозможно поверить в ее власть над влюбленным»²¹⁹. Она объясняет это тем, что «по-видимому, чувство к ней должно показать умалчиваемое благопристойными романистами не рассуждающее физическое влечение, более могущественное, чем интеллект и благородство. Здесь Моэм показывает себя человеком нового, “фрейдовского” поколения с его уверенностью в приоритете подсознания над сознанием или, говоря языком старой трагедии, с уверенностью победы страсти над долгом»²²⁰.

Вряд ли с этим можно согласиться: образ Милдред очень живой и, скорее всего, списан с натуры. Герой сам не понимает своего выбора: «он вспомнил свои мальчишеские мечты, и ему казалось невероятным, что он влюбился в Милдред Роджерс. Даже имя ее было уродливо. Он вовсе не считал ее красивой, ему не нравилась ее худоба – сегодня вечером он заметил, как торчат ключицы, а вырезе ее вечернего платья, он перебрал в памяти одну за другой ее черты;

²¹⁹ Дьяконова Н. Я. «Роман, автобиография или биография» // Моэм У.С. Бремя страстей человеческих. Л., 1984. С. 669.

²²⁰ Там же.

у нее был неприятный рот и противный, болезненный цвет лица. Она была вульгарна. Ее речь, грубая и бедная, отражала скудость мысли; он вспомнил ее резкий смех в театре, претенциозно отставленный мизинец, когда она подносила ко рту бокал; ее манеры, так же как и ее слова, были полны отвратительного жеманства. Он вспомнил ее заносчивость – часто его так и подмывало отвесить ей пощечину; и вдруг – неизвестно почему, то ли при мысли что ее можно ударить, то ли при воспоминании о ее крошечных красивых ушах – его охватило глубокое волнение. Он томился по ней»²²¹.

Страсть Филиппа к Милдред заставляла его совершать множество безумств, но сама Милдред, не ценящая то, что ее любят, идущая на поводу своих страстей, скатывалась все ниже, навстречу гибели. Не раз предпочтя Кэрри других, она рождает ребенка от одного из них, потом и вовсе становится проституткой. Филипп же, встретив ее, предлагает ей с ребенком пожить у него, без близких отношений, чтобы она могла выбраться из болота, в которое попала. Но в итоге она все равно уходит от него и как? «Квартира была разгромлена. Все, что в ней находилось, было намеренно уничтожено. Вне себя от ярости он бросился в комнату Милдред. Там было темно и пусто. Все вещи на умывальнике были разбиты, сиденья обоих стульев разрезаны крест-накрест ножом, подушка вспорота, в простынях и одеяле прорваны огромные дыры, зеркало, по-видимому, расколото молотком. Филипп был потрясен. <...> Милдред не оставила даже письма – свою ярость она выразила этим разгромом; он представил

²²¹ Моэм У.С. Бремя страстей человеческих. Л., 1984. С. 302.

себе ее застывшее лицо, когда она все это проделывала»²²².

Он еще раз встречается ее, больную венерической болезнью. Он помогает ей лечиться. «Филиппу хотелось спросить о ребенке, но не хватало духа. Наконец, она сама сказала:

– Знаешь, девочка прошлым летом умерла.

– А-а!

– Ты бы мог по крайней мере сказать, что тебе ее жалко.

– Мне ее не жалко, – ответил он. – Я рад за нее»²²³.

В этом эпизоде писатель замечательно показал, что есть вещи, худшие, чем смерть. Но стоило Милдред немного подлечиться, как она вновь вернулась к проституции. Филипп пытался ее остановить:

«– Я отведу тебя домой! Ты не понимаешь, что ты делаешь. Ведь это же преступление!

– Плевать! Мужчины мне столько в жизни гадили, что пусть теперь сами о себе думают.

Она оттолкнула его и, подойдя к кассе, протянула деньги. В кармане у Филиппа было всего три пенса. Он не мог пойти за ней. Отвернувшись, он медленно зашагал прочь.

“Что я могу поделать?” – сказал он себе.

Это был конец. Больше он ее не видел»²²⁴.

Кэрри обретает облегчение своей страсти к концу романа, итог же развития страстей Милдред вполне очевиден.

²²² Там же. С. 528.

²²³ Там же. С. 593.

²²⁴ Там же. С. 595.

Плоды греха – болезнь и смерть; это очень наглядно показал Моэм в своих романах «Луна и грош» и «Бремя страстей человеческих», хотя и не ставил такой задачи.

Д.Р.Р. Толкин

Значение личного выбора для глобально- го мира во «Властелине колец» Джона Рональда Руэла Толкина

Джон Рональд Руэл Толкин создал силой своей фантазии удивительный мир, английский литературный эпос, населенный необычными существами – гномами, эльфами, хоббитами и другими персонажами мифов, соседствующими с обычными людьми. Этот мир, его устройство, история, воззрения живущих в нем проработаны автором до мельчайших деталей. Сюжет трилогии «Властелин Колец», работа над которой началась в 1930-е годы, а к массовому читателю она попала лишь в 1950-е, строится вокруг мощнейшего магического артефакта – Кольца Всевластия. Переказывать полностью это произведение, настолько объемное, что первые издатели даже требовали от автора разделить его на части, вряд ли стоит. Это не раз было сделано. Здесь же, опираясь на авторский текст,

хотелось бы проследить, как личный выбор героя, по художественной логике Толкина, влияет на судьбу глобального мира.

Кольцо – символ вечности, не имеющей ни конца, ни начала; в эпическом произведении Д.Р.Р. Толкина «Властелин Колец» – это и символ силы, и власти, и выбора, реализуемого перед лицом вечности. Но каким бы мощным не был артефакт – нужно проявление свободной воли того, кто им владеет для того, чтобы он обрел полную силу.

Волшебник Гэндальф рассказывает: «Враг накопил огромную силу и знания. Теперь не хватает только одного, чтобы сломить всякое сопротивление, смять последнюю оборону и залить мир тьмою, – не хватает Кольца Всевластия. Три эльфийских Кольца, прекраснейшие из всех, повелители эльфов скрыли, и рука врага не коснулась их. Из семи, принадлежавших вождям гномов, три он отобрал, а остальные истребили драконы. Девять он роздал людям, гордым и сильным, и тем заманил их в ловушку. Давным-давно подпали они под господство Кольца Всевластия и превратились в Призраков Кольца, став тенью под покровом великой Тени, ее самыми ужасными слугами»²²⁵. Ставший одним из хранителей Кольца Боромир рассказывает об их возвращении: «А в этом году в июне, из Мордора на нас снова напали – и мы снова отступили. Нас было мало, а Мордор заключил союз с восточными племенами и жестокими харадримцами; но не численным перевесом одолели они нас. Мы столкнулись с силой, нам прежде неведомой. Говорят, будто исходила она

²²⁵ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 67.

от всадника на большом черном коне, подобного тени в лунную ночь. Где бы он ни появлялся, вражье воинство проникалось безумной яростью, а у нас даже отважнейших охватывал страх, и кони и люди пятились и обращались в бегство»²²⁶. Враг – не собирательный образ, он вполне персонифицирован: «Кое-кто из вас припомнит, как много лет назад я рискнул проникнуть в жилище Чародея-некроманта в Дол-Гулдоре, тайно исследовал его, и оказалось, что мы страшились не напрасно: то был не кто иной, как Саурон, наш давний недруг, вновь воплотившийся и обретший силу», – рассказывает Гэндальф²²⁷.

И вот это Кольцо Всевластия обладает таким разрушающим воздействием на того, кто им владеет, что перспектива стать его хозяйкой напугала даже эльфийскую владычицу Галадриэль:

«– Ты мудра, справедлива и бесстрашна, госпожа, – сказал Фродо, – я отдам тебе Кольцо, если захочешь. Эта тяжесть не по плечу мне.

Галариэль вдруг звонко рассмеялась:

– <...> Долгие годы я раздумывала, сколько всего могла бы сделать, имея Великое Кольцо. И вот его принесли мне. Зло, измышленное в древние времена, действует разными путями, и даже не так уж важно, устоит ли сам Саурон или падет. Если бы я силой или угрозами отняла Кольцо у гостя, разве не сочли бы это благородным поступком, разве не поставили бы этого в заслугу Сауранову Кольцу?

²²⁶ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 287.

²²⁷ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 293.

И вот наконец Кольцо здесь. Ты готов отдать его добровольно! Вместо Черного Властелина ты создашь Владычицу, не Черную, но прекрасную и страшную, словно утро и ночь! Прекрасной стану я как море, и солнце, и снег на горах! И ужасной, как буря и молнии. Власть моя будет прочнее оснований земли. Мир исполнится отчаяния и любви ко мне!

Она подняла руку, и от кольца брызнул яркий свет, озарив ее лицо среди мрака ночи. Она стояла теперь перед Фродо неизмеримо высокая, грозная и достойная поклонения. Потом рука ее упала, свет угас, она вдруг засмеялась снова – и, о диво! Фродо снова увидел прежнюю Галадриэль, по-эльфийски гибкую, в простом белом платье, и голос ее стал нежен и печален:

– Я прошла испытание. Я готова все покинуть, уйти на запад и остаться Галадриэлью»²²⁸.

Впрочем, есть один, на кого Кольцо всевластия не действует – Том Бомбадил, который на вопрос, кто же он такой, рассказывает о себе так: «Я – Старейшина, вот кто я. Запомните, друзья: Том старше реки и леса, Том помнит первый дождь и первый желудь. Он проложил тропы раньше, чем явился Рослый Народ, и видел, как прибыл маленький народец. Он был здесь до королей и до умертвий. Когда эльфы, вняв призыву, ушли на Запад, Том уже был здесь, задолго до того, как моря, опоясывающие мир, сомкнулись в кольцо. Том помнит сумеречный подзвездный мир, не ведавший

²²⁸ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 427-428.

страха, мир до пришествия Черного Властелина...»²²⁹. А вот как говорит о нем хоббитам его жена: «– Он таков, каким вы видите его, – пояснила Золотинка. – Хозяин холмов, лесов и вод.

– Так значит, весь этот диковинный край принадлежит ему?

– Нет-нет! – чуть нахмурясь, ответила она и добавила тихо, словно про себя: – Это было бы тяжкое бремя. Деревья и травы, все, что растет на земле, не принадлежит никому. Но Том хозяин. Никто еще не осмеливался тронуть его, когда он гуляет по лесу, плещется в воде или прыгает по холмам под солнцем и луною. Он ничего не боится. Том Бомбадил – хозяин»²³⁰.

Но и не он тот, на кого возложена миссия уничтожить Кольцо. Как говорит Гэндальф «он может не подчиниться Кольцу. Но ни изменить свойства Кольца, ни снять его бремя с других он не может. <...> Получив Кольцо, он быстро о нем забудет, а то и выбросит. Одним словом, из него не выйдет надежного хранителя»²³¹.

Пройти путь, полный опасностей и уничтожить Кольцо Всевластия должен тот, кто внешне вовсе не похож на героя – хоббит Фродо.

Толкин ярко показывает насколько хоббиты далеки от мечтаний о подвигах: «На самом деле очень немногие из хоббитов видели море и плавали по нему,

²²⁹ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 159.

²³⁰ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 151.

²³¹ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 312.

а еще меньше таких, кто возвращался, чтобы рассказать об этом. Большинство хоббитов относились с недоверием даже к небольшим речкам и мало кто из них умел плавать»²³².

Показателен разговор Фродо с эльфом, отражающий наивную веру в то, что где-где, а в Хоббитании не может произойти ничего плохого: «– Знаешь, полная правда вряд ли испугала бы меня больше, чем твои недомолвки! – воскликнул Фродо. – Я, конечно, готовился к опасностям; однако не здесь же, не дома! Неужели хоббиту уже нельзя спокойно пройти от Прудов к Реке?»

– Да ведь это земля не только ваша, – сказал Гилдур. – Жили здесь другие, до хоббитов, и будут жить, когда вас не станет. Мир широк; вы можете отгородиться от него, но нельзя же навек оставить его за оградой!»²³³.

И глобальные беды не обходят стороной и край, жителям которого казалось, что они могут спрятаться от них, как страус, зарыв голову в песок: «По Краю ходили слухи о странных событиях в дальних странах. <...> Эльфы прежде редко посещавшие Хоббитанию, теперь то и дело появлялись в лесах по вечерам, они уходили на запад, уходили и не возвращались. Они покидали Средиземье навек, и тревоги и заботы этой земли мало заботили их. Правда, на дорогах встречались и гномы – их тоже стало больше, чем прежде, – древний Западный Тракт вел через Край к Серебри-

²³² Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 16.

²³³ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 105.

стой Гавани, и гномы всегда ходили по нему в свои рудники в Голубых горах. От них-то главным образом хоббиты и узнавали при желании, что творится в мире; но гномы были скупы на слова, а хоббиты не особенно настойчивы. Но теперь Фродо все чаще попадались незнакомые гномы из отдаленных поселений, и кое-кто из них шепотом рассказывал о страшном Враге из Мордорской земли»²³⁴.

И именно Фродо в решающий момент делает свободный выбор посвятить себя уничтожению Кольца Всевластия: «Ужас охватил Фродо, словно сейчас должны были произнести приговор, которого он давно ожидал, напрасно надеясь, что сия чаша минет его. Страстное желание жить мирно и спокойно рядом с Бильбо в Раздоле захлестнуло его. Наконец, сделав усилие, он заговорил, с изумлением прислушиваясь к собственным словам, как будто кто-то другой говорил его слабым голосом:

– Я возьму Кольцо – хотя путь мне не известен»²³⁵.

Хоббит осознает всю тяжесть этого выбора еще в самом начале пути:

«– Хотелось бы мне, чтобы это случилось в другое время – не в мое, – сказал Фродо.

– И мне бы тоже, – сказал Гэндальф, – да и всем, кто дожил до таких времен. Но выбирать нам не дано.

²³⁴ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 57-58.

²³⁵ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 318.

Мы можем только решить, как распорядиться своим временем»²³⁶.

С Фродо идут маг Гэндальф, двое людей, три хоббита, гном и эльф. Эльфийская владычица Галадриэль говорит хранителям Кольца: «Я сразу могу сказать: ваш поход – по острию ножа. Отклонитесь лишь немного – и всеобщая гибель неизбежна. Но пока Хранители соблюдают верность, надежда жива»²³⁷.

От того, насколько успешна будет эта миссия, зависит судьба глобального мира толкиновского эпоса. По словам Гэндальфа «судьбы мира держатся на тонком волоске. Но чем дольше мы выстоим, тем жарче разгорится надежда»²³⁸.

Толкин показывает, как может вырасти хоббит, прошедший путь до конца и, справившись с испытаниями, превышавшими его силы, исполнивший возложенную на него миссию, и он показывает падение некогда великого мага Сарумана, на закате своей жизни измывавшегося над Хоббитанией. Хоббиты требуют казнить его, но Фродо запрещает. «Саруман, не оглядываясь, двинулся прочь. Дракониий язык поплелся за ним. Но когда они проходили мимо Фродо, в руке Сарумана вдруг сверкнул нож. Яростный удар обрушился на Фродо, но клинок скользнул по кольчуге, скрытой плащом и сломался. Сэм первый бросился на Сарумана, за ним другие; негодя повалили на землю, Сэм вытащил меч.

²³⁶ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 67.

²³⁷ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004. С. 417.

²³⁸ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 2. Две твердыни. М., 2004. С. 122.

– Стой, Сэм! – крикнул Фродо. – Даже сейчас – не убивай! Он не ранил меня. Не должен кончать так тот, кто был магом, членом великого братства. Он пал, и не в наших силах поднять его. Но мы должны сохранить ему жизнь: быть может, кто-то иной сумеет возродить его душу...

Хоббиты расступились. Саруман поднялся на колени и внимательно посмотрел на Фродо. В глазах его промелькнули удивление, уважение и ненависть – все сразу.

– Э, да ты вырос, невысоклик, – сказал он. – Да-да, сильно вырос. Ты мудр и жесток. Ты лишил меня сладости мести, теперь я должен унести с собой горькую мысль, что обязан тебе жизнью. Ненавижу тебя!»²³⁹

Впрочем, смерть к Саруману и его слуге приходит очень быстро: колдун «ткнул ногою своего злосчастного невольника, скорчившегося на земле, и повернулся, чтобы идти; вдруг Драконий Язык распрямылся как пружина и, выхватив спрятанный за пазухой нож, прыгнул на спину Сарумана. Мгновение – и бывший маг рухнул с перерезанным горлом, а Драконий Язык, вопя, помчался по тропинке вниз. Не успел Фродо опомниться, как три тетивы одновременно натянулись, три хоббитских стрелы пропели – и Грим Драконий Язык замертво повалился наземь»²⁴⁰.

Толкин показывает, как выбор хоббита Фродо меняет судьбу мира, в котором он живет, а выбор не-

²³⁹ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 3. Возвращение короля. М., 2004. С. 304.

²⁴⁰ Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 3. Возвращение короля. М., 2004. С. 305.

когда великого мага безвозвратно губит его. Невольно вспоминаются слова апостола Павла: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых; и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, - для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом» (1 Кор. 1, 28).

Заключение

В заключении хотелось бы вспомнить еще одного известного английского автора, становление которого происходило на рубеже XIX – XX веков – Арнольда Джозефа Тойнби (1889–1975), историка и социолога, в 1919–1924 профессора Лондонского университета, в 1925–1955 – Лондонской школы экономических наук. В 1925–1955 он был одним из руководителей Королевского института международных отношений; составлял (совместно с В. М. Баултером) ежегодные обзоры политических событий в мире.

В своей знаменитой работе «Цивилизация перед судом истории» он писал: «В каком же состоянии находится человечество в 1947 году христианской эры? Этот вопрос относится, без сомнения, ко всему поколению, живущему на Земле; однако, если бы мы провели всемирный опрос по системе Гэллапа, в ответах не было бы единодушия. На эту тему, как ни на какую другую (*quot homines, tot sententiae* – сколько людей, столько и мнений); поэтому мы должны прежде всего спросить самих себя: кому именно мы адресуем этот вопрос? Например, автор данного очерка – англичанин пятидесяти восьми лет,

представитель среднего класса. Очевидно, что его национальность, социальная среда, возраст – все вместе существенно повлияет на то, с какой точки зрения он рассматривает панораму мира. Собственно, как все и каждый из нас, он в большей или меньшей степени является невольником исторического релятивизма. Единственное его личное преимущество состоит в том, что он к тому же еще и историк и оттого по крайней мере сознает, что сам он лишь живой обломок кораблекрушения в бурном потоке времени, отдавая себе отчет в том, что его неустойчивое и фрагментарное видение происходящих событий не более чем карикатура на историко-топографическую карту. Лишь Бог знает истинную картину. Наши индивидуальные человеческие суждения – это стрельба наугад»²⁴¹.

В этой же книге он писал, давая оценку современному ему миру: «проблемы, всегда ухудшавшие жизнь и досаждавшие и прежним цивилизациям, вышли в сегодняшнем мире на первый план. Мы изобрели атомное оружие в мире, расколотом и разделенном между двумя супердержавами; и Соединенные Штаты, и Советский Союз придерживаются столь полярно противоположных идеологий, что они кажутся абсолютно непримиримыми. К кому же нам обратиться за спасением в этом опаснейшем положении, когда в наших руках не только

²⁴¹ Тойнби Дж. А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад.
<http://romanbook.ru/book/txt/9360095/?key=f5c448uct69fua73usjtav8873>
(дата обращения 03.01.2015 года).

собственные жизнь и смерть, но и участь всей человеческой расы? Спасение, вероятно, лежит – как это чаще всего и бывает – в поисках среднего пути. В политике эта золотая середина не будет означать ни неограниченного суверенитета отдельных государств, ни полнейшего деспотизма центрального мирового правительства; в экономике это также будет нечто, отличное от неконтролируемой частной инициативы или, напротив, явного социализма. На взгляд одного западноевропейского наблюдателя, человека среднего класса и среднего возраста, Спасение да придет ни с Востока, ни с Запада.

В 1947 году христианской эры Соединенные Штаты и Советский Союз представляют собой альтернативное воплощение огромной материальной силы современного человечества; «граница между ними прошла через всю Землю, и голос их достиг края света», но среди этих громких голосов не услышать голоса, пока еще тихого. Ключ к пониманию нам может быть передан через христианское послание <...>, а спасительные слова и дела могут прийти с неожиданной стороны»²⁴².

Почти семьдесят лет спустя после их написания эти слова, несмотря на поражение СССР в холодной войне и те сложности, которые испытывает на пути своего возрождения Россия, не потеряли своей актуальности; проблемы же, на которые обращал внимание А.Д. Тойнби, еще более заострены.

Авторы, ряд аспектов творчества которых были показаны в монографии, возможно и не думали, что их художественные произведения можно рассматривать в

²⁴² Там же.

качестве источника по историко-культурологическому отражению процессов империализма и глобализации сквозь призму сознания личности, вовлеченной в эти процессы и передающих их общий фон через свое творчество.

Арнольд Джозеф Тойнби

Впрочем, наверное, на что бы мы не смотрели, мы видим это через наши стереотипы и особенности восприятия, видим себя в других. И в этой связи и сегодня особенно актуален опыт английских писателей рубежа XIX – XX веков, готовых, говоря словами Г.К. Честертона «пройти сквозь огонь, чтобы добыть первоцвет» в поиске себя настоящих в мире, в котором, как писал Романо Гвардини «постепенно исчезает чувство собственного бытия человека и неприкосновенной сферы “личного”, составлявшее прежде основу социального поведения». Сегодня, когда процессы глобализации предельно заострены, когда англосаксонский мир распространяет свое

влияние и через культурный империализм, этот опыт ценен, как показатель точек соприкосновения и разрыва глобализма и традиции, которые могут стать основой для понимания происходящих в начале третьего тысячелетия процессов.

Библиографический список

Источники

1. Льюис К. С. Космическая трилогия. М.- СПб., 2011.
2. Льюис К.С. Лев, колдунья и платяной шкаф // Собр. соч. в 8 т. Т. 5. СПб., 1999.
3. Льюис К. С. Мерзейшая мощь // Собр. соч. в 8 т. Т. 4. СПб., 2003.
4. Льюис К. С. Настигнут радостью // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000.
5. Льюис К. С. О старинных книгах // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. СПб., 2004.
6. Льюис К. С. Письма к Малькольму // Собр. соч. в 8 т. Т. 8. СПб., 2000.
7. Льюис К. С. Последняя битва // Собр. соч. в 8 т. Т. 6. СПб., 2000.
8. Льюис К.С. Похороны Великого Мифа / Собр. соч. в 8 томах. Том 8. М., 2000.
9. Льюис К. С. Просто христианство // Собр. соч. в 8 т. Т. 1. СПб., 2004.
10. Льюис К.С. Серебряное кресло / Собр. соч. в 8 томах. Том 6. М., 2000.
11. Льюис К. С. Чудо // Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 2000.

12. Моэм У.С. Бремя страстей человеческих. Л., 1984.
13. Моэм С. Луна и грош. М., 1960.
14. Моэм У.С. Луна и грош // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984.
15. Моэм У.С. Острие бритвы // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М., 1985.
16. Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984.
17. Тойнби Дж. А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад <http://romanbook.ru/book/txt/9360095/?key=f5c448uct69fua73usjtav8873> (дата обращения 03.01.2015 года)
18. Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 1. Хранители Кольца. М., 2004.
19. Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 2. Две твердыни. М., 2004.
20. Толкин Д.Р.Р. Властелин Колец. Трилогия. Кн. 3. Возвращение короля. М., 2004.
21. Уайльд О. Баллада Рэдингской тюрьмы // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961.
22. Уайльд О. Мальчик-звезда // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961.
23. Уайльд О. Портрет Дориана Грея // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961.
24. Уайльд О. Рыбак и его Душа // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961.
25. Уайльд О. Счастливый принц // Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961.

26. Уэллс Г. Бэлпингтон Блэпский // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 13. М., 1964.
27. Уэллс Г. Война миров // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 2. М., 1964.
28. Уэллс Г. Дверь в стене // Собр. соч. в 15 томах. Т. 6. М., 1964.
29. Уэллс Г. Игрок в крокет // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 12. М., 1964.
30. Уэллс Г. Машина времени // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964
31. Уэллс Г. Облик грядущего // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 13. М., 1964.
32. Уэллс Г. Остров доктора Моро // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964.
33. Уэллс Г. Россия во мгле // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 15. М., 1964.
34. Уэллс Г. Человек — невидимка // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964.
35. Честертон Г.К. Бог с золотым ключом (из «Автобиография») // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991.
36. Честертон Г.К. Возвращение Дон Кихота // Г. К. Честертон. Перелетный кабак. Возвращение Дон Кихота. СПб., 1992.
37. Честертон Г.К. Вечный человек // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991
38. Честертон Г.К. Ортодоксия // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991.

39. Честертон Г.К. Шар и крест. М., 2008.

Литература

1. Аникст А. Оскар Уайльд. // О. Уайльд Избр. произвед. В двух томах. Т. 1. М., 1961.
2. Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков./ Сост. Г.П. Аксенов. М., 1993
3. Гвардини Р. Конец Нового времени www.krotov.info/libr_min/o4_g/gva/rdini.htm (дата обращения 03 октября 2013 года)
4. Гобсон Д. А. Империализм. Ленинград, 1927
5. Дьяконова Н. Я. «Роман, автобиография или биография» // Моэм У.С. Бремя страстей человеческих. Л., 1984
6. Каутский К. Империализм // К. Каутский. Демократия и социализм. Фрагменты работ разных лет. М., 1991.
7. Каутский К. Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М., 1917
8. Кригер И.Б. Философия Герберта Уэллса. Автореферат дисс. ... канд. философ. наук. М., 2005 <http://cheloveknauka.com/filosofiya-gerberta-uellsa#ixzz3JFm6hNEh>
9. Кураев А., диак. Ответы молодым lib.eparhia-saratov.ru/Books/10k/kuraev/answer/70.htm (дата обращения 14.12.12)
10. Ленин В. И. Соч., т. 14.
11. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 27. М., 1962

12. Ленин В.И. Империализм и раскол социализма. // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 30. М., 1962.
13. Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце: Прибавление (полностью) // Полное собрание сочинений. Том 4. Труды по физике, астрономии и приборостроению 1744-1765гг. М.-Л.: Академия наук СССР, 1955
14. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2008
15. Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II Москва-Ленинград, 1934.
16. Океанский В.П. Средние века продолжают // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2013. № 3-4(11-12).
17. Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на земле. М., 2011
18. Скороденко В. Предисловие // У.С. Моэм. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1984.
19. Трауберг Н. Гилберт Кийт Честертон и его трактаты // Г.К. Честертон. Вечный человек. М., 1991.
20. Трауберг Н. Космическая трилогия / К.С. Льюис. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М., 2003.
21. Федотов А.А. Формирование учения об империализме в начале XX века. Иваново, 2011
22. Федотов А.А. Проблемы империализма в книге Розы Люксембург «Накопление капитала» // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2012. № 1-2(5-6)
23. Федотов А.А. Учение об империализме в работах В.И. Ленина // Актуальные вопросы образования и науки. Научный журнал. Москва - Архангельск. 2010. № 5-6. Ноябрь.

24. Федотов А.А. Учение об империализме в одноименной книге Д. А. Гобсона // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2011. № 1-2.
25. Федотов А.А. Империализм начала XX века в формировании геополитики начала XXI века // Философия хозяйства. 2013. № 6(90)
26. Федотов А.А. Февральская буржуазная революция 1917 года в контексте формирования новой государственности в мире // На пути к гражданскому обществу. Научный журнал. 2013. № 1-2(9-10)
27. Шпенглер О. Закат Западного мира. М., 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Иеромонах Михаил (Чепель) «Милость к падшим».....</i>	<i>3</i>
СЕМИРАМИДА.....	13
<i>Е.В. Шелкопляс В ожидании нового расцвета «культуры любви».....</i>	<i>80</i>
<i>Протоиерей Дмитрий Сазонов Рецензия на повесть «Семирамида».....</i>	<i>89</i>
<i>Тинатин Гогочашвили Отзыв переводчицы «Семирамиды» на грузинский язык.....</i>	<i>91</i>
<i>Д.Л. Шукуров Рецензия на повесть «Семирамида».....</i>	<i>93</i>
АННУШКА. Предисловие Д.Л. Шукурова.....	96
НИКИТУШКА.....	154
НА ГРАНИЦЕ МИРОВ. Фантасмагория в двух действиях.....	159
Духовные поиски английских писателей на рубеже XIX-XX веков в контексте формирования глобального мира. Монография. Предисловие Д.Л. Шукурова.....	212

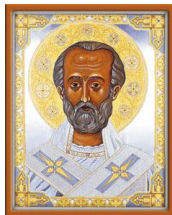
Литературно-художественное издание

Федотов Алексей Александрович
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМ IV

СЕМИРАМИДА
АННУШКА
НА ГРАНИЦЕ МИРОВ
РАССКАЗЫ
ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ АНГЛИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.

Формат 60x84/16. Объем Печ. л. 23,5. Усл. печ. л. 21,855. Уч.-изд. л. 12,65.
Гарнитура «Constantia». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ 275.

Отпечатано в ОАО Информатика
153032, г. Иваново, ул. Ташкентская, д. 90

**Издание выпущено при поддержке
Благотворительного Фонда Святителя Николая Чудотворца
www.nacxa.ru**

Дорогие читатели!

Благотворительный Фонд Святителя Николая Чудотворца действует уже свыше 15 лет. Только за первые десять лет своей работы выполнил 880 соглашений о благотворительной помощи по 615 проектам на территории 50 субъектов Российской Федерации и 37 проектам за рубежом. Фонд участвовал в строительстве и восстановлении свыше 100 монастырей и храмов, воздвижении 26 памятников святым покровителям России и видным общественным деятелям, бесплатно распространил свыше миллиона единиц печатной продукции, организовал десятки паломнических поездок по России и за рубеж, множество благотворительных концертов с участием известных на всю страну исполнителей. Организовывалась помощь детским садам, общеобразовательным и шахматным школам, центрам детского творчества, православным семинариям и миссионерским центрам. Фонд Святителя Николая Чудотворца оказывал благотворительную помощь военным летчикам, морякам, пограничникам и десантникам.

Естественно, что такая деятельность не могла пройти незамеченной; силы тьмы не любят тех, кто идет за Христом Спасителем. Поэтому Фонд столкнулся с множеством сложностей, нападок со стороны самых разных людей, причем некоторые из них ранее сами принимали помощь Фонда. Но, несмотря на все трудности и испытания, наша работа продолжается во славу Бога, молитвенным предстательством Святителя Николая Чудотворца.

Мы просим и Вас о молитвенной поддержке, которая необходима нам для преодоления возникающих на пути развития Фонда преград и реализации новых проектов, а также о молитвах за наших ушедших в путь всей земли родственниках и дорогих нашему сердцу людям, духовное единство с которыми мы ощущаем в Церкви Христовой, в которой соединяются ныне живущие с теми, кто перешагнул порог вечности.

Просим Ваших молитв:

О здравии: иеромонаха Михаила, Андрея, Александра, Александры, Александры, Николая с сослуживцами.

О упокоении: Евфросинии со сродниками, Юрия со сродниками, Иоанна со сродниками, Надежды, Бориса, Татьяны.

И Вас да сохранит и благословит Господь!